

RESPUBLICA
LITERARIA

№1 2026

Respublica Literaria

2026. Т. 7. № 1

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор – Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора – Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГИИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжениаков А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell С. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)
Гун Нань (Хэйлунцзянский университет, КНР)

Editorial council:

Chief editor – M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor – A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Secretary – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Abblazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz,
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)
Gun Nan (Heilongjiang University, China)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ	5
Абрамова М. А. Российская модель мультикультурализма как фактор сплочения народов	9
Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В. В сети 24/7: цифровая инфраструктура и онлайн-практики современных детей	32
Демьяненко А. Н., Ярулин И. Ф. Дальний Восток России: чемодан без ручки или ...?	46
Зазулина М. Р. Институциональная организация местного самоуправления как фактор интеграции российского цивилизационного пространства.....	58
Маклашова Е. Г. Межэтническое согласие в полиэтническом сообществе: индикаторы и индексы (на материалах социологических исследований в Республике Саха (Якутия))	77
Мамадалиева Э. Р. Социально-экономические дисбалансы и их влияние на воспроизводство человеческих ресурсов в регионах Узбекистана	93
Мацевич М. Я. Место и роль Сибири в философии французских «новых правых» ...	104
Солодова Г. С. Наднациональная инфраструктурная интеграция: цели и условия	114
Филиппов С. И. Факторы лояльности сибирской военно-гражданской администрации центральной власти.....	122
Хасанова П. А., Орлова Н. А. Не свои: отношение мигрантов – отношение к мигрантам	136
Черных С. И. Образование как фактор геополитики	147

РЕЦЕНЗИИ

Арутюнова Е.М. «Поворот на Восток» геополитическая метафора и/или операциональный вектор государственной политики?	160
Жигунова М. А. Этнокультурная идентичность восточнославянских народов в Сибири: история изучения и динамика	165
Разумов В. И. Россия в средокрестии пространств и времен (о новой работе сибирских философов)	172

CONTENTS

From the editorial office. THE FIRST INTERNATIONAL FORUM	5
Abramova M. A. The Russian Model of Multiculturalism as a Factor of National Integration	9
Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V. Online 24/7: Digital Infrastructure and Everyday online Practices of Contemporary Children	32
Demyanenko A. N., Yarulin I. F. Russian far East: A Suitcase Without a Handle or ...? ...	46
Zazulina M. R. Institutional Organization of Local Self-Government as a Factor of Integration of the Russian Civilizational Space	58
Maklashova E. G. Interethnic Harmony in a Multiethnic Community: Indicators and Indexes (Based on the Materials of Sociological Research in the Republic of Sakha (Yakutia))	77
Mamadaliyeva E. R. Socio-Economic Imbalances and Their Impact on Human Resource Reproduction in the Regions of Uzbekistan	93
Matsevich M. Ya. The Place and Role of Siberia in the Philosophy of the French «New Right»	104
Solodova G. S. Supernational Infrastructure Integration: Objectives and Conditions	114
Filippov S. I. Conditions for the Loyalty of the Siberian Military-Civil Administration to the Central Power.....	122
Khasanova P. A., Orlova N. A. Not ours: the attitude of migrants – attitudes towards migrants	136
Chernych S. I. Education as a Factor of Geopolitics	147
REVIEW	
Arutyunova E.M. Is the "Pivot to the East" a geopolitical metaphor and/or an operational vector of state policy?	160
Zhigunova M. A. The Ethnocultural Identity of the East Slavic Peoples in Siberia: History of Study and Dynamics.....	165
Razumov V. I. Russia in the Crossroads of Space and Time (on a New Work by Siberian Philosophers)	172

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «СИБИРЬ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПОВОРОТЕ: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ»

Современный этап глобального цивилизационного кризиса характеризуется углубляющимся процессом глокализации и формированием новой, полицентричной архитектуры миропорядка, одним из проявлений которого стали нарастающие противоречия между Россией и коллективным Западом. В сложившихся обстоятельствах российская стратегия в области внешней и внутренней политики требует уточнения геополитических координат развития.

В контексте предстоящего глобального культурно-цивилизационного переконфигурирования мира, характер интеграции России в евразийское социокультурное пространство выступает судьбоносным вопросом обеспечения ее безопасности и благополучия как страны, по природе своей являющейся евразийской. Если по ряду направлений, прежде всего в отношении экономики и геополитики (в рамках действующего Евразийского экономического союза), уже существуют определенные заделы и намеченные перспективы, то сфера социокультурных взаимодействий, включая этносоциальные, до сих пор не была охвачена должным институциональным вниманием и нуждается в серьезном научном осмыслении. Это касается анализа состояния, динамики и перспектив взаимодействий как на внешнем для страны радиусе (Россия – Внутренняя Евразия), так и в ее внутреннем пространстве, т. е. на уровне межэтнических и локальных сообществ, интеграционный потенциал которых является важным условием общего российского благополучия.

Особое значение приобретает исследование роли Сибири как ключевой точки евразийского социокультурного ландшафта и неотъемлемой составляющей России, играющей значительную роль в процессах грядущих трансформаций. Необходимым становится детальное изучение геополитического положения Сибири, ресурсного, человеческого потенциала, а также выявление перспективных направлений ее развития, соответствующих общей тенденции построения более справедливого и гуманного мироустройства. Такое понимание Сибири позволяет сформулировать ясные цели национального самоопределения и цивилизационные ориентиры России, определяющие ее роль в складывающемся новом мировом порядке.

Прошедший с 25 по 28 сентября 2025 г. в Академгородке г. Новосибирска Первый Международный Форум «Сибирь в стратегическом цивилизационном повороте: глобальное и региональное измерения» как раз и был посвящен обсуждению указанных выше вопросов. На мероприятии были представлены материалы исследований, демонстрирующие анализ факторов, обуславливающих кризис современной цивилизации, выявляющие формирование новых цивилизационных коридоров и трансграничных территорий в интеграции евразийского и мирового пространства, а также экономический, гуманитарный и этнокультурный потенциал Сибири как одного из стратегических центров межцивилизационного диалога. Организаторами Форума выступили: Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Институт философии и права Новосибирского государственного университета, Сибирское отделение Российской академии

наук, Автономная некоммерческая организация поддержки и развития гуманитарных исследований «Свободные науки». Проведение форума поддержало Правительство НСО по системе конкурсного отбора, реализованного Министерством региональной политики Новосибирской области.

В работе Форума приняло участие более 300 исследователей, молодых ученых и студентов из России, Казахстана, Узбекистана, Беларуси и Монголии. В России участники представляли города: Махачкала, Ростов-на-Дону, Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Саратов, Тюмень, Якутск, Владивосток, Хабаровск, Улан-Удэ, Абакан, Красноярск, Кемерово, Кызыл, Барнаул, Омск, Томск, Новосибирск. Дистанционно к пленарному заседанию также подключились студенты вузов из Москвы и Владивостока, что значительно расширило географию и возрастные группы участников.

Конструктивная дискуссия в рамках форума позволила выстроить диалог между учеными, представителями органов власти и образовательным сообществом относительно ключевых аспектов формирования полицентричного мирового порядка и особой роли Сибири в реализации ее цивилизационной и социокультурной миссии. Повышению значимости дискуссионных площадок способствовало представление результатов эмпирических исследований, отражающих объективную картину региональной динамики в России. Наиболее активные дебаты развернулись вокруг анализа тенденций в изменениях демографической ситуации, особенностей миграционных потоков и их влияния на социально-экономические характеристики регионов.

На пленарном заседании в малом зале Дома ученых в Академгородке с приветственными словами участникам Форума выступили: заместитель министра Министерства региональной политики Новосибирской области Дмитрий Федорович Петров; вице-президент РАН, председатель СО РАН, академик Валентин Николаевич Пармон; д-р филос. наук, профессор, директор Института философии и права Новосибирского государственного исследовательского университета Владимир Серафимович Диев; директор автономной некоммерческой организации «Свободные науки», выигравшей грант в конкурсе социально-значимых проектов Министерства региональной политики Новосибирской области, канд. филос. наук, заместитель директора Института философии и права СО РАН – Александр Афанасьевич Санженатов; руководитель программного комитета Форума, д-р пед. наук, профессор, заведующая отделом социальных и правовых исследований Мария Алексеевна Абрамова.

Необычайный интерес вызвали пленарные доклады. Арутюнова Екатерина Михайловна, канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва) в докладе «Процессы консолидации в российском обществе: факторы интеграции и дезинтеграции в этносоциальном контексте» ознакомила участников Форума с результатами этнологического мониторинга по России. В качестве основных выводов о факторах дезинтеграции в этносоциальном контексте, полученных совместно с коллегой Игорем Михайловичем Кузнецовым (ИС ФНИСЦ РАН, Москва), были указаны: субъективное восприятие социального неравенства; усиление влияния нетрадиционного ислама в регионах с частично исламским населением; придание чрезмерной значимости этничности; внешние влияния через сепаратистские дискурсы.

Доклад Митрофановой Екатерины Сергеевны, канд. социол. наук, заведующей научно-учебной лабораторией социально-демографической политики в Институте демографии имени А. Г. Вишневого покорила участников динамической иллюстрацией поколенческих разрывов. Слушатели заворуженно наблюдали анимированную динамику изменений в соотношении численности молодежи и людей пенсионного возраста с 1989 г. и в перспективе до 40-х гг. XXI в. Исследователь представила также анализ новейших тенденций демографических и миграционных процессов в России и в соседних государствах, результаты которого свидетельствуют о том, что демографическая ситуация в России находится под влиянием одинаковых с другими странами процессов.

Яркое выступление Андрея Владимировича Головнева, академика РАН, директора Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН на тему «Северность в идентичности России» было посвящено обоснованию самобытности культуры и истории России. В своем докладе автор выделил и обосновал характеристики северности: власть над собственной судьбой, край вольности, искусство движения, единение с природой, эстетика зимы, страна чудес, богатств и героев, от безмолвия до поэзии, открытая этничность, ненавязчивое самосознание. Основной фокус внимания был сконцентрирован на потенциальных возможностях использования идеи «северности» как основы для национальной идеи России.

Андрей Владимирович Иванов, д-р филос. наук, профессор, директор Центра гуманитарного образования АГАУ, г. Барнаул, представил доклад «Великие цивилизационные коридоры Евразии: прошлое и будущее». Обосновав необходимость введения понятия «цивилизационный коридор», докладчик выделил исторически сформировавшиеся широтные и меридиональные цивилизационные коридоры Большой Евразии. По мнению Андрея Владимировича, цивилизационные коридоры Большой Евразии были и остаются важнейшими каналами обмена материальными и духовными ценностями между народами. Они имеют не только экономическое и политическое, но также экологическое, научное, культурное и личностное измерения. Автор считает, что «в нынешних условиях нарастающей мировой конфронтации важно актуализировать их синтетический и созидательный евразийский цивилизационный потенциал. Они должны стать коридорами мира и сотрудничества между народами и цивилизациями».

Закрывал пленарное заседание доклад Юрия Владимировича Попкова, д-ра филос. наук, профессора, главного научного сотрудника Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск, на тему «Этносоциальные процессы в цивилизационной динамике: методологические основания, проблемы, позитивный опыт».

Представители экспертного сообщества на данном мероприятии обратили особое внимание на высокое качество представленных ключевых докладов, а также ценностную составляющую презентаций результатов исследований коллег из регионов страны, раскрывших обширные аспекты реализуемых ими научно-исследовательских проектов. Обмен мнениями относительно особенностей методологии и специфики проводимых эмпирических изысканий в ходе последующего заседания секции и специальных экспертных обсуждений позволил исследователям из различных уголков страны осуществить продуктивный взаимообмен профессиональным опытом, заложив основу для возможных совместных инициатив и сотрудничества в будущем.

Решению задач популяризации результатов междисциплинарных исследований и повышения интереса молодых исследователей к саморазвитию в процессе научной деятельности послужило их участие не только в работе пленарного и секционных заседаний, но и присутствие на экспертных панелях: «Методологические и методические основания исследований этничности» (рук. Е. М. Арутюнова); «Анализ наступления событий жизни: современные подходы» (рук. Е. С. Митрофанова); «Субъективное благополучие и субъективное качество жизни в региональной перспективе» (рук. А. М. Алмакаева).

При подведении итогов Форума было выражено общее пожелание о систематическом характере проведения мероприятия, что будет способствовать активизации коллективного внимания к затронутым темам, не только в рамках научных дискуссий, но и государственной политики. Важность опоры на объективные научные выводы при разработке программ развития территорий была признана всеми участниками форума.

Комбинация глубокого теоретического осмысления фундаментальных направлений эволюции российского общества, глобальных трансформационных процессов и практических выводов позволила ученым, политическим деятелям и представителям властных структур выработать важные рекомендации, способные сыграть ключевую роль в определении дальнейших путей развития нашей страны, включая регионы Сибири и Дальнего Востока, при условии наличия достаточной политической решительности и конструктивной позиции власти.

Данный выпуск журнала «Respublica Literaria» представляет статьи, отражающие расширенное содержание некоторых докладов участников Форума. Мы надеемся, что они будут полезны и интересны нашим читателям. Сборник материалов Форума «Сибирь в стратегическом цивилизационном повороте: глобальное и региональное измерения» можно найти на странице Института Философии и права СО РАН, а также на сайте научной электронной библиотеки.

В рубрике «Рецензии» данного выпуска журнала представлены статьи, освещающие результаты комплексных научных исследований в Сибири и на Дальнем Востоке, опубликованные в монографиях¹: «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в условиях поворота на Восток»; «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI вв.)»; «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)». Мы полагаем, что освещение данных работ дополнит спектр результатов исследований, представленных в рамках работы Форума.

*Главный редактор журнала «Respublica Literaria»,
руководитель программного комитета Форума
Мария Алексеевна Абрамова*

¹ См.: Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в условиях поворота на Восток. (2025). Отв. ред. Т. Б. Смирнова, А. Н. Блинова. Омск: Изд. дом «Наука». 290 с.; Фурсова, Е. Ф., Федоров, Р. Ю., Шитова, Н. И., Голубкова, О. В., Васеха, М. В. (2022). Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI вв.). Отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск. 284 с.; Иванов А. В., Попков Ю. В., Фотиева И. В. (и др.). (2025). Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода). Ред. А. В. Иванов, И. В. Фотиева. Барнаул: Новый формат. 303 с.

УДК 008 + 321

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА КАК ФАКТОР СПЛОЧЕНИЯ НАРОДОВ

М. А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
marika24@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено обоснование автором термина «мультикультурализм» как характеристики процесса взаимодействия этнокультурных групп в межэтническом сообществе (регионе, стране, цивилизации), в процессе реализации которого происходит взаимопроникновение элементов этнических культур и образование общего социокультурного ядра (национальной идеи), а также как идеологии и политики. Показаны отличия мультикультурной модели от поликультурной, и выявлена специфика российской модели мультикультурного сообщества, на становление которой повлияли: византийские традиции государственного управления, православие и евразийская концепция цивилизационной и геополитической миссии России. Автор полагает, что изучение специфики российской модели мультикультурализма, как особого социокультурного феномена, практически не имеющего аналогов, является крайне важным для решения задачи сплочения российского общества.

Ключевые слова: мультикультурализм, модель политики, Россия, гармонизация межэтнических отношений, история взаимодействия народов в России, византизм.

Для цитирования: Абрамова, М. А. (2026). Российская модель мультикультурализма как фактор сплочения народов. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 9-31. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.9-31

THE RUSSIAN MODEL OF MULTICULTURALISM AS A FACTOR OF NATIONAL INTEGRATION

M. A. Abramova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
marika24@yandex.ru

Abstract. The article presents the author's justification of the term "multiculturalism" as a characteristic of the process of interaction between ethno-cultural groups in an interethnic community (region, country, or civilization), which involves the interpenetration of elements of ethnic cultures and the formation of a common sociocultural core (national idea), as well as an ideology and policy. The article shows the differences between a multicultural model and a polycultural model, and identifies the specific features of the Russian model of a multicultural community, which was influenced by Byzantine traditions of state administration, Orthodoxy, and the Eurasian concept of Russia's civilizational and geopolitical mission. The author believes that studying the specifics of the Russian model of multiculturalism, as a unique socio-cultural phenomenon with almost no analogues, is extremely important for solving the problem of uniting Russian society.

Keywords: Multiculturalism, Policy Model, Russia, Harmonization of Interethnic Relations, History of Interaction Between Peoples in Russia, Byzantinism.

For citation: Abramova, M. A. (2026). Social Policy as a Strategy for Organizing Social Interaction and Development of Society. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 9-31. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.9-31

В условиях современных глобальных дезинтеграционных процессов и необходимости переосмысления исторических траекторий развития государств, возрастает значимость поиска консолидирующих российское общество факторов. В этом контексте обращение к концепции мультикультурализма выглядит неоднозначным. С одной стороны, она подвергается критике как утопическая, основываясь на результатах ее реализации в западных странах. С другой стороны, сопоставление западного опыта с российской моделью мультикультурализма выявляет существенные расхождения, как в содержании, так и в исторически сформировавшихся предпосылках. Эти отличия обусловлены не только различными социокультурными аспектами, но и в большей степени уникальной духовной составляющей российского общества, исторически характеризующейся синтезом культур и религий, а также признанием самоценности каждой этнической группы.

Изучение специфики российской модели мультикультурализма, как особого социокультурного феномена, практически не имеющего аналогов, является крайне важным. Поскольку особенно в современной сложной социально-политической ситуации необходимо понять, какие именно механизмы в системе государственного администрирования позволили России на протяжении длительного периода успешно консолидировать различные народы в единое мультикультурное сообщество. Мы убеждены, что такое исследование обладает значительным эвристическим потенциалом и может существенно обогатить практику принятия управленческих решений.

Проблемы формирования национальной политики, в том числе явлений мультикультурности и поликультурности, затрагивались многими исследователями. Значительный вклад в изучение истории межнациональных отношений и роли этничности в формировании государства внесли такие исследователи, как Р. Г. Абдулатипов, Г. В. Атаманчук, А. И. Вдовин, М. Н. Губогло, Л. Н. Гумилев, А. Ф. Дашдамиров, Л. М. Дробижева, К. В. Калинина, А. А. Мацнев, В. А. Михайлов, В. И. Мукомель, Л. Р. Низамова, В. А. Тишков, А. А. Чичановский. Их труды являются ценным источником для осмысления и регулирования современных этнических и этнополитических процессов в России.

Позитивная роль мультикультурализма в решении проблем глобализации обоснована С. Бенхабиб, Э Гидденсом, Г. А. Коротким. В работах Н. М. Лебедевой, О. В. Луневой, Т. Г. Стефаненко представлена значимость развития принципов мультикультурности в формировании культуры межнационального взаимодействия. Основную задачу мультикультурного образования в формировании мультикультурной компетентности, которая есть знание культуры собеседника и шкалы его ценностей, обосновывает М. Клас. Анализ использования концепта мультикультурности в высшем образовании и культурной политике США и Австралии представляют Д. Сакс, П. Эткинсон.

А. И. Куропятник рассматривает мультикультурализм как основу стабильности многонациональных обществ [Куропятник, 2000; Куропятник, 2003], в то время как С. М. Федюнина акцентирует внимание на нем как на политике и практике межкультурного взаимодействия в условиях социальных изменений [Федюнина, 2006; Федюнина, 2008, с. 22]. Мы солидарны с позицией, согласно которой политика государств, принявших доктрину мультикультурализма (включая США, Великобританию, Францию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию), предполагала официальное признание и создание благоприятных условий для параллельного существования различных этнических групп. Однако, несмотря на декларируемые принципы демократического общества – толерантность и уважение

к правам других, практическая реализация данной стратегии управления не всегда способствовала достижению гармонизации межэтнических отношений, что в конечном итоге привело к их обострению в условиях массового притока беженцев и мигрантов.

Исследователи Ч. Кукатас¹ и У. Кимлика [Kumlicka, 1995; Kumlicka, 2001] утверждают, что плюрализм, будучи фундаментальным принципом либерального общества, не является залогом его консолидации. Его роль сводится к формированию правил общежития и установлению социальных дистанций в рамках уже существующего сообщества. Однако стремительные трансформации в этнической, политической и экономической сферах продемонстрировали уязвимость данной модели, лишенной эффективных механизмов предотвращения внутренних противостояний. Мы полагаем, что причиной такого положения дел стало длительное пренебрежение государствами постановки задач по интеграции этнических групп и созданию условий для выстраивания межэтнического диалога. Это привело к несформированности социокультурного ядра, способного обеспечить единство людей, отличающихся по вероисповеданию, этнической принадлежности и социальному статусу.

В данном контексте мы обращаем внимание на исследования, которые рассматривают мультикультурализм не только как политику, формирующую отношения внутри государства, но и как отражение духовной жизни общества и способ его интеграции. К таким авторам относятся С. Бенхаbib, В. С. Малахов, О. А. Митрошенков, Э. А. Паин, В. В. Савельев, С. Хантингтон и др. Несмотря на определенные теоретические достижения и попытки их практического применения в управлении социальными процессами, исследование проблемы мультикультурализма как социокультурного феномена, а также специфики российской модели, остается пока на периферии отечественной науки и политики.

Мы отчасти затрагивали ее в работе «Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями» [Абрамова, 2016], где рассматривали сущность мультикультурализма как социокультурного феномена через анализ специфики формирования «картины мира», исторически сложившихся различных типов (моделей) мультикультурализма; специфику российской модели мультикультурализма как идеологии и политики, ее истоков и особенностях реализации на различных этапах российской истории – имперском, советском, постсоветском. Полученные теоретические выводы были эмпирически подтверждены в рамках изучения семьи как социального института, наиболее ярко демонстрирующего идею синтеза культур различных этнических групп. К сожалению, за прошедшее десятилетие с того момента, как работа была опубликована, исследование феномена российской модели мультикультурализма не нашло своего развития, хотя востребованность поиска оснований для консолидации российского общества только возросла.

Возникает ощущение, что осуществляется попытка вновь изобрести универсальную конструкцию самопринятия себя как страны, и сторонники одного лагеря выстраивают суждения «от противного», противопоставляя Россию Западу, а вторые, используя западные политологические концепции, встраивают в их методологические рамки исследование российского опыта. В данной статье мы опираемся на точку зрения, ориентирующую нас в первую очередь на познание самих себя и своей истории. Почему мы стали теми,

¹ Кукатас, Ч. *Теоретические основы мультикультурализма*. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylyzma> (дата обращения: 10.02.2026).

кто мы есть? Почему идея вроде бы сближения народов в одной стране дает «плави́льный котёл», а в России «пятнадцать республик – пятнадцать сестер» и государственное обоснование территориального разделения с учетом доминирующей этнической группы?

Фактически, при всем многообразии понимания и воплощения модели мультикультурализма, России оказался ближе не вариант Канады и Австралии, где государственная политика организации межэтнического взаимодействия основывалась на реализации принципа компромисса между требованием сохранить единую идентичность и систему ценностей для поддержания государственного единства с сохранением права на отличие, а индийский, где еще в 1950-х гг. в Конституции были внесены поправки, учитывающие культурное многообразие страны. Конституция Индии признавала языковое многообразие населения (в школах было закреплено преподавание на трех языках: языке штата и двух официальных языках страны – хинди и английском), религиозное многообразие, что отразилось и на календаре праздников. Как отмечает Ронан Ле Коадик: «... федеральное государство даже пытается соблюсти юридический плюрализм, признавая роль и нормы юридических институтов различных общин. Наконец, оно обеспечивает представительство внесенных в реестр племен и каст, резервируя для них места в парламенте»². По определению М. Вевьёрки [Вевьёрка, 2005, с. 22], данная модель относится к типу интегративного мультикультурализма, который сочетает требование признания культурного разнообразия с борьбой против социального неравенства. Политика, строящаяся на признании материнских языков, истории, традициях некоторых меньшинств, субсидирующая специальные средства их членам, чтобы обеспечить им реальный доступ к возможности избежать бедности и социальной эксклюзии, оказалась весьма эффективной [Там же].

В отличие от индийского варианта, Канада, стоявшая перед угрозой политического распада, хоть и официально в 1971 г. провозгласила политику мультикультурализма, но фактически ее реализация была ограничена программами и службами, направленными на поддержку этнокультурных ассоциаций и помощь меньшинствам в преодолении препятствий, которые мешают их полноправному участию в жизни общества. И лишь в 1982 г. мультикультурализм стал конституционной нормой благодаря принятию «Канадской хартии прав и свобод», а вслед за ней специальных законов, призванных «способствовать признанию и взаимному уважению различных культур, существующих в стране, а также поощрять их выражение и открытое появление в обществе»³.

В Австралии мультикультурализм был частью политики правительства, направленной на смягчение традиционного для большинства населения белого расизма. С обделенными и дискриминируемыми австралийскими аборигенами нужно было договориться, чтобы легитимировать необходимую для экономики страны иммиграцию из соседней Азии. Австралия позаимствовала идею мультикультурализма у Канады в 1973 г., когда лейбористское правительство опубликовало документ, озаглавленный «Мультикультурное общество – общество для будущего». В последующие годы были приняты различные меры,

² Ле Коадик, Р. *Мультикультурализм*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ethno-photo.livejournal.com/15997.html> (дата обращения: 07.01.2026).

³ Выдержка из канадского закона о мультикультурализме, июль 1988 г. Цит. по: Ле Коадик, Р. *Мультикультурализм*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ethno-photo.livejournal.com/15997.html> (дата обращения: 07.01.2026).

направленные на развитие многоязычия в СМИ, создание так называемых этнических школ и борьбу против дискриминации в отношении иммигрантов и расовых меньшинств. В 1978 г. доклад федерального правительства Австралии, посвященный обустройству иммигрантов и деятельности государственных служб, ответственных за работу с иностранцами, поставил вопрос о необходимости мультикультурной политики социальной помощи, а в 1989 г. австралийское государство официально стало мультикультурным. Оно признало за всеми представленными в стране этническими группами право на сохранение их уникальной культуры и обязалось предоставлять им помощь для реализации этой цели⁴. Отныне иммигранты, прибывающие в Австралию, должны были интегрироваться в гражданское общество и уважать принятые в нем правила, но не обязаны более следовать нормам этнического большинства.

В отличие от Канады и Аляски, признавших мультикультурную политику и соответствующие институты открыто и безоговорочно, США и Западная Европа восприняли идею мультикультурализма, как отмечает Г. Тёрборн [2001, с. 50], лишь неявно и частично, поскольку сознательное формирование мультикультурного общества представляло собой серьезный вызов традиционной политической философии, социальной теории и политической идеологии Запада, вынужденных решать проблемы значения культурной идентичности и функционирования культур адекватным конструированием политической жизни.

Формирование парадигмы мультикультурализма в Соединенных Штатах Америки и ряде государств Западной Европы было связано с наметившейся тенденцией замены концепции национального государства, ориентированного на формирование монокультуры, на мультикультурное. Традиционная модель национального государства, ориентированная на гомогенность культуры, постепенно уступала место мультикультурному подходу, что было продиктовано преимущественно демографическими, экономическими и, в некоторых случаях, идеологическими факторами. В послевоенный период, в контексте восстановления и реструктуризации экономики, для ликвидации дефицита трудовых ресурсов многие из этих стран активно привлекали мигрантов из развивающихся регионов, готовых к принятию более низкого уровня оплаты труда по сравнению с местными стандартами. Это оказало существенное влияние на трансформацию как этнического, так и социокультурного облика принимающих обществ. В процессе аккультурации мигрантов значительную роль играли социальные институты, аналогичные «землячествам». Они функционировали как центры консолидации для представителей конкретного этноса, независимо от их миграционного статуса (беженцы, нелегальные мигранты, временные работники), включая даже высококвалифицированных специалистов, успешно интегрирующихся в принимающую среду. Взаимодействие потребностей развитых экономик с сохранением архаичных (в данном контексте – традиционных) социальных связей в рамках этноса способствовало как трансляции культурного наследия предков молодому поколению, так и успешной адаптации мигрантов в принимающем сообществе.

По определению М. Вевьёрки, данный тип мультикультурализма можно отнести к *фрагментарному*, когда дифференциация проходит между политикой культурных отличий и политикой социального неравенства: «Фактически это не политика культурного

⁴ Ле Коадик, Р. *Мультикультурализм*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ethno-photo.livejournal.com/15997.html> (дата обращения: 07.01.2026).

признания, о чем так часто говорят, а социальная политика. Ее цель – дать возможность людям получить доступ к работе, учебе, рынкам и т. д. путем установления особых, направленных на них, способов. Цель здесь – противостоять невыгодному положению, от которого эти люди страдают в результате принадлежности к меньшинствам, подавляемым исторически» [Вевьёрка, 2005, с. 23]. Таким образом, осуществляется борьба с неравенством, что на самом деле не есть еще признание ценности различных культур.

С. Бенхабиб описывает данный тип мультикультурализма как *мозаичный*: «Под радикальным, или мозаичным, мультикультурализмом я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры представляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы» [Бенхабиб, 2003, с. 9].

В рамках рассмотрения данного подхода следствием выбора стратегии межэтнического взаимодействия, получившей название «мультикультурализм», стала организация взаимодействия не только индивидов-граждан данной страны, но и этноконфессиональных общин по принципу общности языка, конфессии, культуры и пр. При этом в большинстве развитых стран численность и мощь этих эмигрантских общин, часть из которых не стремилась фактически к интеграции в принимающее общество, возрастала. В результате с 1990-х по 2013 гг. доля иностранцев в населении Великобритании выросла с 3,3 до 14,5 %, Франции – с 6,4 до 11,4 %, Германии – с 8,2 до 12 %⁵. Для многих государств, которые исторически создавались по принципу национальных, провозглашение идеи «мультикультурного общества» фактически стало синонимом разрыва единого социально-политического пространства и причиной цивилизационного разлома, что неминуемо сказалось и на интерпретации, и на эмоциональном восприятии термина «мультикультурализм», а также послужило основанием для появления ряда публикаций, свидетельствующих о крахе политики мультикультурализма в ряде стран Западной Европы.

В странах Западной Европы восприятие термина «мультикультурализм» связано с постколониальным наследием и поиском ответов на вопрос, как преодолеть нежелательную иммиграцию, ощутимо влияющую на социально-экономическую обстановку и угрожающую культурной идентичности этих стран. Так, во Франции реализация политики «мультикультурализма» часто рассматривается как угроза раскола современных демократических обществ, основанных на желании граждан жить вместе, на множество этнических общин, жестко определенных, замкнутых внутри себя и отрицающих личную свободу и общечеловеческие ценности. Хотя, по нашему мнению, употребление термина «мультикультурализм» в данном контексте не совсем корректно, поскольку отход от интеграции как стратегии межэтнического взаимодействия к сегрегации скорее характерен для поликультурного общества, признающего множественность культур, но не ставящего на первое место цель – стать целостным.

Анализируя феномен мультикультурализма, Г. Тёрборн обходит стороной специфику его функционирования на государственном уровне, в сфере политики и стратегического управления [Тёрборн, 2001]. Он ограничивается констатацией того факта, что до введения

⁵ Правительство Великобритании намерено ограничить приток иностранцев. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/society-110715111637> (дата обращения: 18.01.2026); Доклад ООН: США и Россия – лидеры по числу мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: <https://3mv.ru/15178-doklad-oon-ssha-i-ossiia-lidery-po-chislu-migrantov.html> (дата обращения: 27.01.2026).

осознанной мультикультурной политики большая часть Западной Европы представляла собой область определённого культурного единообразия. Однако последствия этой стратегии, развернувшиеся на фоне резкого увеличения неоднородной иммиграции в США и ряд западноевропейских стран, подъёма самосознания и самоутверждения коренных народов Нового Света и афроамериканцев, а также под влиянием новых культурных течений, таких как феминизм и движение ЛГБТ в США, привели к формированию крайне противоречивой политики. Эта политика, по сути, спровоцировала возникновение оппозиционного движения, главной целью которого стала защита единой культурной идентичности.

В США появление термина «мультикультурализм» первоначально было связано с «движением за равные права» белокожего населения, выходцев из Европы, которые считали, что наметившаяся тенденция к повсеместной помощи «чернокожему населению» ставит последних в привилегированное положение. Сегодня в США этот термин приобрел новое значение и стал употребляться не только в связи с этничностью. Широко развита политика мультикультурного образования: история и культура различных стран и обоих полов изучаются в течение всего школьного курса, а престижные университеты (Гарвард, Колумбия, Принстон или Йель) в обязательном порядке знакомят студентов с западными культурами.

Кроме того, движение «политкорректности» (political correctness) «выступает за большую терпимость к человеческому многообразию <...> С одной стороны, речь идет о борьбе против выражений, определений и высказываний, носящих уничижительный характер <...> С другой стороны – об усовершенствовании языка за счет обогащения его новыми терминами взамен тех, которые могут нанести символическую травму»⁶.

Фактически в процессе политических дебатов происходит подмена терминов «поликультурное общество» – множество этнокультурных групп («плохой мультикультурализм» – Э. Паин) и «мультикультурное сообщество» – множество этнокультурных групп, имеющих единое социокультурное ядро («хороший мультикультурализм» или «интернационализм» – Э. Паин⁷).

Обращение к главному различию этих двух моделей зафиксировал в своем выступлении и экс-премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон: «Создание более сильного чувства принадлежности к нации или месту, где живёшь, является ключом для достижения настоящей сплочённости, позволяющей людям сказать: “Я мусульманин, я индус, я христианин, но я лондонец тоже”»⁸.

Понятийные разночтения терминов обуславливают не только изменения в самой концепции политики организации межэтнических взаимодействий в стране, но также влияют на иерархию идентификаций личности. На уровне государственной политики эти изменения приведут к доминированию определенной стратегии организации

⁶ Ле Коадик, Р. *Мультикультурализм*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ethno-photo.livejournal.com/15997.html> (дата обращения: 07.01.2026).

⁷ Паин, Э. *К вопросу о «крахе» мультикультурализма в Европе*. [Электронный ресурс]. URL: http://yakov.works/libr_min/16_p/ay/in.htm (дата обращения: 02.02.2026).

⁸ Трухачев, В. (2011). Кэмерон вышел на тропу войны с исламистами. [Электронный ресурс]. *Правда. ру*. 8 февр. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/08-02-2011/1065918-england-0>. (дата обращения: 02.02.2026).

взаимодействия и этносов, и индивидов. При доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия государство в целом обеспечивает практику *сегрегации*. И напротив, когда государство придает значение сохранению разнообразия этнических культур и способствует интенсификации межэтнического взаимодействия, осуществляется политика *мультикультурализма*. Для обеспечения взаимодействия индивидов, этносов, различных социальных групп по данному типу необходима определенная мотивация. Ее формирует социокультурное ядро, объединяющее различные этнические и социальные группы в единое сообщество, которым в СССР выступала идея «гражданина Советского Союза».

Дж. В. Берри, развивая высказанную в 1936 г. идею Рэдфилда о том, что ассимиляция не является единственной стратегией аккультурации, провел различие между стратегиями ассимиляции и интеграции, а позже – между стратегиями сепарации и маргинализации как различными способами осуществления аккультурации (групп и отдельных людей) [Карпов, 2012]. В основе его типологии лежали два критерия: ориентация на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и ориентация на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами) [Berry, Kalin, 1995].

При доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия индивид выбирает стратегию *сепарации*. И напротив, когда люди придают значение сохранению собственной культуры и в то же время не ограничивают взаимодействие с другими культурами, осуществляется стратегия *интеграции*, что в большом сообществе или при выборе данной стратегии доминирующей группой именуется уже политикой мультикультурализма. Если же у индивида мало возможности или заинтересованности в сохранении своей культуры при наличии желания взаимодействия с другими культурными группами, то, скорее всего, будет осуществляться *ассимиляционная* стратегия. Когда же данный тип аккультурационной стратегии избирается в качестве доминантного в большом сообществе, то фактически провозглашается идея «плавильного котла» (унификации этнических характеристик). Стратегия *маргинализации* отличается слабой заинтересованностью индивидов как в сохранении своей культуры, так и во взаимосвязи с другими культурными группами (возможно, по причине исключения или дискриминации).

Необходимо отметить, что при определении типа избираемой стратегии недоминирующие группы и их отдельные представители обладают свободой выбора, т. е. при навязывании определенных типов аккультурации доминирующей группой необходимо использовать уже другую терминологию. Таким образом, стратегия интеграции может осуществляться в полной мере этнокультурной группой или индивидом только в мультикультурном обществе, в котором есть определенные социокультурные установки [См.: Tajfel, 1978; Brewer, 1991; Kalin, Berry, 1995]:

- 1) повсеместное принятие культурного разнообразия как ценности для общества;
- 2) положительные взаимные отношения между этнокультурными группами;
- 3) ощущение принадлежности к большому обществу и отождествления себя с ним у всех индивидов и групп;
- 4) стремление сохранить культурное наследие;
- 5) относительно низкий уровень предубеждений (минимальные этноцентризм, расизм, дискриминация).

В этой связи нельзя согласиться с утверждением С. Бенхабиб: «Отталкиваясь от сугубо социологизированного видения личности, радикальные мультикультуралисты вынуждены сталкиваться с тем неприятным фактом, что большинство индивидуальных образов сформировано множеством коллективных родственных свойств и нарративов одновременно. Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром» [Бенхабиб, 2003, с. 43]. Непринятие специфики культуры, в том числе и ее внутренней раздробленности, уже является нарушением условий для формирования мультикультурного восприятия мира, которому в первую очередь должны быть свойственны бережное и уважительное отношение к культурам всех народов, всех этнических групп, проживающих на нашей земле. Но понять причину появления данного суждения С. Бенхабиб возможно, если учесть, что это лишь оценка влияния того типа мультикультурализма, который имеет отношение к фрагментарному (Г. Тёрборн).

Появляется новый тип личности, который Е. Ю. Чемякин, анализируя «постколониальные исследования», называет *амбивалентная и мультикультурная личность*: «Герой многих пост-колониальных художественных произведений является ярким представителем “второго поколения” мигрантов, личностью нового типа, способной существовать одновременно в нескольких мирах, разговаривать на нескольких языках, воспринимать разные ценности. Новый герой в полной мере мультикультурен, т. е. обогащен несколькими традициями» [Чемякин, 2012, с. 16].

Признавая сложность и противоречивость российской истории, а также многообразие мнений о ее формировании, важно подчеркнуть, что как православная вера, так практики внутреннего правления, во многом заимствованные у Византии, стали фундаментом политической доктрины Древней Руси и способствовали сохранению национальной идентичности. Стремление Византии инкорпорировать другие общества в свой состав, распространяя на них собственные высокоинтегрированные структуры, выдерживалось в лучших тактических традициях Александра Македонского – толерантного отношения к разнообразным культурным укладам и традициям. Как отмечают В. П. Римский и О. В. Ковальчук, «в Византийской империи имела место основанная на веротерпимости и толерантности симфоническая цивилизационная модель диалога религиозной (церковной) и светской, мирской культуры жителей» [Римский, Ковальчук, 2009, с. 150].

За одиннадцать веков существования Византии ее внутренняя политика также претерпевала изменения: от культурной интеграции посредством мягкой ассимиляции проживающих на ее территории народов до предоставления свобод и прав различным этническим группам. Но главное отличие многонациональной Византии от национальных западных государств, постоянно пребывавших в состоянии конфликтов друг с другом (Венецианская республика, Франция, немецкие государства – все они были устроены по национальному принципу), состояло в том, что на протяжении столетий в империи, цементирующей единой идеологией (в основе которого лежали традиции Христианства), не существовало жесткого деления по национальному признаку на сирийцев, армян, греков и т. д. Так, современник Византии, историк Прокопий, описывая социальную структуру константинопольского общества, выделял группы на основании рода деятельности:

сенаторы, духовенство, чиновничество, военные, риторы, философы, адвокаты, учителя [Procopii Caesariensis, 1962-1964a]. В более сжатом варианте данная социальная структура в его интерпретации состояла из двух групп – народ и сенат [Procopii Caesariensis, 1962-1964b].

Различия современных «западных» и «восточных» государств Европы обусловлены культурными линиями, сформировавшимися еще в раннем Средневековье, называемым «веком церквей». То, как мы сегодня по-разному воспринимаем мир, как относимся к себе и обществу (государству), наш образ мышления, система ценностей имеют глубокие корни в институтах, сформировавших Европу, и мы согласны с П. Н. Воге, что одним из главных факторов стали разные пути, по которым пошли в своем развитии христианские церкви [Воге, 2002, с. 122].

В православии все мирские объекты и институты часто воспринимаются в свете абстрактной вечности. Основная идея в том, что человек как существо индивидуальное не находит высокое признание на земле. Жизнь и судьба индивида зависят от жизни и судьбы его ближних. «Если кто оступится и упадет, он падает в одиночку, но в одиночку не дано спастись никому», – пишет русский православный мыслитель Алексей Хомяков, обосновавший «соборность» как главную черту российской культуры, отражающую в органичном сочетании единство и свободу. По его мнению, соборность является одним из главных духовных условий национального единства и создания мощной державы, какой является Россия: «Запад не сумел создать такого мощного государства, как Россия, объединенного на духовных началах, потому что он не достиг соборности, а для объединения народов вынужден был использовать, прежде всего, насилие. Католические страны обладали единством без свободы, а протестантские – свободой без единства» [Хомяков, 1996].

Абсолютные ценности, сформировавшие национальную идею Византии – Бог, Василевс, Романия, – трансформировались в России в девиз «за Бога, Царя и Отечество». Таким образом, известная формула «Православие, Самодержавие, Народность» возникла не на пустом месте, а отражала соборные ценности русского народа, возникшие еще в глубокой древности и отчасти унаследованные от Византии, в том числе и в отношении различных типов идентификации: «В вопросах веры, – писал А. С. Хомяков, – нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом; где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора» [Хомяков, 1867, с. 217].

В результате зародилась уникальная характеристика картины мира православного человека. Как метко подмечает П. Н. Воге, с западной точки зрения мы перешли из «первого лица единственного числа» в «первое лицо множественного числа», что обусловило формирование сознания, при котором естественно прославление идеального мира, а не заострение внимания на деталях. Таким образом, индивида подготавливали к осознанию важности формирования в первую очередь ценностей внутреннего мира, а не внешнего, а лейтмотивом его идеальной модели поведения в обществе должна была стать любовь к ближнему как образу и подобию Бога на земле.

В этой связи неважно, кто был этот «другой», в том числе и по этнической идентификации. Главное, что он был «братом» по вероисповеданию. И даже другая конфессия воспринимались не как грех, а как существующее отличие, следование традиции воспитания в семье или как простое заблуждение по принципу недостаточной просвещенности. Ключевым фактором формирования единой и сильной Византийской монархии стало сочетание целенаправленной пропаганды эллинской культуры с эффективной стратегией ассимиляции. Но важно отметить, что данная стратегия скорее не соответствовала идее «плавильного котла», она больше походила на стратегию интернационального воспитания периода СССР, которую в 60-е гг. XX в. метафорично обозначили американские культурологи как «салатную миску» («salad bowl») и представили в качестве идеала, к которому должна стремиться американская нация [Huntington, 2004; Арутюнова, 2009, с. 9]. В Византии стратегия предусматривала предоставление побежденным народам значительной автономии в сохранении их традиций и религиозных практик, что способствовало их интеграции в имперскую структуру. Долговечность и территориальный охват империи служат убедительным свидетельством успешности данной политики.

Другим механизмом объединения в Византии стало распространение греческого языка, который был языком администрации, церкви, просвещения. Фактически в этой космополитической империи он принял статус национального языка. Аналогия с тактикой правления в Российской империи очевидна. Г. Тёрборн, обращая внимание на «этнокультурный национализм, существующий в теории и практике немецкой и славянской традиции, начиная с Гердера и далее» [Тёрборн, 2001, с. 65-66], отмечал, что центральной являлась идея национального самовыражения и самоопределения, причем нация понимается в данном случае как специфическое этнокультурное сообщество, изначально и наиболее часто определяемое наличием общего языка.

«Византизм», названный А. П. Рудаковым «интернационально-космополитическим эллинизмом», позволил направить в русло единой культуры «общенациональные» и местные формы жизни, вызвать у жителей империи гордое сознание принадлежности к одному целому, к великой монархии, к подлинно цивилизованному миру, обеспечившему всем покой, благосостояние, правую веру и эллинское просвещение [Рудаков, 1917, с. 45].

В результате утверждения идеи единения империи, имевшей надэтнический характер, гражданская идентификация в иерархии самоидентификаций занимала лидирующее положение. Этническая идентификация также имела большое значение как определение истоков, традиций воспитания и возможных путей развития индивида, но она не выполняла сегрегирующую функцию в обществе.

Таким образом, мы можем утверждать, что в Византии была успешно реализована модель мультикультурного общества, в основе которой лежала национальная идея «Романии», успешно поддерживаемая церковью и администрацией Византии на протяжении девяти веков. Даже возникающие этнические конфликты разрешались путем законодательной деятельности [Калашников, 2003, с. 249]. Лишь последние два века, когда Православная церковь утратила свой авторитет, а феодальная аристократия усилила свои позиции, что спровоцировало повышенное внимание к этническому происхождению «ромеев», можно охарактеризовать как период отхода от идеи «мультикультурализма» и переход к поликультурному обществу. Данная трансформация, по сути, усилила конфликтность и среди прочих причин способствовала ослаблению империи.

Основной принцип, заложенный в модели мультикультурализма, предложенный Византией, – универсализм: важным являлось не то, что разъединяло граждан, а то, что их объединяло. Именно это и стало основой формирования национальной идеи. В данном конкретном случае объединяющей стала идея «Ромейского государства», основанная на ценностях православия. И хотя конфессиональная идентификация влияла на включение в социокультурную группу «ромеев», но она не ограничивала причисление индивида к поданным Василевса, а, значит, к гражданам Византии.

В то же время данная модель мультикультурализма не обозначала тотальной толерантности, терпимости ко всем без различия. Мультикультурализм давал право на самоопределение, но только если самоидентификация человека не нарушала прав других и законов империи. В этом отношении византийская модель политики мультикультурализма стала политикой двойного компромисса: между групповыми и государственными интересами, а также между интересами группы и личности.

Формирование российского государства также было связано с достаточно пестрой этнокультурной и этнолингвистической картиной. Народы, проживавшие в V–X вв. на Восточно-Европейской равнине, относят большей частью к славянским племенам, а их язык лингвисты именуют древнерусским. Но необходимо отметить, что в состав формировавшейся народности входили многие финские и балтские племена, которые к этому времени обрусели. С X в. происходит формирование единого древнерусского дружинного сословия, культура которого имела и славянские, и скандинавские, и финские, и степные (хазарско-венгерские) элементы. Традиции дружинников значительно отличались от культуры окружающего земледельческого населения. Зарождающееся купеческое сословие формировалось из представителей разных племенных образований, что также способствовало созданию единой этноязыковой среды Древней Руси [Седов, 2002, с. 96].

Как полагает О. Н. Трубачев, уже дописьменный древнерусский язык имел сложный лексический состав и включал «высокую лексику» (понятия Бог, вера, душа, рай, святой, грехи и т. п.), что обеспечивало возможность адекватного перевода религиозной терминологии с греческого языка. Древнерусский язык «не поддавался» влиянию латиницы не потому, что был архаичнее других европейских языков, а благодаря «выбору веры» Древней Руси через союз с Византией [Савельева, 2009, с. 80]. Последнее обусловило также и то, что духовность играла более важную роль, чем экономика и политика. Этот нюанс в формировании взаимоотношений народа, церкви и правления имел некоторые отличия от Византийского, поскольку для нее взаимоотношения между государством и церковью скорее были дискуссионными в политической доктрине. А в Древней Руси такого противоречия, и тем более открытого конфликта не существовало [Танаушко, 2008, с. 199]. Идея утверждения через княжескую власть христианства и принятие народом «божественной благодати» отразилась и в представлении князя как хранителя правды на земле – проводника Божьей воли. Илларион Киевский в «Слове о Законе и Благодати» объясняет это так: «... ибо благочестие его сопряжено было с властью» [Слово о Законе и Благодати ..., 1997, с. 45].

Таким образом, влияние Византии на формирование политической культуры в Древней Руси проявилось в принятии двух основных положений: идеи божественного происхождения власти монарха и принципа универсализма, что обусловило надэтнический характер формирования политической власти.

В. С. Соловьев, анализируя процесс «собираения славянского мира» вокруг России, отметил, что объединение славянских племен вокруг России стало возможно только при условии установления устойчивого равновесия между Западом и Востоком. «Дело России – показать, что она не есть только представительница Востока, что она есть действительно Третий Рим, не исключаящий первого, а примиряющий собою обоих» [Соловьев, 1911, с. 23]. Как отмечает Д. В. Гудименко, представление России о своей значимости как буфера и посредника между Востоком и Западом с политико-культурными установками на терпимость и стремление к синтезу достижений Европы и Азии [Гудименко, 1994, с. 157] также восходит к Византии.

В работах В. С. Соловьева «Россия» предстает как философская категория, одинаково включающая в себя лучшие черты западничества и славянофильства [Лобанов, 2008, с. 90]. В то же время невозможно проповедовать равенство и свободу различных народов, одновременно проявляя национализм. «Нельзя безнаказанно написать на своем знамени свободу славянских и других народов, отнимая в то же время национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев». В. С. Соловьев писал: «Упраздняется не национальность, а национализм...; мы различаем народность от национализма по плодам их» [Соловьев, 1911, с. 23]. Только духовность, только отказ от применения насилия, только христианские заповеди спасут, по его мысли, Россию и принесут удачу в делах ее: «Одно только мы знаем наверное: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от своего национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины – она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних» [Соловьев, 1989, с. 263].

Другой русский историк, К. Д. Кавелин, также высказывался о характерной для российской общества надэтничности: «Особенность и сила русского народа в том именно и состоит, что он умеет, оставаясь сам собой, уживаться со всеми племенами, народами и верами. Таким сделала его история, географическое положение, культурный возраст, и дай Бог, чтобы в нем эта складка осталась навсегда! Космополит не по равнодушию, а по своей преобладающей практической и дипломатической натуре, русский народ не впутывает ни исповедных, ни племенных предубеждений в оценку людей, расположен извлекать пользу из их сильных и слабых сторон и, не имея высокой культуры, по одному верному и тонкому чутью действительности гораздо ближе, чем думают, к понятию о государстве как нейтральной среде и союзе разноплеменных и разноверных народов» [Кавелин, 1907, с. 10].

К. Н. Леонтьев, введя термин «византизм» в 80-х гг. XIX в. как отражение специфики формирования социально-политической жизни России, подчеркивал особое значение для государственности православной церкви и царя: «Византизм в государстве значит самодержавие. В религии оно значит христианство» [Леонтьев, 1996, с. 94]. Но в то же время он пишет: «Россия чисто славянской державой никогда не была». Подразумевая значительные влияния восточных культур, отмечает: «... западные и восточные владения, расширяя и обогащая ее [России] культурный дух и ее государственную жизнь, стеснили ее славизм разными путями». Таким образом, Древняя Русь изначально оказалась в ситуации пересечения этнических потоков, идущих с Запада на Восток и наоборот, что, с одной

стороны, определило своеобразие исторической ситуации формирования традиций и ценностей российской культуры, а с другой – стало еще одной из предпосылок заимствования князьями Древней Руси политических установок Византии в управлении.

Особенно актуальными в связи с последними событиями на Украине становятся пророческие слова К. Н. Леонтьева о том, что «Россия – планета со многими спутниками», страна «просторная, пестрая», тяготеющая к неудержимому расширению России в Азии: «... расширение, которое не только не ослабевает, но, напротив, усиливается после всякого урона или разочарования нашего на Западе» [Леонтьев, 1996, с. 44].

Можно проследить цикличность возвращения к вопросу византийской детерминанты в развитии России, приобретающей особую остроту в переломные для российской истории эпохи: XVI в. – время становления идеологии московской государственности; XVIII в. – период правления Екатерины II, пытавшейся, в отличие от Петра I, не столько привнести европейский дух, сколько восстановить и закрепить исторические связи страны с греко-византийским наследием, в том числе путем завоеваний Россией территорий бывшей византийской периферии в Черноморье; XIX в. – Отечественная война 1812 г. и восстание декабристов 1825 г.. Важно отметить, что происходит это именно в те исторические моменты, когда для решения создавшихся проблем становятся важны национальная самоидентификация и сильная централизованная власть.

Факт осознания нацией преемственности России по отношению к восточно-римской византийской цивилизации стал восприниматься Западом как попытка противопоставления западно-римской европейской цивилизации. Последнее обусловило развитие на Западе восприятия Византии и ее наследницы России как государств восточной деспотии.

Но с такой оценкой оказываются согласны не все исследователи. Так, Г. Тёрборн в описании доминирующих черт России как государства отмечает, что «поздние досовременные империи Романовых и Габсбургов отличались очень высокой степенью мультикультурности. Например, в российской переписи 1897 года упоминается более 130 народностей, которые исповедовали все христианские и исламские религиозные деноминации, различные направления иудаизма, буддизма и так называемый анимизм» [Тёрборн, 2001, с. 54]. Окончание существования досовременных империй Г. Тёрборн связывает с Первой мировой войной. Но сами традиции мультикультурного существования в некоторых странах сохранились, и в том числе он упоминает «Коммунистический Советский Союз».

Его идею поддерживает П. Н. Воге, отмечая, что акцент на идеал или на принципиальную сторону реальности «содействовал возникновению в России той культуры, которая более чем западная, устремлена к вере и религиозности» [Воге, 2002, с. 119]. Принимая за основу «диалог культур» (Ю. М. Лотман) как важнейший принцип развития российской культуры, Д. С. Лихачев пишет: «Своеобразие и индивидуальное лицо культуры создается не путем самоограничения и сохранения замкнутости, а путем постоянного и требовательного познания всех богатств, накопленных другими культурами и культурами прошлого» [Отечественная философская мысль XI–XVII вв. ..., 1991, с. 91.]. Это высказывание Д. С. Лихачева, переключаясь с взглядами историка и дипломата К. Н. Леонтьева, хорошо знавшего историю тюркского мира и взаимоотношений России с Византией, точно и глубоко передает идею диалога культур как решающего фактора в гармоничном и всестороннем развитии Российского государства. Мы согласны с другими

исследователями в оценке наследия К. Н. Леонтьева, что византизм для него – это не только «идеальный тип» [Пашко, 1996, с. 6] ушедшей цивилизации, но, по существу, «это основание концепции регионального мироустройства там, где Европа и Азия соседствуют и взаимопроникают друг в друга. “Византизм”, особенно если его воспринимать в паре с “великим туркизмом”, есть своего рода ранняя евразийская идея для босфоро-балканского региона» [Селиверстов, 2008, с. 28].

Идея евразийской общности России объединила многих русских мыслителей. «Стихии азиатские и европейские перерабатываются в оригинальную Русскую цивилизацию», – писал и П. Я. Чаадаев [Чаадаев, 1914, с. 192]. «Нет двух России – “европейской” и “азиатской”. Есть только одна Россия – “евразийская”, или Россия-Евразия» [Вернадский, 1992, с. 101] высказывал свою точку зрения Г. В. Вернадский. Но, подчеркивая геополитическое значение России, важно отметить, что также акцентировалось внимание и на надэтническом характере формирования духовной культуры. Так, А. И. Герцен подчеркивает, что «мы безразличны к расовой чистоте, это нисколько не мешает нам быть вполне славянами. Мы довольны тем, что в наших жилах течет финская и монгольская кровь; это ставит нас в родственные, братские отношения с теми расами-париями, о которых человеколюбивая демократия Европы не может упомянуть без презрения и оскорблений. Нам не приходится даже жаловаться на туранский элемент» [Герцен, 1960, с. 53]. П. Н. Савицкий, описывая миссию России, отмечает, что «Евразия предстает перед нами как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый в бесконечно и часто, по видимости, противоречивом многообразии своих проявлений. Евразия – Россия – развивающаяся своеобразная культуроличность» [Савицкий, 1997, с. 259-260].

История решения национального вопроса в период Российского государства, а в последующем империи, в большинстве случаев свидетельствует о доминировании идеи целостности государства и нивелировании значения этнической идентификации. Тип межэтнического взаимодействия, действующий на тот момент в России, евразийцы называли «симфония народов», что являло собой пример предтечи мультикультурализма. В работе «Россия как цивилизация» на основе анализа различных подходов к вопросу об идентичности России, мы пришли к выводу, что в социокультурном плане она – особый культурно-исторический тип (цивилизация) [Костюк, Абрамова и др., 2008, с. 17].

Таким образом, как исторические условия, при которых формировалось молодое российское государство, так и глубокие духовные, политические, культурные и социально-экономические связи, выстроенные с Византией, обусловили формирование уникальной модели мультикультурного российского общества, для которого ценность братских отношений народов, проживающих в стране, становится стержнем становления государственности и фактором развития духовной культуры личности, определяющим специфику ее картины мира.

Развитие данной модели в условиях СССР трансформировалось в реализацию концепции интернациональной политики, ставшей продолжением развития идеи мультикультурного сообщества в Византии. К сожалению, мы должны признать, что, как и у своей предшественницы, на последнем этапе существования страны внутренняя напряженность в достаточно большой степени была спровоцирована ростом властных амбиций этнономенклатурной элиты, ослабившей целостность страны и приведшей ее к дезинтеграции и развалу. Наш вывод созвучен мнению Г. Тёрборна о том, что причиной

распада стали маневры соперничающих политических элит, а не массовые националистические движения [2001, с. 63]. Идеальная конструкция мультикультурного сообщества, реализованная в Советском Союзе и поддержанная многочисленным полиэтничным населением, потомки которого до сих пор с ностальгией вспоминают свое интернациональное прошлое (маевки, студенческие отряды, возможность свободного дружеского общения и т. п.), разбилась об амбиции этнономенклатурной элиты возвращенной в недрах все той же коммунистической партии.

Пережив последствия введения суверенитета, национальные республики в начале XXI в. столкнулись с новыми трудностями. Постсоветские реформы привели к деградации традиционного хозяйства, массовой миграции сельского населения в города, к безработице, развалу промышленности. Разрушение системы образования способствовало падению его качества на всех уровнях, а уничтожение начального и среднего профессионального образования привело к переизбытку кадров с высшим образованием, оставшихся без рабочих мест. Неконтролируемые миграционные потоки в крупные города России без продуманной политики по инкультурации приезжающих [Мирошник, 2015], еще более усложнили этническую и цивилизационную картину, обострив ситуацию межэтнических отношений.

В этой связи попытки интерпретации мультикультурализма как интеграционной стратегии, предполагающей «открытость для иноэтничных мигрантов и создание условий для их интеграции» [Щедрина, 2004, с. 71], представляются нам неточно передающими идею российской модели, ориентированную в первую очередь на интеграцию народов исконно проживавших на территории страны. Поскольку их картина мира длительное время формировалась под влиянием того самого социокультурного ядра, которое всех объединило.

Мы полагаем, что подобные интерпретации скорее предопределены понимаем мультикультурализма в контексте западной либеральной модели, созданной национальными государствами как стратегии интеграции мигрантов из их бывших колоний. И данная конструкция скорее ориентирована не на создание единой социокультурной общности, а на решение экономических и политических задач на фоне поддержания эфемерного образа псевдодемократических достижений.

В отношении политики организации внешнего взаимодействия российская модель мультикультурализма более близка к индийской, как мы уже отмечали выше, философию которой очень четко сформулировал Махатма Ганди, сказав, что он мечтает, чтобы ветры культуры всех стран и народов веяли вокруг родного дома, но он против того, чтобы какой-нибудь ветер сорвал крышу этого дома.

Спустя сорок лет с момента «парада суверенитетов» и утверждения концепции полиэтничного общества, в Российской Федерации вновь наблюдается активизация центростремительных процессов, направленных на консолидацию различных этнических групп. Примечательно, что интенсификация этих процессов совпала с периодом «цветных революций» в государствах, граничащих с Россией. Следствием этого стало очередное подтверждение в отечественной истории тезиса о необходимости усиления государства в условиях внешней угрозы. И в этой ситуации, конечно, имеет смысл обратиться к имеющимся и проверенным веками традициям регулирования внутреннего взаимодействия групп на основе российской модели мультикультурализма.

Подводя итоги, мы бы хотели сфокусироваться на нескольких важных моментах нашего исследования: понимании термина «мультикультурализм» и специфике российской модели.

Из различных трактовок мультикультурализма, отличающих его от поликультурализма и иных стратегий и форм межкультурного взаимодействия, наиболее обоснованным, мы полагаем, является понимание мультикультурализма как: 1) характеристики процесса взаимодействия этнокультурных групп в межэтническом сообществе (регионе, стране, цивилизации), когда происходит взаимопроникновение элементов этнических культур и образование общего социокультурного ядра (национальной идеи); 2) как идеологии и политики, содействующих данному взаимодействию обеспечивающему формирование «картины мира», которой свойственна целостность на основе реализации принципа «единства в многообразии».

Наше исследование демонстрирует, что специфика российского мультикультурализма определена его глубокими связями с византийскими традициями государственного управления, православием и евразийской концепцией собственной цивилизационной и геополитической миссии. Многообразие культур на большей части территории России является не просто фактом, а объективной исторической данностью. В свете динамичных изменений способов взаимодействия этнических групп в стране, обеспечение реализации стратегии «поликультурности» оказывается недостаточным для сохранения стабильности и сплоченности российского общества. За столетия совместного развития произошло столь глубокое слияние традиций, ценностей и поведенческих моделей, что, несмотря на недавние усилия по продвижению этноцентризма, интеграционные установки в отношениях между группами сохраняют свое доминирующее положение, что является фактором обеспечивающим потенциал реализации стратегии мультикультурализма.

Специфика российской модели обуславливает необходимость ее сохранения и поддержания посредством имплементации принципа мультикультурного подхода в политику и стратегию управления каждым субъектом Российской Федерации. Данный подход позволяет актуализировать обсуждение проблематики интеграционных и дезинтеграционных процессов в современном обществе, включая существующие формы «позитивной дискриминации». Формирование правового государства немислимо без концептуализации базовых категорий, определяющих процесс становления гражданского сообщества. Мультикультурность в данном контексте может выступать в качестве отправной точки для разработки нормативно-правовой базы и стимулирования развития добрососедских отношений на различных уровнях государственного устройства.

Необходимо констатировать, что длительное этнокультурное взаимодействие на территории России привело к значительному взаимовлиянию различных групп. Данный феномен является основанием для дискуссий о формировании общероссийской культуры и определении российской идентичности. Текущая ситуация не должна интерпретироваться как кризис этнокультурного развития, а скорее как поступательное движение к построению мультикультурного государства. В рамках данной модели каждая этнокультурная группа сохраняет свою самобытность, одновременно интегрируясь в общероссийский процесс укрепления государственности, таким образом, избегая ослабления и дезинтеграции по принципу этнического и территориального разделения. Это и составляет социокультурную специфику российской модели мультикультурализма.

Список литературы / References

- Абрамова, М. А. (2016). *Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция межэтническими и моноэтническими типами семей*. Новосибирск: Изд-во «Параллель». 184 с.
- Abramova, M. A. (2016). *Multiculturalism as a Sociocultural Phenomenon: Historical Dynamics and Translation by Interethnic and Mono-ethnic Types of Families*. Novosibirsk. 184 p. (In Russ.)
- Арутюнова, Л. В. (2009). *Мультикультурализм и его модели в современном мире: автореф. дис. ... канд. филос. н. М.* 23 с.
- Arutyunova, L. V. (2009). *Multiculturalism and its Models in the Modern World*. Abstract of the Candidate's Thesis. Moscow. 23 p. (In Russ.)
- Бенхабиб, С. (2003). *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру*. М.: Логос. 350 с.
- Benhabib, S. (2003). *Cultural Claims. Equality and Diversity in the Global Era*. Moscow. 350 p. (In Russ.)
- Вевьерка, М. (2005). *Формирование различий. Социологические исследования*. № 8. С. 13-24.
- Vevierka, M. (2005). *The Formation of Differences. Sociological Research*. No. 8. Pp. 13-24. (In Russ.)
- Вернадский, Г. В. (1992). *Начертание русской истории. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов*. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 100-109.
- Vernadsky, G. V. (1992). *The Outline of Russian History. In Eurasia. Historical Views of Russian Emigrants*. Moscow. Pp. 100-109 (In Russ.)
- Вогэ, П. Н. (2002). *Восток – Запад, но где Европа? О различиях и особенностях западной и восточной Европы. Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 117-125.
- Vogue, P. N. (2002). *East–West, but Where is Europe? About the Differences and Peculiarities of Western and Eastern Europe. Actual Problems of Europe*. No. 1. Pp. 117-125. (In Russ.)
- Герцен, А. И. (1960). *Собрание сочинений в 30 томах*. Т. 20. Кн. 1. М.: Наука, 1954-1965. 489 с.
- Herzen, A. I. (1960). *Collected Works*. In 30 vols. Vol. 20. Book 1. Moscow. 489 p. (In Russ.)
- Гудименко, Д. В. (1994). *Политическая культура России: преемственность эпох. Полит. Политические исследования*. № 2. С. 156-164.
- Gudimenko, D. V. (1994). *The Political Culture of Russia: The Continuity of Epochs. Policy. Political Studies*. No. 2. Pp. 156-164. (In Russ.)

Кавелин, К. Д. (1907). *Наши инородцы и иноверцы*. СПб.: Правда. 14 с.

Kavelin, K. D. (1907). *Our Foreigners and Gentiles*. St. Petersburg. 14 p. (In Russ.)

Калашников, В. Д. (2003). *Субъективные факторы и объективные условия устойчивого развития общества (на материалах Византии и древней Руси)*: дис. ... д-ра филос. н. Красноярск. 468 с.

Kalashnikov, V. D. (2003). *Subjective Factors and Objective Conditions of Sustainable Development of Society (Based on the Materials of Byzantium and Ancient Russia)*. Doctor's Thesis. Krasnoyarsk. 468 p. (In Russ.)

Карпов, Г. А. (2012). Британский мультикультурализм: Мина замедленного действия? *Азия и Африка*. № 5. С. 26-32.

Karpov, G. A. (2012). British Multiculturalism: A Time Bomb? *Asia and Africa*. No. 5. Pp. 26-32. (In Russ.)

Костюк, В. Г., Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Ерохина, Е. А., Мархинин, В. В., Удалова, И. В., Ушаков, Д. В. (2008). *Россия как цивилизация: сибирский ракурс*. Отв. ред. В. Г. Костюк. Новосибирск: Сибирское научное издательство. 262 с.

Kostyuk, V. G., Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Erokhina, E. A., Markhinin, V. V., Udalova, I. V., Ushakov, D. V. (2008). *Russia as a Civilization: A Siberian Perspective*. Kostyuk, V. G. (ed.). Novosibirsk. 262 p. (In Russ.)

Куропятник, А. И. (2000). Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 3. № 2. С. 53-66.

Kuropyatnik, A. I. (2000). Multiculturalism: Ideology and Policy of Social Stability of Multiethnic Societies. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 3. No. 2. Pp. 53-66. (In Russ.)

Куропятник, А. И. (2003). Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России). *Глобализация и культура: аналитический подход*. СПб.: Янус. С. 126-150.

Kuropyatnik, A. I. (2003). Multiculturalism, Nation, Identity (Prospects of Multicultural Development of Russia). In *Globalization and Culture: An Analytical Approach*. St. Petersburg. Pp. 126-150. (In Russ.)

Леонтьев, К. Н. (1996). *Прошлое и настоящее. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза, 1872-1894*. М.: Республика. 798 с.

Leontiev, K. N. (1996). Past and present. *The East, Russia and the Slavs: Philosophical and Political Journalism. Spiritual Prose, 1872-1894*. Moscow. 798 p. (In Russ.)

Лобанов, Н. А. (2008). Образ России в европейской культуре. *Вестник МПГУ. Серия: Исторические науки.* № 1 (1). С. 82-93.

Lobanov, N. A. (2008). The Image of Russia in European Culture. *MCU Journal of Historical Studies.* No. 1 (1). Pp. 82-93. (In Russ.)

Мирошник, А. Н. (2015). *Инкультурация мигрантов как способ преодоления межэтнических конфликтов: автореф. дис. ... канд. филос. н.* Ставрополь. 24 с.

Miroshnik, A. N. (2015). *The Inculturation of Migrants as a Way to Overcome Interethnic Conflicts.* Abstract of the Candidate's Thesis. Stavropol. 24 p. (In Russ.)

Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура. (1991). Киев. 340 с.

Russian Philosophical Thought of the XI–XVII centuries and Greek Culture. (1991). Kyiv. 340 p. (In Russ.)

Римский, В. П., Ковальчук, О. В. (2009). Структуры повседневности православного человека и культурный диалогизм византийской цивилизации. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки».* № 1. С. 140-151.

Rimsky, V. P., Kovalchuk, O. V. (2009). The Structures of the Daily Life of an Orthodox Person and the Cultural Dialogism of the Byzantine Civilization. *Scientific Notes of Orel State University. Series "Humanities and Social Sciences".* No. 1. Pp. 140-151. (In Russ.)

Рудаков, А. П. (1917). *Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии.* М. 288 с.

Rudakov, A. P. (1917). *Essays on Byzantine Culture According to Greek Hagiography.* Moscow. 288 p. (In Russ.)

Савельева, Г. Н. (2009). О европейских истоках русской культуры: междисциплинарный подход. *Вестник РГГУ. Серия «Культурология, искусствоведение, музеология».* № 15. С. 74-85.

Savelyeva, G. N. (2009). On the European Origins of Russian Culture: An Interdisciplinary Approach. *RGGU Bulletin. Series: Cultural Studies, Art Studies, Museology.* No. 15. Pp. 74-85. (In Russ.)

Савицкий, П. Н. (1997). *Континент Евразия.* М.: Аграф. 461 с.

Savitsky, P. N. (1997). *The Continent of Eurasia.* Moscow. 461 p. (In Russ.)

Седов, В. В. (2002). *Славяне. Историко-археологическое исследование.* М.: Языки славянской культуры. 624 с.

Sedov, V. V. (2002). *The Slavs. Historical and Archaeological Research.* Moscow. 624 p. (In Russ.)

Селиверстов, С. В. (2008). «Евразийская тема» в раннем творчестве К. Н. Леонтьева. *Вестник Челябинского государственного университета.* № 13 (114). С. 19-33.

Seliverstov, S. V. (2008). The “Eurasian theme” in the Early Work of K. N. Leontiev. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 13 (114). Pp. 19-33. (In Russ.)

Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона. (1997). *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 1: XI-XII вв. СПб.: Наука. С. 27-61.

A Word About the Law and Grace of Metropolitan Hilarion of Kiev. (1997). *Library of Literature of Ancient Russia*. Vol. 1: XI-XII centuries. St. Petersburg. Pp. 27-61. (In Russ.)

Пашко, Р. Г. (1996). *Концепция «византизма» Константина Леонтьева*: автореф. дис. ... канд. филос. н. Минск. 19 с.

Pashko, N. G. (1996). The concept of “Byzantism” by Konstantin Leontiev. Abstract of the Candidate’s Thesis. Minsk. 19 p. (In Russ.)

Соловьев, В. С. (1989). Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию. *Соловьев В. С. Сочинения*: в 2-х т. Т. 1: Философская публицистика. М.: Изд-во «Правда». С. 260-263.

Solovyov, V. S. (1989). The National Question in Russia. Preface to the Second Edition. In *Solovyov V. S. Essays*. In 2 vols. Vol. 1. Philosophical Journalism. M. Pp. 260-263. (In Russ.)

Соловьев, В. С. (1911). *Русская идея*. М. 51 с.

Solovyov, V. S. (1911). *The Russian Idea*. Moscow. 51 p. (In Russ.)

Танаушко, Д. Н. (2008). Традиции Византии и процесс формирования политической культуры Древней Руси. *Известия Алтайского государственного университета*. Т. 4. № 1. С. 198-200.

Tanaushko, D. N. (2008). The Traditions of Byzantium and the Process of Forming the Political Culture of Ancient Russia. *Izvestiya of Altai State University*. Vol. 4. No. 1. Pp. 198-200. (In Russ.)

Тёрборн, Г. (2001). Мультикультурные общества. Пер. с англ. И. Тартаковской. *Социологическое обозрение*. Т. 1. № 1. С. 50-67.

Thurborn, G. (2001). Multicultural societies. Tartakovskaya, I. (transl.). *Sociological Review*. Vol. 1. No. 1. Pp. 50-67. (In Russ.)

Федюнина, С. М. (2006). *Социокультурные различия и взаимодействия: концептуальные основания мультикультурализма в современном обществе*. Саратов. 232 с.

Fedyunina, S. M. (2006). *Sociocultural Differences and Interactions: Conceptual Foundations of Multiculturalism in Modern Society*. Saratov. 232 p. (In Russ.)

Федюнина, С. М. (2008). *Концептуальные основания и условия мультикультурализма в современном российском обществе*: автореф. дис. ... д-ра социол. н. Саратов. 39 с.

Fedyunina, S. M. (2008). *Conceptual Foundations and Conditions of Multiculturalism in Modern Russian Society*. Abstract of Doctor’s Thesis. Saratov. 39 p. (In Russ.)

Хомяков, А. С. (1867). *Полное собрание сочинений*. Т. 2. Прага. 409 с.
Khomuyakov, A. S. (1867). *Complete works*. Vol. 2. Prague. 409 p. (In Russ.)

Хомяков, А. С. (1996). *Собор, соборность, приход и пастырь*. Саратов: Благовест. 30 с.
(Перепечатано с издания «Религиозно-философской библиотеки», 1917.)
Khomuyakov, A. S. (1996). *Cathedral, Sobornost, Parish and Pastor*. Saratov. 30 p. (Reprinted
from the Edition of the “Religious and Philosophical Library”, 1917.) (In Russ.)

Чаадаев, П. Я. (1914). *Сочинения и письма П. Я. Чаадаева*. Т. II. М. 342 с.
Chaadaev, P. Ya. (1914). *The Writings and Letters of P. Ya. Chaadaev*. Vol. II. Moscow. 342 p.
(In Russ.)

Чемякин, Е. Ю. (2012). «Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. н. Екатеринбург. 18 с.
Chemuyakin, E. Y. (2012). “Postcolonial Studies” as a Historical and Cultural Phenomenon of the Second half of the 20th century. Abstract of the Candidate’s Thesis. Ekaterinburg. 18 p. (In Russ.)

Щедрина, О. В. (2004). Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? *Социологические исследования*. № 11. С. 67-74.
Shchedrina, O. V. (2004). Is a Multicultural Model of Migrant Integration Possible in Russia? *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 11. Pp. 67-74. (In Russ.)

Berry, J. W., Kalin, R. (1995). Reciprocity of Inter-ethnic Attitudes in a Multicultural Society. *International Journal of Intercultural Relations*. No. 3. Pp. 99-112.

Brewer, M. (1991). The Social Self: On Being the Same and Different at the Same Time. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 17. No. 5. Pp. 475-482.

Huntington, S. (2004). *Who we Are? The Challenges to America's National Identity*. N. Y. 448 p.

Kalin, R., Berry, J. W. (1995). Ethnic and Civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys. *Canadian Ethnic Studies*. № 27. Pp. 1-15.

Kymlicka, W. (1995). *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford. 290 p.

Kymlicka, W. (2001). *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. Oxford. 383 p.

Procopii Caesariensis. (1962-1964a). *Opéra Omnia*. Haury, J., Lipsiae, G. Wirth. (rec.). Vol. III. *Historia arcana*. XXVI. 2-26.

Procopii Caesariensis. (1962-1964b). *Opéra Omnia*. Haury, J., Lipsiae, G. Wirth. (rec.). Vol. I. De Bello Persico. I. 24. I.

Tajfel, H. (ed.) (1978). *Differentiation Between Social Groups*. London, New York, San Francisco. Academic Press. 474 p.

Сведения об авторах / Information about the authors

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026

После доработки: 02.02.2026

Принята к публикации: 24.02.2026

Abramova Mariya – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

The paper was submitted: 14.01.2026

Received after reworking: 02.02.2026

Accepted for publication: 24.02.2026

УДК 316.356.2:004.738.5

В СЕТИ 24/7: ЦИФРОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ОНЛАЙН-ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ*

А. Ю. Ардальянова, А. В. Винокурова

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
ardalyanova.ayu@dvfu.ru; vinokurova77@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются цифровая инфраструктура (устройства и онлайн-доступ) и повседневные цифровые практики детей через призму их социального благополучия. Исследование выполнено с опорой на количественные и качественные методы. Основным методом сбора первичной социологической информации – неформализованное интервью с детьми 14–17 лет (n=10). Также применен метод вторичного социологического анализа с опорой на результаты Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества, организованного ИСИЭЗ НИУ ВШЭ¹. Анализ эмпирических данных осуществлялся с использованием возможностей описательной статистики и качественной интерпретации в логике тематического кодирования. Результаты исследования показали, что цифровые устройства и онлайн-доступ выступают структурообразующими элементами детской повседневности, поддерживая режим «всегда подключенного» детства. При этом с возрастом усиливается функциональная дифференциация практик и смещение контроля от внешней родительской медиации к доверию и саморегуляции. Выявлены ключевые риски и стратегии цифровой безопасности, формируемые детьми старшего школьного возраста на основе личного опыта. Сделан вывод о необходимости комплексной поддержки детской цифровой социализации, сочетающей развитие медиаграмотности и агентности с профилактикой онлайн-рисков.

Ключевые слова: социальное благополучие детей, цифровая инфраструктура, цифровое потребление, повседневные цифровые практики, цифровая социализация, онлайн-риски и безопасность, детская агентность.

Для цитирования: Ардальянова, А. Ю., Винокурова, А. В. (2026). В сети 24/7: цифровая инфраструктура и онлайн-практики современных детей. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 32-45. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.32-45

ONLINE 24/7: DIGITAL INFRASTRUCTURE AND EVERYDAY ONLINE PRACTICES OF CONTEMPORARY CHILDREN*

A. Yu. Ardalyanova, A. V. Vinokurova

Far Eastern Federal University (Vladivostok)
ardalyanova.ayu@dvfu.ru; vinokurova77@mail.ru

Abstract. The article examines children's digital infrastructure (devices and online access) and everyday digital practices through the lens of their social well-being. The study is based on a mixed-methods approach combining quantitative and qualitative data. The primary method of data collection was unstructured interviews with children aged 14–17 (n=10). In addition, secondary analysis was conducted using data from the Monitoring of the Digital

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования ДВФУ FZNS-2023-0032 «Социальное пространство благополучия детства: комплексный анализ».

¹ ИСИЭЗ НИУ ВШЭ – Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

* The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education for FEFU FZNS-2023-0032 «The Social Space of Childhood Well-Being: A Comprehensive Analysis».

Transformation of the Economy and Society carried out by the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics. Empirical data were analyzed using descriptive statistics and qualitative thematic coding.

The findings demonstrate that digital devices and online access function as structuring elements of children's everyday life, sustaining a regime of "always-connected" childhood. With age, functional differentiation of digital practices increases, accompanied by a shift from external parental mediation to trust and self-regulation. Key risks and strategies of digital safety formed by senior schoolchildren on the basis of personal experience are identified. The study concludes that children's digital socialization requires comprehensive support combining the development of media literacy and agency with the prevention of online risks.

Keywords: children's social well-being, digital infrastructure, digital consumption, everyday digital practices, digital socialization, online risks and safety, child agency.

For citation: Ardalyanova, A. Yu., Vinokurova, A. V. (2026). Online 24/7: Digital Infrastructure and Everyday online Practices of Contemporary Children. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 32-45. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.32-45

Введение

Социальное пространство является ключевым ресурсом благополучия детей, определяющим доступность возможностей, качество взаимодействий, безопасность, эмоциональный комфорт и диапазон жизненных перспектив. Пространство может быть поддерживающим или ограничивающим, развивающим или исключающим, безопасным или контролирующим, именно в этих характеристиках заключены социальные условия благополучия детства.

Соответственно, важно определить, каким образом в рамках этих пространственных конфигураций формируется благополучие ребенка. В данной оптике благополучие предстает не как сумма отдельных условий жизни или перечень услуг, а как динамическое социальное состояние, возникающее в результате взаимодействия детей с материальной средой, институциональными режимами и культурными нормами.

В конце XX – начале XXI вв. благополучие детства институционализируется посредством деятельности различных международных организаций. Одним из ключевых акторов здесь выступает ЮНИСЕФ (UNICEF) – международная организация защиты детей, действующая под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН), в чьих аналитических докладах² детское благополучие представлено через призму многомерных оценок.

В этих исследованиях детализирован набор стандартных показателей, включающих как объективные, так и субъективные параметры: материальное положение (доходы семей, риск бедности, жилищные условия); здоровье и безопасность (доступ к медицинской помощи, показатели смертности, травматизма); доступ и качество образовательных услуг (посещаемость, успеваемость, охват программами дошкольного и школьного образования); качество семейных отношений и отношений со сверстниками; поведенческие риски

² См. подробнее: UNICEF Innocenti Research Centre. [Online]. *UN – iLibrary*. Available at: https://www.un-ilibrary.org/search?value1=UNICEF+Innocenti+Research+Centre&option1=author&noRedirect=true&sortField=prism_publicationDate&sortDescending=true (Accessed: 09 January 2026).

(употребление психоактивных веществ, рискованное поведение, ранние практики девиации); социальное самочувствие детей, измеряемое через самооценку удовлетворенности жизнью, ощущение поддержки и принадлежности к референтным группам.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЕСД) развивает эту логику, предлагая более детальную схему измерения благополучия детства (*child well-being*), где оно трактуется не только как нынешнее состояние, но и как основа будущего социального капитала детей. В аналитических документах ОЕСД проводится четкое различие между двумя важнейшими параметрами: нынешнее/текущее благополучие (*current well-being*), отражающее непосредственные условия жизни детей, и будущее/перспективное благополучие (*future well-being*), включающее предпосылки будущей включенности детей в гражданскую жизнь общества, а также ожидаемые риски и возможности³.

Тем самым ОЕСД интегрирует традиционные индикаторы (здоровье, образование, безопасность, материальное положение и др.) с характеристиками среды, которые потенциально определяют долгосрочные траектории развития ребенка: качество образования, доступность услуг, социальный капитал, экологические условия, инфраструктурные ресурсы. Здесь отчетливо просматривается переход от простого мониторинга ресурсов и дефицитов к анализу структур возможностей (*opportunity structures*), определяющих, в каких условиях дети растут, учатся, перемещаются, формируют социальные связи и строят свое будущее. Таким образом, благополучие детства встраивается в более широкую социально-пространственную логику, подчеркивая взаимосвязь политики, социального окружения детей и их дальнейших жизненных траекторий.

Следующим шагом в развитии концептуальной линии, заложенной в модели ОЕСД, стал подход возможностей (*capability approach*), предложенный А. Сеном и развиваемый М. Нуссбаум [Sen, 1993; Nussbaum, 2011]. Подход возможностей демонстрирует, что благополучие определяется не только доступом к услугам, но и реальным потенциалом детей использовать эти услуги в условиях конкретной социальной и пространственной среды.

В настоящее время важное место в структуре современного социального пространства занимает цифровое потребление, которое все больше и больше встраивается в повседневную жизнь детей и становится самостоятельной средой социализации. Интернет, социальные сети и мобильные приложения формируют новые режимы взаимодействия, контроля и автономии, включаясь в семейные, школьные и досуговые практики. Тем самым цифровое потребление выступает не просто дополнительным ресурсом, но и специфическим механизмом, способным одновременно расширять возможности ребенка и продуцировать новые формы уязвимости и неблагополучия, что требует теоретического осмысления тех изменений, которые происходят в процессе социализации современных детей под влиянием «цифры».

³ См. подробнее: *Doing Better for Children*. (2009). Paris. OECD Publishing. 195 p. [Online]. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2009/09/doing-better-for-children_g1gha7a9/9789264059344-en.pdf (Accessed: 09 January 2026); *How's Life? Measuring Well-being*. (2015). Paris. OECD Publishing, 267 p. [Online]. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2015/10/how-s-life-2015_g1g575e0/how_life-2015-en.pdf (Accessed: 09 January 2026).

Теоретическая рамка исследования

Определяющая цифровую эпоху «третья волна», обозначенная Элвином Тоффлером как основной этап перехода к постиндустриальному обществу [Тоффлер, 1999], сопровождается радикальными изменениями в способах взаимодействия людей с информацией и технологиями. Для нынешних детей эти изменения стали естественной средой обитания, где границы между реальным и виртуальным пространством становятся все более размытыми.

Виртуальное пространство ассоциируется с интернетом, хотя первое является скорее теоретическим конструктом, а второй представляет собой технологию. Как отмечает Мануэль Кастельс, именно дети с наибольшим энтузиазмом восприняли данную технологию и продолжают активно участвовать в цифровом потреблении [Кастельс, 2004]. Это создает новые возможности для их самовыражения и социализации, но также порождает риски, связанные с зависимостью от цифрового пространства и дефицитом реальных социальных навыков.

В отечественном научном дискурсе также активно обсуждается проблематика формирования и развития виртуального пространства, в том числе и в контексте интересующей нас темы – цифрового потребления детей. В частности, рассматриваются вопросы цифровой социализации [Солдатова, Рассказова, 2023; Фейгина и др., 2023; Микляева, 2024; Волкова, Сорокоумова, 2024; Волкова, 2025], влияние информационно-коммуникационных технологий на детско-родительские отношения [Денисенкова, Тарунтаев, 2023; Алмазова и др., 2025; Спаская и др., 2025], медиапрактики детей и молодежи [Абросимова и др., 2025; Петрова, Пославская, 2025], особенности коммуникативной активности подростков в цифровой среде [Агеев и др., 2023; Хуснутдинова и др., 2023; Мешков, 2024; Горбачева, 2025], а также проблемы кибербуллинга [Москаленко, 2025] и цифровой зависимости [Шейнов, Карпиевич, 2025]. Значительное внимание уделяется исследованию роли социальных сетей в формировании социального капитала и влиянию цифровых технологий на субъективное восприятие (не)благополучия подрастающего поколения [Маленова и др., 2023; Руднова и др., 2023; Филипова и др., 2023; Солдатова и др., 2024; Дубров, 2025].

Таким образом, рассматриваемые исследования демонстрируют, что цифровые практики подрастающего поколения формируют сложную и противоречивую конфигурацию возможностей и рисков. И в своей работе мы бы хотели сфокусировать внимание на том, каким образом цифровая инфраструктура (устройства и онлайн-доступ) и повседневные цифровые практики детей соотносятся с параметрами их социального благополучия, формируя одновременно ресурсные возможности и зоны уязвимости в процессе цифровой социализации.

Материалы и методы

В основу предпринятого нами эмпирического исследования положена количественно-качественная методология, ориентированная на выявление основных параметров цифровой инфраструктуры с учетом возрастной динамики интернет-потребления, а также повседневных цифровых практик детей старшего школьного возраста. Основной метод

сбора первичной социологической информации – неформализованное интервью с детьми 14–17 лет ($n=10$)⁴. Исследование носило разведывательный характер. Отбор информантов проводился по принципу доступности с учетом региональной специфики. Опрошенные либо проживают в Приморском крае с рождения, либо прибыли в регион не менее чем год назад. Полевые работы проводились зимой 2024–2025 гг. Гайд интервью был составлен с опорой на домены субъективного благополучия [Как измерить благополучие детей ..., 2023], включая материальное благополучие, безопасность, образование, социальные отношения и другие компоненты социального благополучия. В данной работе мы посчитали целесообразным рассмотреть существующие компоненты субъективного благополучия через цифровые инфраструктуру и онлайн-практики детей старшего школьного возраста.

Также применен метод вторичного социологического анализа с опорой на результаты репрезентативного опроса населения России в возрасте от 14 лет и старше, организованного Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества, где представлены показатели цифровой активности населения, в том числе детей и подростков. Опрос проведен в период с 01.04.2024 г. по 08.05.2024 г. с участием 10038 респондентов⁵. Анализ эмпирических данных осуществлялся с использованием возможностей описательной статистики и качественной интерпретации в логике тематического кодирования.

Цифровая инфраструктура детства: устройства и онлайн-доступ в возрастной динамике интернет-потребления

В нынешних условиях именно цифровая среда выступает ключевым пространством социализации подрастающего поколения, формируя логику обучения, общения и досуга современных детей, и тем самым определяет основания их социального благополучия.

Для понимания того, как именно выстраивается этот «цифровой ландшафт» детства, обратимся к статистическим данным⁶, характеризующим использование цифровых устройств детьми и специфику доступа и целевого использования ими интернета⁷.

Самым популярным устройством у представителей всех возрастных групп является смартфон. Распространенность смартфонов последовательно увеличивается по мере взросления: от 29 % среди дошкольников 3–6 лет до 86 % у подростков 15–17 лет. Планшеты также широко используются, особенно дошкольниками (3–6 лет) и учащимися начальной и средней школы (7–14 лет): 14 и 18 % соответственно. Однако в старших возрастных группах их востребованность снижается и среди подростков 15–17 лет составляет 16 %. В отличие от планшетов, мобильные компьютеры (ноутбуки) демонстрируют устойчивый

⁴ Так как интервью проводились с лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста, идентификатор информантов не приводится.

⁵ См. подробнее: *Цифровая экономика: 2025. Краткий статистический сборник.* (2025). М.: ИСИЭЗ ВШЭ. 120 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/995751983.pdf?ysclid=mknm5vx2io642647600> (дата обращения: 09.01.2026).

⁶ Там же.

⁷ Представленные данные охватывают возрастную категорию детей от 3 до 17 лет.

рост распространенности с возрастом: от 2 % у самых младших детей до 24 % у старшеклассников. Настольные компьютеры применяются реже, чем мобильные устройства, но и здесь фиксируется возрастной градиент: доля пользователей достигает 23 % в группе 15–17 лет. «Умные» часы и фитнес-браслеты остаются наименее распространенными, хотя и для них характерна та же тенденция, их популярность растет с возрастом: от 2 % среди детей 3–6 лет до 9 % среди подростков 15–17 лет.

В целом представленные данные указывают на ярко выраженную возрастную дифференциацию. По мере взросления происходит переход к использованию более функциональных и персонализированных устройств, при этом смартфон остается базовым и универсальным гаджетом для детей самых разных возрастов.

Увеличение разнообразия и персонализации цифровых устройств закономерно сопровождается повышением интенсивности их повседневного использования детьми, прежде всего в части доступа к интернету. Так, после 2020 г., когда в условиях пандемии резко возросла роль цифровых технологий, эта тенденция сохранилась и получила дальнейшее развитие. К 2022 г. доля детей в возрасте до 15 лет, выходящих в интернет ежедневно, увеличилась на 0,8 процентных пункта и составила 81,5 %⁸. Тем самым фиксируется устойчивая тенденция к расширению повседневного присутствия детей в онлайн-среде.

Цели пребывания детей в сети носят многокомпонентный характер и включают в себя образовательную, коммуникативную и досуговую составляющие. При этом ведущей остается учебная деятельность. К 2022 г. доля детей до 15 лет, обучающихся в образовательных организациях и использующих интернет для учебных целей, увеличилась с 83,7 % в 2020 г. до 85,6 %. Это свидетельствует о закреплении интернета в качестве повседневного инструмента выполнения школьных заданий и освоения программного материала. Одновременно с этим после 2020 г. сократилась распространенность дистанционного обучения как вынужденной формы образовательного процесса. Если в период пандемии интернет для этих целей использовали 68,9 % детей, то в 2022 г. данный показатель снизился до 47,2 % в связи с возвращением школ к традиционному очному формату.

Наряду с образовательными задачами интернет активно используется детьми в сфере досуга и общения. Развлекательные цели остаются стабильными (76,9 % в 2022 г. против 76,5 % в 2020 г.), тогда как коммуникативные практики демонстрируют устойчивый рост. Доля тех, кто использует интернет для социального взаимодействия, увеличилась с 64,4 % до 68,0 %. Следовательно, социальные сети и мессенджеры все больше и больше интегрируются в повседневную жизнь детей, становясь ключевым пространством формирования и поддержания социальных связей.

В совокупности представленные данные позволяют рассматривать цифровые устройства и онлайн-доступ не просто как технические ресурсы, а как основу формирования нового образа детства, в котором повседневность встроена в виртуальное пространство. Возрастная динамика свидетельствует о постепенном смещении от фрагментарного и игрового использования технологий к их включению в образовательные, коммуникативные и досуговые практики.

⁸ Данные приводятся на 2022 г. в сравнении с 2020 г.

Повседневные цифровые практики детей: от общения до обучения

Цифровые практики детей по своей сути мало чем отличаются от тех моделей медиапотребления, которые демонстрируют взрослые. Во-первых, это разнообразные формы общения в социальных сетях и мессенджерах. Во-вторых, использование интернета для поиска информации. Весьма популярны у детей и различные досуговые активности: онлайн-игры, просмотр фильмов и видеоконтента, прослушивание музыки, использование развлекательных сервисов. А также электронные покупки, работа с прикладными сервисами (электронные дневники, расписание, заказ услуг и питания и др.), образовательные формы деятельности, практики самопрезентации, связанные с ведением персональных аккаунтов и телеграм-каналов. Рассмотрим некоторые из них.

Коммуникация выступает центральным элементом повседневной цифровой активности детей и ключевым механизмом социализации, напрямую связанным с субъективным ощущением социального благополучия. При этом различные платформы выполняют дифференцированные функции в зависимости от круга взаимодействия и целей общения. WhatsApp до момента ограничения его работы Роскомнадзором использовался подростками исключительно для коммуникации с представителями старшего поколения – родителями, бабушками и дедушками, учителями, тогда как Telegram и «ВКонтакте» (международное название – VK) – для общения с друзьями и одноклассниками.

Наши информанты следующим образом описывают практику использования социальных сетей и мессенджеров.

«Я использую социальные сети в своей жизни каждый день очень помногу. Это является уже какой-то важной частью меня, потому что я поддерживаю взаимоотношения с людьми из разных точек России. У меня есть друзья вообще из разных мест, поэтому я поддерживаю с ними общение через Telegram. У меня есть аккаунты в Telegram, в Instagram⁹, VK, на YouTube в TikTok» (девушка, 16 лет).

«В основном приложения – это Telegram. Это те приложения, которыми я пользуюсь чаще всего. Для вдохновения – это Pinterest, для каких-то «смешнявок» – это Нельзяграм¹⁰ и X, бывший Twitter» (юноша, 17 лет).

«WhatsApp просто есть, я его не использую» (девушка, 14 лет).

Приведенные высказывания демонстрируют, что социальные сети и мессенджеры интегрированы в повседневность современных детей и становятся не просто каналами коммуникации, а значимой частью их идентичности и образа жизни. При этом доминируют несколько ключевых платформ, вокруг которых выстраивается повседневная цифровая активность – это «ВКонтакте», Telegram, Instagram¹¹.

Такая концентрация цифровой активности формирует специфическую медиасреду, в которой общение постепенно смещается из публичных социальных сетей в более камерные и персонализированные форматы. Одним из таких форматов становится практика ведения детьми собственных каналов в социальных сетях.

⁹ Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

¹⁰ Нельзяграм – разговорно-ироничное название Instagram (Meta Platforms Inc., признана экстремистской и запрещена в РФ).

¹¹ Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

Со стороны родителей дети не ощущают жесткого контроля, что, вероятно, связано с возрастом наших информантов (14–17 лет). Для подросткового периода характерно расширение автономии, вследствие чего становится затруднительным отслеживание круга общения, а традиционные средства родительского контроля в сети утрачивают эффективность и уступают место отношениям, выстроенным преимущественно на доверии. Именно такое ослабление надзора со стороны родителей и других значимых взрослых субъективно воспринимается информантами как важный элемент социального благополучия.

«Мое свободное время – это мое свободное время. Мой телефон – это мой телефон. И, в принципе, все зависит только от меня. И если я не забываюсь в телефоне, если я не трачу на него слишком много своего времени, если я не ставлю его на первое место, скажем, выше, чем просьбы мамы или каких-то повседневных своих дел, то никакой проблемы в этом нет в принципе. Даже это не обсуждаем» (девушка, 16 лет).

«Нет, никогда такого не было, чтобы контролировали» (девушка, 15 лет).

«Сейчас уже нет, сестру контролируют, она маленькая, ей пять, она всегда требует телефон, и мама следит за ней. За мной уже никто не следит» (девушка, 14 лет).

«Нет, только говорят, когда мне пора придти домой и все» (юноша, 16 лет).

Все это говорит о том, что в старшем школьном возрасте родительский контроль в части цифрового потребления трансформируется в форму косвенного регулирования, ограниченного базовыми рамками повседневной жизни детей. Такая трансформация меняет не только сами практики родительской медиации, но и структуру воспринимаемых детьми границ допустимого и безопасного поведения в сети.

В условиях возросшей автономии особую значимость приобретает вопрос о том, какие угрозы и риски сопровождают повседневное цифровое потребление. Речь идет о проблемах интернет-безопасности, кибербуллинге, защите персональных данных и воздействии контента, который дети могут случайно или намеренно потреблять. Понимание данных аспектов необходимо для выработки эффективных механизмов защиты и сопровождения несовершеннолетних в цифровой среде. Дети нередко оказываются одной из наиболее уязвимых групп для интернет-мошенников и киберпреступников. В этой связи информанты указывают на использование ими различных защитных стратегий.

«Мою страницу в VK взламывали три раза на протяжении нескольких месяцев из-за того, что я допускал очень много глупых ошибок в сети. Но сейчас я не допускаю таких происшествий» (юноша, 17 лет).

«Стараюсь не отвечать тем, кого не знаю. В свои группы добавляю только своих друзей» (девушка, 14 лет).

Сами подростки достаточно критично оценивают свое цифровое потребление.

«Плюсы – это, скорее всего, возможность творчества, возможность признания, возможность коммуникации с людьми со всей нашей страны, со всего нашего мира. Но недостатки – это, конечно, расфокусировка внимания, клиповое мышление, когда человек не может сконцентрировать свое внимание на каких-то бытовых задачах просто потому, что он привык к вот этому бесконечно меняющемуся контенту» (юноша, 16 лет).

Можно сказать, что подростки осознают собственную уязвимость в цифровой среде, тем самым безопасность в интернете воспринимается ими не только как зона внешнего контроля, но и как результат личного опыта и саморегуляции.

Выше, основываясь на количественных данных, мы указали на приоритет образовательной активности детей в сети. А в ходе интервью нами было выявлено, что в образовательных целях гаджеты используются чуть ли не в последнюю очередь. И если ранее чаще упоминались электронные дневники, переводчики и поисковые системы, то сейчас лидерами образовательного контента становятся нейросети, которые активно применяются школьниками в подготовке домашних заданий, для создания изображений, часто заменяют поисковые системы и специализированные программы, например, переводчики, калькуляторы и т. п.

«GPT не GPT, в общем такое. Что делаю? Я группирую чаты по задачам, задаю разные вопросы, в том числе и личные, о которых не спросишь» (девушка, 17 лет).

В совокупности описанные практики позволяют говорить о формировании у детей старшего школьного возраста автономного цифрового мира, в котором тесно переплетены коммуникация, самопрезентация, обучение и досуг. Ослабление родительского контроля не столько исчезает, сколько переходит в иной режим, основанный на доверии, более значимыми становятся самоконтроль и индивидуальная ответственность. В данном ключе социальное благополучие детей оказывается все менее связанным с внешним регламентом и все больше опирается на их способность самостоятельно управлять рисками, наполнением и темпом своей онлайн-жизни.

Заключение

В целом результаты проведенного исследования позволяют сделать несколько основных выводов.

Цифровое потребление детей имеет амбивалентную природу, выступая, с одной стороны, ресурсом социального благополучия, а с другой – источником потенциальных рисков. Цифровая инфраструктура расширяет образовательные и коммуникативные возможности, определяет новые формы досуга, поддерживает развитие детской агентности. Вместе с тем повседневная вовлеченность в онлайн-среду сопряжена с рядом проблемных зон, связанных с размыванием границ частной жизни, воздействием деструктивного контента, киберугрозами и т. п.

Можно констатировать, что цифровые устройства и доступ к сети – это уже не просто вспомогательные инструменты, а структурообразующие элементы современной детской повседневности, обеспечивающие постоянное присутствие ребенка в онлайн-пространстве и формирующие режим «всегда подключенного» детства. Они создают специфическую среду социализации, в которой значительная часть жизненных практик – от обучения до общения и досуга – переносится в онлайн-формат и начинает восприниматься детьми как естественная часть их повседневности.

Также прослеживаемая возрастная динамика указывает на поэтапную трансформацию моделей взаимодействия с технологиями: от эпизодического, преимущественно развлекательного использования в младших возрастах к более осмысленной

и функционально дифференцированной цифровой активности у подростков. Тем самым цифровая среда постепенно превращается в широкомасштабную сферу реализации образовательных, коммуникативных и досуговых практик.

По мере взросления цифровое пространство все чаще воспринимается как автономная зона, где ослабляется прямой родительский контроль и возрастает роль доверия, саморегуляции и личной ответственности. При этом субъективное ощущение благополучия оказывается тесно связано с переживанием свободы, возможности управлять собственным временем, коммуникацией и контентом. Одновременно дети осознают собственную уязвимость и формируют индивидуальные стратегии цифровой безопасности, что свидетельствует о постепенном смещении с внешнего локуса контроля на внутренний.

Таким образом, открываются дальнейшие перспективы исследования цифровой социализации детей как сложного социально-пространственного процесса, где благополучие формируется на пересечении инфраструктурных возможностей, семейных практик и индивидуальных стратегий. Это также требует разработки комплексных подходов к поддержке детей в цифровой среде, ориентированных не только на ограничения и контроль, но и на развитие медиаграмотности, агентности и культуры осознанного цифрового потребления.

Список литературы / References

Абросимова, Е. Е., Скрыпникова, Е. М., Филипова, А. Г. (2025). Особенности образовательных видеоблогов: анализ взаимодействия с детско-подростковой аудиторией. *Информационное общество*. № 2. С. 88-98. DOI: 10.52605/16059921_2025_02_88.

Abrosimova, E. E., Skrypnikova, E. M., Filipova, A. G. (2025). Educational Video Blogs for Children and Adolescents: Self-presentation Techniques, Communication and Learning Features. *Information Society*. No. 2. Pp. 88-98. DOI: 10.52605/16059921_2025_02_88. (In Russ.)

Агеев, Н. Я., Токарчук, Ю. А., Токарчук, А. М., Гаврилова, Е. В. (2023). Связь цифровых технологий с развитием когнитивных и коммуникативных процессов подростков и юношей: обзор эмпирических исследований. *Психолого-педагогические исследования*. Т. 15. № 1. С. 37-55. DOI: 10.17759/psyedu.2023150103.

Ageev, N. Ya., Tokarchuk, Yu. A., Tokarchuk, A. M., Gavrilo, E. V. (2023). The Interaction of Digital Technologies with the Development of Cognitive and Communication Processes of Adolescents and Young Adults: Review of Empirical Research. *Psychological-Educational Studies*. Vol. 15. No. 1. Pp. 37-55. DOI: 10.17759/psyedu.2023150103. (In Russ.)

Алмазова, О. В., Бухаленкова, Д. А., Чичинина, Е. А. (2025). Медиация цифровой активности первоклассников: только ли родители играют важную роль? *Наука телевидения*. Т. 21. № 1. С. 175-231. DOI: 10.30628/1994 9529-2025-21.1-175-231.

Almazova, O. V., Bukhalenkova, D. A., Chichinina, E. A. (2025). Mediating First Graders' Digital Activity: Do Only Parents Play a Role? *The Art and Science of Television*. Vol. 21. No. 1. Pp. 175-231. DOI: 10.30628/1994 9529-2025-21.1-175-231. (In Russ.)

Волкова, Е. Н. (2025). Феномены социализации современных подростков: pro et contra. *Социальная психология и общество*. Т. 16. № 2. С. 23-42. DOI: 10.17759/sps.2025160203.

Volkova, E. N. (2025). Socialization' Phenomena of Modern Adolescents: Pro et Contra. *Social Psychology and Society*. Vol. 16. No. 2. Pp. 23-42. DOI: 10.17759/sps.2025160203. (In Russ.)

Волкова, Е. Н., Сорокоумова, Г. В. (2024). Цифровая грамотность российских подростков в модели The Youth Digital Skills Indicator (YDSI). *Психолого-педагогические исследования*. Т. 17. № 3. С. 149-163. DOI: 10.17759/psyedu.2025170309.

Volkova, E. N., Sorokoumova, G. V. (2024). Digital Literacy of Russian Teenagers in the Youth Digital Skills Indicator (YDSI) Model. *Psychological-Educational Studies*. Vol. 17. No. 3. Pp. 149-163. DOI: 10.17759/psyedu.2025170309. (In Russ.)

Горбачева, А. С. (2025). Особенности коммуникативной активности подростков и студенческой молодежи в цифровой социальной среде. *Теоретическая и экспериментальная психология*. Т. 18. № 1. С. 121-141. DOI: 10.11621/TEP-25-0.

Gorbacheva, A. S. (2025). The Peculiarities of the Communicative Activity of Teenagers and Students in the Digital Social Environment. *Theoretical and Experimental Psychology*. Vol. 18. No. 1. Pp. 121-140. DOI: 10.11621/TEP-25-0. (In Russ.)

Денисенкова, Н. С., Тарунтаев, П. И. (2023). Взаимосвязь детско-родительских отношений и использования цифровых устройств старшими дошкольниками. *Социальная психология и общество*. Т. 14. № 3. С. 31-45. DOI: 10.17759/sps.2023140303.

Denisenkova, N. S., Taruntaev, P. I. (2023). The Relationship between Parent-Child Relationships and the Use of Digital Devices by Older Preschoolers. *Social Psychology and Society*. Vol. 14. No. 3. Pp. 31-45. DOI: 10.17759/sps.2023140303. (In Russ.)

Дубров, Д. И. (2025). Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков. *Социальная психология и общество*. Т. 16. № 2. С. 43-60. DOI: 10.17759/sps.202516020.

Dubrov, D. I. (2025). The Relationship between the Use of Information and Communication Technologies, Family Social Capital and Aggressiveness among Adolescents. *Social Psychology and Society*. Vol. 16. No. 2. Pp. 43-60. DOI: 10.17759/sps.202516020. (In Russ.)

Как измерить благополучие детей в российских регионах: методические материалы. (2023). Под ред. И. Е. Калабихиной. М.: МАКС Пресс. 98 с.

Kalabikhina, I. E. (ed.). (2023). *How to Measure the Well-Being of Children in Russian Regions. Methodological Materials*. Moscow. 98 p. (In Russ.)

Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург: У-Фактория.

Castells, M. (2004). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Yekaterinburg. (In Russ.)

Маленова, А. Ю., Потапова, Ю. В., Маленов, А. А., Потапов, А. К. (2023). Человек совладающий, или Копинг-благополучие цифрового поколения. *Человек*. Т. 34. № 4. С. 112-127. DOI: 10.31857/S023620070027356-8.

Malenova, A. Yu., Potapova, Yu. V., Malenov, A. A., Potapov, A. K. (2023). A Person Who Is Coping, or Coping Well-being of the Digital Generation. *Human Being*. Vol. 34. No. 4. Pp. 112-127. DOI: 10.31857/S023620070027356-8. (In Russ.)

Мешков, Е. П. (2024). Умная аудитория и современная цифровая коммуникация. *Информационное общество*. № 4. С. 61-77. DOI: 10.52605/16059921_2024_04_61.

Meshkov, E. P. (2024). Smart Audience and Modern Digital Communication. *Information Society*. No. 4. Pp. 61-77. DOI: 10.52605/16059921_2024_04_61. (In Russ.)

Микляева, А. В. (2024). Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований. *Социальная психология и общество*. Т. 15. № 2. С. 5-11. DOI: 10.17759/sps.2024150201.

Miklyayeva, A. V. (2024). Digital Society and Digital Socialization: Prospects for Socio-Psychological Research. *Social Psychology and Society*. Vol. 15. No. 2. Pp. 5-11. DOI: 10.17759/sps.2024150201. (In Russ.)

Москаленко, О. Л. (2025). Буллинг и кибербуллинг у детей и подростков: признаки, виды, формы, профилактика (обзор литературы). *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. Т. 59. № 2. С. 30-39. DOI: 10.31363/2313-7053-2025-2-974.

Moskalenko, O. L. (2025). Bullying and Cyberbullying in Children and Adolescents: Signs, Types, Forms, Prevention (Literature Review). *V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*. Vol. 59. No. 2. Pp. 30-39. DOI: 10.31363/2313-7053-2025-2-974. (In Russ.)

Петрова, Е. В., Пославская, Ю. С. (2025). Изменение медиапрактик молодежи под влиянием внешних ограничений (на материале исследовательских интервью). *Информационное общество*. № 2. С. 48-55. DOI: 10.52605/16059921_2025_02_48.

Petrova, E. V., Poslavskaya, Yu. S. (2025). Changes in Media Practices of Youth under the Influence of External Restrictions (Based on Research Interviews). *Information Society*. No. 2. Pp. 48-55. DOI: 10.52605/16059921_2025_02_48. (In Russ.)

Руднова, Н. А., Корниенко, Д. С., Волкова, Е. Н., Исаева, О. М. (2023). Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста. *Наука телевидения*. Т. 19. № 1. С. 175-198. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198.

Rudnova, N. A., Kornienko, D. S., Volkova, E. N., Isaeva, O. M. (2023). Parental Digital Mediation and Its Association with the Psychological Well-Being in School-Age Children. *The Art and Science of Television*. Vol. 19. No. 1. Pp. 175-198. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198. (In Russ.)

Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. (2023). Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран. *Социальная психология и общество*. Т. 14. № 3. С. 11-30. DOI: 10.17759/sps.2023140302.

Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I. (2023). Digital Socialization of Russian Adolescents: through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries. *Social Psychology and Society*. Vol. 14. No. 3. Pp. 11-30. DOI: 10.17759/sps.2023140302. (In Russ.)

Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Рассказова, Е. И. (2024). Анализ межпоколенных особенностей формирования социального онлайн-капитала. *Вопросы психологии*. Т. 70. № 1. С. 35-49.

Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., Rasskazova, E. I. (2024). Analysis of the Intergenerational Peculiarities of Online Social Capital Formation. *Voprosy Psikhologii*. Vol. 70. No. 1. Pp. 35-49. (In Russ.)

Спасская, Е. Б., Иванушкина, Н. О., Сидненко, Е. В. (2025). Фаббинг в детско-родительских отношениях как фактор формирования цифрового поведения подростков. *Перспективы науки и образования*. № 2 (74). С. 443-461. DOI: 10.32744/pse.2025.2.28.

Spasskaya, E. B., Ivanushkina, N. O., Sidnenko, E. V. (2025). Phubbing in Parent-child Relations as a Factor of Digital Behavior Development in Adolescents. *Perspectives of Science and Education*. No. 2 (74). Pp. 443-461. DOI: 10.32744/pse.2025.2.28. (In Russ.)

Тоффлер, Э. (1999). *Третья волна*. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ».

Toffler, A. (1999). *The Third Wave*. Moscow. (In Russ.)

Фейгина, А. Я., Агузарова, Е. И., Коровина, А. И., Русакова, М. М. (2023). Потребительская социализация детей и подростков в контексте цифрового общества. *Экономическая социология*. Т. 24. № 4. С. 38-61. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-4-38-61.

Feigina, A. Ya., Aguzarova, E. I., Korovina, A. I., Rusakova, M. M. (2023). Consumer Socialization of Children and Adolescents in the Context of the Digital Society. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 24. No. 4. Pp. 38-61. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-4-38-61. (In Russ.)

Филипова, А. Г., Зубова, О. Г., Ракитина, Н. Э. (2023). Трансформация повседневных практик и субъективное благополучие подростков в период пандемии. *Журнал исследований социальной политики*. Т. 21. № 1. С. 157-174. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-1-157-174.

Filipova, A. G., Zubova, O. G., Rakitina, N. E. (2023). Transformation of Everyday Practices during a Pandemic and Subjective Well-being of Adolescents. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 21. No. 1. Pp. 157-174. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-1-157-174. (In Russ.)

Хуснутдинова, М. Р., Посакалова, Т. А., Шепелева, Е. А., Токарчук, Ю. А. (2023). Коммуникация подростков в социальных сетях: новые возможности. *Сибирский психологический журнал*. № 90. С. 124-139. DOI: 10.17223/17267080/90/7.

Khusnutdinova, M. R., Poskakalova, T. A., Shepeleva, E. A., Tokarchuk, Yu. A. (2023). Communication of Adolescents on Social Media: New Opportunities. *Siberian Journal of Psychology*. No. 90. Pp. 124-139. DOI: 10.17223/17267080/90/7 (In Russ.)

Шейнов, В. П., Карпиевич, В. А. (2025). Личностные корреляты цифровых зависимостей школьников. *Сибирский психологический журнал*. № 95. С. 61-77. DOI: 10.17223/17267080/95/4.

Sheinov, V. P., Karpievich, V. A. (2025). Personality Correlates to Digital Dependencies of Schoolchildren. *Siberian Journal of Psychology*. No. 95. Pp. 61-77. DOI: 10.17223/17267080/95/4. (In Russ.)

Nussbaum, M. (2011). *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. Cambridge, MA. Harvard University Press.

Sen, A. (1993). Capability and Well-Being. *The Quality of Life*. Oxford. Clarendon Press. Pp. 30-53.

Сведения об авторах / Information about the authors

Ардальянова Анна Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3019-9626>.

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>.

Статья поступила в редакцию: 24.12.2025

После доработки: 02.02.2026

Принята к публикации: 24.02.2026

Ardalyanova Anna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Sciences of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, 10, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3019-9626>.

Vinokurova Anna – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social Sciences of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>.

The paper was submitted: 24.12.2025

Received after reworking: 02.02.2026

Accepted for publication: 24.02.2026

УДК 323+316

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ ИЛИ ...?

А. Н. Демьяненко

независимый исследователь (г. Хабаровск)
ad716008@gmail.com

И. Ф. Ярулин

независимый исследователь (г. Хабаровск)
iarulin@mail.ru

Аннотация. История Дальнего Востока России, начиная с 1860-х гг., когда завершается оформление макрорегиона в его современных границах, это история региона, социальная и экономическая динамика которого находилась под влиянием геополитических факторов. Означает ли это, что ДВ на протяжении более полутора столетий был объектом целенаправленной государственной политики, как органической составляющей политики государства на Тихом океане? Ответ: скорее нет, чем да. Ретроспективный анализ государственной политики свидетельствует о том, что периоды активного продвижения в Азию (на Восток) сменялись не менее продолжительными периодами, когда геополитический вектор смещался в Европу (на Запад). Естественно, это не могло не сказаться и на смене стратегических приоритетов государственной политики в отношении Дальнего Востока России. Современный этап – «Поворот на Восток»: ожидания и результаты. Сибиризация России или Поворот на Восток 2.0. Возможные изменения в геополитическом ландшафте Северной Пацифики и их влияние на социальную и экономическую динамику Дальневосточного макрорегиона.

Ключевые слова: Северная Пацифика, Дальний Восток, региональное стратегирование, Поворот на Восток, сибиризация России.

Для цитирования: Демьяненко, А. Н., Ярулин, И. Ф. (2026). Дальний Восток России: чемодан без ручки или ...? *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 46-57. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.46-57

RUSSIAN FAR EAST: A SUITCASE WITHOUT A HANDLE OR ...?

A. N. Demyanenko

Independent scholar (Khabarovsk)
ad716008@gmail.com

I. F. Yarulin

Independent scholar (Khabarovsk)
iarulin@mail.ru

Abstract. The history of the Russian Far East, beginning in the 1860s, when the macro-region within its modern borders was finally established, is a history of a region whose social and economic dynamics were influenced by geopolitical factors. Does this mean that for over a century and a half, the Far East was the object of targeted state policy as an integral component of state policy in the Pacific? The answer is more no than yes. A retrospective analysis of state policy indicates that periods of active advancement toward Asia (the East) were followed by equally lengthy periods when the geopolitical vector shifted toward Europe (the West). Naturally, this inevitably affected the shift

in strategic priorities of state policy toward the Russian Far East. The current stage – «The Turn to the East»: Expectations and Results. The Siberianization of Russia, or Turn to the East 2.0. Possible changes in the geopolitical landscape of the North Pacific and their impact on the social and economic dynamics of the Far Eastern macro-region.

Keywords: North Pacific, Far East, regional strategizing, Turn to the East, Siberianization of Russia.

For citation: Demyanenko, A. N., Yarulin, I. F. (2026). Russian far East: A Suitcase Without a Handle or ...? *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 46-57. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.46-57

Введение

Настоящая работа – это попытка объяснить, каким образом менялось место и роль Дальнего Востока (ДВ) в пространственной организации России в контексте изменений в геополитическом ландшафте Северной Пацифики за последние 150 лет. Говоря о ДВ, мы имеем в виду не федеральный округ, а именно ДВ: достаточно целостную социально-экономическую пространственную систему, имеющую не только общий природный субстрат, но и общую историю. Таким образом, первое ограничение нашего исследования – пространственное. Второе ограничение носит содержательный характер. Оно состоит в том, что в исследовательском фокусе находятся два проекта: «Поворот на Восток» и «Поворот на Восток 2.0» («Сибиризация России»). Поэтому, насколько это в наших силах, мы пытаемся понять: почему «Поворот на Восток» завершился «недоповоротом», почему нужен «Поворот на Восток 2.0» или «Сибиризация России», каково происхождение этой концепции и каковы ее перспективы.

Материалы и методы

Анализ основан преимущественно на первоисточниках, состоящих из книг и статей, опубликованных наиболее последовательными приверженцами концепции «Сибиризации России» [Бляхер, 2025; Караганов, 2022; Караганов, 2025а, 2025б, 2025в; Караганов, Козылов, 2025; Караганов и др., 2025]. Естественно, что мы использовали и работы других исследователей (в том числе и свои: [Демьяненко, Ярулин 2025а, 2025б]), имеющие отношение к заявленной теме. Более того, оценка концепции «Сибиризации России», как и предшествующих Поворотов на Восток, предполагает обращение к результатам исследований не только современных авторов, но и давно ставших классическими в геополитике и теории международных отношений. Что же касается методологических подходов, которых мы придерживались в нашем исследовании, то, прежде всего, следует признать: поиски ответа на вопрос, вынесенный нами в заглавие, не укладываются в рамки традиционных дисциплин и предполагают формирование методологической платформы междисциплинарного синтеза. При этом авторы отдают себе отчет в том, что создание такого рода платформы – задача, решение которой не под силу авторам данной статьи и требует усилий многих специалистов из различных областей науки: от антропологии до экономики. Поэтому авторы, не претендуя на некую законченную исследовательскую научно-исследовательскую программу, попытались сформулировать некоторые общие положения – некий эскиз, имеющий по понятным причинам эклектичный характер.

По нашему мнению, своеобразным «твердым ядром» предлагаемой авторами научно-исследовательской программы может стать региональная концепция, дополненная теорией сложности и теоретическими концепциями из области геополитики и международных отношений.

Результаты и их обсуждение

Предыстория вопроса. И здесь авторы просто вынуждены выйти за установленные нами же временные рамки. Причина того проста: трудно, если вообще возможно, понять современный геополитический ландшафт, не проследив, хотя бы в самой краткой форме, историю Поворотов России на Восток, место и роль Дальнего Востока в этих поворотах.

То, что Повороты на Восток – явление в истории России – происходили многократно и задолго до наступления нынешнего тысячелетия – очевидный факт¹. Другое дело, что «Восток» со времен Петра I и по настоящее время постоянно видоизменялся и во внешней политике государства российского, и в научном дискурсе. Поэтому авторы посчитали целесообразным сделать еще одно уточнение: Восток – это ДВ, который в современных границах начал складываться после Пекинского договора 1860 г. между Российской империей и империей Цин и принял законченный вид как макрорегион после русско-японской войны².

Впрочем, и в этот относительно краткий исторический период Поворотов было несколько: о них и речь. Но первоначально все-таки следует сказать, что для российского общества присоединение Приамурского края было большой неожиданностью. В значительной мере само присоединение Приамурского края было инициировано не «центром», а состоялось оно, прежде всего, благодаря усилиям генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева³ и его соратников.

Затем последовала долгая пауза в обсуждениях о Дальнем Востоке; если о нем и не забыли, то внимание к региону со стороны «центра» было невелико. Ситуация начинает меняться лишь в конце XIX в. Если предшествующий Поворот ассоциировался с именем

¹ Пожалуй, наиболее полный обзор российских «поворотов на Восток» приведен в монографии К. Миллера [Miller, 2021].

² Н. Н. Муравьев-Амурский был не только инициатором присоединения Приамурья и Приморья к Российской империи, но и автором проекта, предполагающего выделение из состава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Приамурского (1861 г.) генерал-губернаторства. То есть он предполагал, что ДВ имеет большое значение для государства российского, которое только будет возрастать, а, следовательно, этот макрорегион должен иметь адекватную его роли и месту систему управления. Как известно, проект был отклонен и граф подал в отставку. Тем не менее, позже проект был реализован: в 1884 г. было организовано Приамурское генерал-губернаторство, а в 1906 г. из его состава в Иркутское генерал-губернаторство была передана Забайкальская область. Подробно вопрос о том, каким образом шла эволюция системы государственного управления в Сибири и на ДВ, освещен в: [Ремнев, 2004; Сибирь в составе Российской империи, 2007].

³ О том, каким видел будущее ДВ Муравьев-Амурский – сюжет, требующий отдельного исследования. Но трудно удержаться, чтобы не привести хотя бы пару цитат, которые дают представление о геополитических устремлениях графа: «... Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура», и «... единственной целью наших предприятий в той стороне может быть обладание рекою Амуром, какая бы ни была почва земли на левом ее берегу» [Барсуков, 1891, с. 35, 45].

Н. Н. Муравьева-Амурского, следующий – с именем С. Ю. Витте⁴, но причины в обоих случаях имели преимущественно геополитический характер. Общим для обоих поворотов было еще и то, что российское общество в обоих случаях было малоподготовленным для столь радикальной смены геополитического вектора⁵.

Но в этих Поворотах была и существенная разница: первый предполагал территориальную экспансию, второй – нет. Поэтому неудивительно, что цель первого – формирование сети казачьих поселений вдоль границы и опорных административных центров (Благовещенск, Хабаровск, Владивосток). Цель второго – до русско-японской войны – реализация стратегии мирного экономического проникновения в Маньчжурию; после войны была сделана ставка на экономическое развитие Дальнего Востока России, а не Маньчжурии (хотя и о российских интересах тоже не забывали), что предполагало формирование транспортного каркаса территории (прежде всего железнодорожных магистралей, строительство морских и речных портов и пристаней), содействие развитию не только отраслей добывающей, но и обрабатывающей промышленности [Демьяненко, 2016; Демьяненко, 2017; Демьяненко, Дятлова, 2017; Демьяненко и др., 2022].

Следующего Поворота пришлось ждать долго и опять-таки он, как и его предшественники, имел в качестве первопричины геополитические факторы. Этот Поворот, хотя его так и не называли, приходится на 1950-е гг., когда СССР пытался играть роль «старшего брата» по отношению к КНР. Как и два предшествующих, этот Поворот имел в своей основе геополитический фактор, но не меньшее значение имели и идеологические мотивы (чего не было ранее), отчасти экономические. Результаты этого Поворота также хорошо известны: пауза с движением в сторону Востока затянулась до начала 2010-х гг.

О последнем Повороте – ниже, а сейчас – промежуточные выводы относительно трех предшествующих Поворотов: во-первых, все они преследовали те или иные геополитические

⁴ По мнению современных исследователей, которое разделяют авторы данной статьи: «... С. Ю. Витте стремился обеспечить господствующие позиции России в этом регионе на бесконфликтной, “экстерриториальной” основе путем последовательного расширения сфер русско-китайского сотрудничества и придания последнему характера “особых” отношений» [Алексеев и др., 2004, с. 59-60]. При этом С. Ю. Витте, преследуя геополитические цели, тем не менее ставил внешнюю политику России на Тихом океане в зависимости от того, насколько она будет опираться на экономику страны. Но в то же время он рассматривал КВЖД и Маньчжурию как приоритет, тогда как российский ДВ должен был, по его замыслу, играть второстепенную роль. И только после русско-японской войны происходит смена приоритетов, и развитие ДВ России было поставлено во главу угла. Впрочем, и в этом случае уже П. А. Столыпин делал акцент на железнодорожное строительство – в 1910 г. начинается строительство Амурской ж. д., идущей по российской территории.

⁵ Показательно мнение С. В. Витте: «В то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые знали бы вообще, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды» [Витте, 1960, с. 44]. Здесь следует уточнить: «в то время» – это 1896 г. Впрочем, упомянутым «полным невеждам» это не мешало демонстрировать на протяжении десятилетия, предшествовавшего русско-японской войне, интерес к ДВ. Только одно свидетельство современника тех лет князя Гуго фон Радолин, посла Германии в России: «В последнее время высокопоставленные чиновники гордо и важно говорят мне о великой миссии России в Азии и о зарождении новой эры, которая сделает Россию цивилизованной страной высшего класса ... Вкратце, все, что я слышу, сливается в единый голос, который утверждает, что со временем Россия неизбежно будет господствовать в мире, начиная с Востока и Юго-Востока, которые еще не затронула раковая опухоль европейской цивилизации ...» [цит. по: Схиммельпеннинк, 2009, с. 237].

цели; во-вторых, непоследовательность в реализации целей и как следствие – что-то получилось, а что-то нет; в-третьих, несоответствие между уровнем амбиций и ресурсным обеспечением.

Поворот на Восток и Поворот 2.0. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в политическом классе и в академическом сообществе явно сформировался запрос на «новую концепцию внешней политики» (это время, когда пришло осознание, что РФ – это не СССР, т. е. не сверхдержава) и попытку переосмысления отечественной геополитической мысли – евразийский ренессанс: вспомнили, но не до конца поняли (или не захотели понимать труды евразийцев, включая последнего из них – Л. Н. Гумилева). Вместо этого уже после смерти Л. Н. Гумилева появилась на свет неоевразийская концепция, которая мало имела общего с идеями евразийцев, но, несомненно, послужила одним из источников «Сибиризации России». Но идеи неоевразийцев в тот момент оказались невостребованными⁶.

Одновременно в среде академических ученых в рамках работы Совета по внешней и оборонной политике был осуществлен проект, адресованный новому президенту РФ [Новое освоение Сибири ..., 2001; Стратегия для России ..., 2000]⁷. Суть этого проекта – нужно развивать Сибирь и Дальний Восток. Это была своего рода реинкарнация еще досоветского, а затем и советского проекта – Сдвиг экономики на Восток⁸. Показательно, что на рубеже веков академическому и экспертному сообществу Россия представлялась азиатско-европейской страной, а реализация стратегии нового освоения Сибири и Дальнего Востока не предполагала Поворота на Восток, а только сбалансированную геополитическую стратегию.

О Повороте на Восток, как о новой геополитической доктрине, было объявлено на саммите АТЭС во Владивостоке в 2012 г., и первоначально в эту доктрину были зашиты две цели: сбалансировать европейский и азиатский вектора российской внешней политики и создать потенциал сотрудничества Дальнего Востока с ведущими странами Восточной Азии [К Великому океану ..., 2012].

Однако достаточно быстро выяснилось, что Поворот на Восток оказался делом непростым, и его реализация наталкивается на самые разнохарактерные проблемы, в том числе и геополитического свойства, роль которых, начиная с 2014 г. и особенно после февраля 2022 г., только возрастает⁹.

⁶ Впрочем, невостребованными оказались и идеи В. Л. Цымбурского [Цымбурский, 2007], который предлагал сконцентрировать усилия на освоении Сибири и Дальнего Востока. О геополитических концепциях этого периода в России: [Dies, 2020].

⁷ Понятно, что Стратегия для России – это нечто большее, чем Новое освоение, но для нас важно то, что в обоих текстах присутствуют и Сибирь, и Дальний Восток, причем авторы одни и те же: В. Н. Лексин и А. Н. Швецов [Лексин, Швецов, 2000]. А одним из авторов геополитического раздела Стратегии является С. Караганов [Караганов и др., 2000].

⁸ Здесь уместно вспомнить работу В. И. Гриневецкого, в которой послевоенные перспективы экономики предполагали не Поворот, но Сдвиг на Восток [Гриневецкий, 1919].

⁹ В 2013 г. Б. Ло и Ф. Хилл, анализируя только что заявленный Поворот, указывали на ряд рисков, связанных с реализацией целей этого мегапроекта. В частности, они отмечали, что «страна медленно диверсифицирует отношения в Азии, и азиатские элиты – включая китайскую – не считают Россию ни азиатским, ни надежным игроком в регионе. Они считают, что Россия по-прежнему укоренена в Европе или, в лучшем случае, частично в Центральной Азии, и что ей нечего предложить на Востоке, кроме природных ресурсов и оружия» [Lo, Hill, 2013].

Неуспех Порота на Восток¹⁰ стал причиной появления «Сибиризации России» или Поворота на восток 2.0, при этом авторы этой концепции неоднократно указывали на то, что Поворот 2.0 – это нечто качественно иное, чем первый Поворот. Итак, от чего отказываются и что предлагают авторы «сибиризации»?

Итак, отказываются «сибиризаторы» от самой локации Поворота как таковой: если первоначально Дальневосточный макрорегион рассматривался как своего рода ворота в АТР, и таковые должны быть соответствующим образом обустроены, то в рамках Поворота 2.0 речь идет уже об Азиатской России, включая и Урал [Караганов, 2025б; Караганов, Козылов, 2025].

По нашему мнению, столь широкая трактовка представляется как минимум дискуссионной [Демьяненко, Ярулин, 2025а; Демьяненко, Ярулин, 2025б]; остановимся на ней подробнее. Итак, по мнению С. А. Караганова: «Коренной ошибкой было не включение в политику поворота к новым перспективным экономическим, политическим, да и культурным рынкам Востока и Юга всей Сибири, Приуралья» [Караганов, 2025б]. Здесь невольно возникает встречный вопрос: а Европейской России не следует поворачиваться к тем самым «новым перспективным экономическим, политическим, да и культурным рынкам Востока и Юга»? Есть, впрочем, еще один вопрос: неужели Урал, Сибирь, Дальний Восток «есть единый исторический и экономический регион» [Караганов, 2022, с. 23]? Увы, это не так. Азиатская Россия крайне неоднородна и по природным, и по экономическим, и по социальным условиям, что находит отражение в формировании пространственных социально-экономических систем. Да, эти системы далеко не всегда имеют однозначно принятые границы, которые к тому же динамичны и проницаемы. Но делать вид, что Азиатская Россия, к тому же с Уралом, это – монолит в природном и социально-экономическом отношении, означает, по нашему мнению, очень погрешить против фактов.

Но не это главное, главное заключается в том, что для России настало время для «возвращения домой» (интересно, а где же мы все это время были?), т. е. время осознать себя даже не просто цивилизацией, а цивилизацией цивилизаций (ни больше, ни меньше). А почему так? А потому, что «Мы – народ-богоносец» [Караганов, 2025а, с. 6].

Но далее выясняется, что есть еще и «сибиряк», который предстает как «русский пассионарий», человек действия, в котором сочетаются три важные черты: дух первопродчества, соборность и взаимопомощь, ориентация на будущее [Караганов и др., 2025]. Однако выясняется, что «для реализации такого Поворота необходимы люди – переселенцы из центральных регионов России, в первую очередь из вновь воссоединенных территорий, а также некоторых дружественных стран Азии» [Караганов и др. 2025, с. 9]. И тут неизбежно возникает вопрос: чтобы «вернуться домой», нужны не только «сибиряки», но и переселенцы (в том числе из дружественных стран Азии). А эти последние тоже обладают упомянутыми качествами «сибиряка»? Индус-сибиряк?

Впрочем, это не единственный вопрос, на который у авторов концепции «Сибиризации» нет ответа. И вновь обратимся к уже не раз упоминавшейся работе Поворот на Восток 2.0, в которой есть такой замечательный пассаж: «... Поворот на Восток 2.0 – не просто стратегический шаг, а абсолютная необходимость, логично вытекающая

¹⁰ Среди работ последних лет, анализирующих положение дел с Поворотом на Восток, отметим: [Михеева, 2025].

из глобальных перемен. Нужно восстанавливать и выращивать в себе нашу идентичность как великой державы, основные внешние корни которой – на Юге и Востоке, а значит, в Сибири» [Караганов и др., 2025, с. 10]¹¹.

Да, действительно, изменения в геополитической картине мира имеют в последнее десятилетие радикальный характер, и в этом мы согласны с С. А. Карагановым и его последователями, как и с тем, что Россия стоит перед вызовом, на который необходимо найти ответ.

Ответ (который нас не устраивает, но об этом ниже) С. А. Караганов видит в «сибиризации», которая, по его мнению, «это не только острая экономическая и геополитическая необходимость, но и мощная мировоззренческая идея “Поворота на Восток 2.0”». Она отражает глубокую духовную суть русского мира, где свобода и соборность не противопоставляются, а дополняют друг друга. И именно «сибиряк-пассионарий» может стать символом и двигателем этого нового этапа развития России. А сибиризация будет распространять этот дух на всех россиян, вести их вперед» [Караганов и др., 2025, с. 13]. Более того, по мнению «сибиризаторов», Сибирь должна стать «“вторым сердцем” России – научным, культурным и индустриальным гигантом со своими приоритетами и особой ролью в экономике, науке, культуре всей Большой Евразии» [Караганов и др., 2025, с. 35].

Итак, «Сибиризация» России – или иначе Поворот на Восток 2.0 – «комплексная стратегия обновления страны через сдвиг центра духовного, человеческого и экономического развития на Восток. Конечная цель сибиризации заключается в том, что она откроет новые горизонты, расширив российскую созидательную роль в стремительно меняющемся мире» [Караганов, Козылов, 2025, с. 222]. Дело за малым: сколько на эту “комплексную стратегию” потребуется ресурсов и времени.

Заключение

В настоящее время сложилась достаточно парадоксальная ситуация: с одной стороны, РФ, особенно в последние годы, демонстрирует усилия играть все более активную роль в Северной Пацифике, осуществляя Поворот на Восток и декларируя «сибиризацию России», как Поворот 2.0. С другой стороны, этот регион (за исключением Китая) по-прежнему представляет собой нечто вроде тихой заводи российской внешней политики. Не будем даже пытаться выявить все возможные факторы, обусловившие такое положение дел, а просто обратим внимание на два, как нам представляется, крайне важных. Первый фактор – расстояние, этот фактор нам не изменить, но иметь в виду следует, всякий раз планируя те или иные действия и в Северной Пацифике, и в том числе на Дальнем Востоке. Другой фактор – незнание или точнее недостаточное знание о внутренней и внешней политике КНР, Японии, КНДР, РК, истории и культуре этих стран, экономике, социальной жизни и т. д.¹². Судя по всему, действие этих факторов сказалось и на концепции «Сибиризации России».

¹¹ Все повторяется: см. приведенный выше фрагмент из донесения посла Германии в России из 1890-х гг. Г. фон Радолина.

¹² Анализ проблем безопасности в США, данный Б. Ло, по мнению авторов не потерял своей актуальности [Lo, 2000].

Анализ геополитической концепции «Сибиризации России» свидетельствует, по мнению авторов, о том, что Россия стоит перед выбором: или снова и снова поворачиваться к Востоку (что сопряжено, помимо всего прочего, с ростом конфликтного потенциала с «коллективным Западом»), или же выбрать путь многовекторной политики и предполагает выстраивать отношения как минимум по нескольким направлениям.

«Сибиризация России» – звучный лозунг, и он может даже греть душу сибиряков, но, как и Поворот на Восток, он, скорее всего, отражает желание, присущее части российского политикума и академического сообщества, найти место для России в той картине мира, которая складывается на наших глазах, но не более того. Исходный посыл: Запад нас не любит, а мы народ-богоносец, поэтому пойдём на Восток. Но возможен и другой посыл: не надо нам любви ни Запада, ни Востока, нам следует продвигать и защищать свои собственные интересы, и эти интересы следует продвигать не по одному вектору, а сразу по нескольким. При этом всякий раз, ставя по главу угла не силовое решение возникающих при этом конфликтов (а они неизбежны), а поиск совместных решений. И в этой связи резко возрастает роль таких макрорегионов, как Дальний Восток и Сибирь, Урал и Поволжье, Северо-Запад и Центр. Именно макрорегионов, т.е. пространственных социально-экономических систем.

Список литературы / References

Алексеев, В. В., Алексеева, Е. В., Зубков, К. И., Побережников, И. В. (2004). *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века*. М.: Наука. 600 с.

Alekseev, V. V., Alekseeva, E. V., Zubkov, K. I., Poberezhnikov, I. V. (2004). *Asian Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics XVI–XX Centuries*. Moscow. 600 p. (In Russ.)

Барсуков, И. (1891). *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам*. М.: Синодальная типография. Кн. 2. 322 с.

Barsukov, I. (1891). *Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky Based on his Letters, Official Documents, Stories of Contemporaries and Printed Sources*. Book 2. Moscow. 322 p. (In Russ.)

Бляхер, Л. Е. (2025). *Роль Сибири в создании России: культурные и исторические аспекты. Проект «Сибиризация России: Поворот на Восток 2.0». Доклад Тобольского клуба № 2*. М. 60 с.

Blakher, L. E. (2025). *The Role of Siberia in the Creation of Russia: Cultural and Historical Aspects. Project “Siberization of Russia: Turn to the East 2.0”. Tobolsk Club Report No. 2*. Moscow. 60 p. (In Russ.)

Витте, С. Ю. (1960). *Воспоминания*. Т. 2. М.: Соцэкономиздат. 640 с.

Witte S. Yu. (1960). *Memories*. Vol. 2. Moscow. 640 p. (In Russ.)

Гриневецкий, В. И. (1919). *Послевоенные перспективы русской промышленности*. М. 210 с.

Grinevetsky, V. I. (1919). *Post-War Prospects of Russian Industry*. Moscow. 210 p. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н. (2016). О стратегических инициативах по развитию Дальнего Востока России в контексте исторического опыта. *Регионалистика*. Т. 3. № 3. С. 6-13.

Demyanenko, A. N. (2016). On Strategic Initiatives for the Development of the Russian Far East in the Context of Historical Experience. *Regionalistics*. Vol. 3. No. 3. Pp. 6-13. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н. (2017). Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона. *Регионалистика*. Т. 4. № 5. С. 5-19.

Demyanenko, A. N. (2017). Russian Far East: Formation of an Economic Macroregion. *Regionalistics*. Vol. 4. No. 5. Pp. 5-19. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н., Дятлова, Л. А. (2017). Современные стратегические инициативы и уроки истории в освоении Дальнего Востока. *ЭКО*. № 4 (514). С. 45-60.

Demyanenko, A. N., Dyatlova, L. A. (2017). Modern Strategic Initiatives and Lessons of History in the Development of the Far East. *ECO*. No. 4 (514). Pp. 45-60. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н., Ярулин, И. Ф. (2025а). Геополитические факторы устойчивого развития Дальневосточного макрорегиона. *Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, социальные и хозяйственные системы*. Владивосток. С 13-20.

Demyanenko, A. N., Yarulin, I. F. (2025a). Geopolitical Factors of Sustainable Development of the Far Eastern Macroregion. *Geosystems of North-East Asia: Natural, Social and Economic Systems*. Vladivostok. Pp. 13-20. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н., Ярулин, И. Ф. (2025б). О «сибиризации» России. *Связь времен – региональная наука и индустриальное освоение Восточной Сибири*. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. С. 26-30.

Demyanenko, A. N., Yarulin, I. F. (2025b). On the “Siberianization” of Russia. *The Connection of Times – Regional Science and Industrial Development of Eastern Siberia*. Irkutsk. Pp. 26-30. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н., Ярулин, И. Ф., Бурик, М. В., Клиценко, М. В. (2022). *Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение*. Препринт научного доклада. М.: ИКиСА РАН. 70 с.

Demyanenko, A. N., Yarulin, I. F., Burik, M. V., Klitsenko, M. V. (2022). *Russian-Chinese Cooperation in new Realities: Regional Dimension*. Preprint of the Scientific Report. Moscow. 70 p. (In Russ.)

К Великому океану, или новая глобализация России. (2012). М. 72 с.

Towards the Great Ocean, or the New Globalization of Russia. (2012). Moscow. 72 p. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2022). Сибирь – исток и будущее нашего величия как державы. *Вопросы географии. Сб. 154. Преодоление «континентального проклятия»: будущее Сибири.* М.: Медиа-ПРЕСС. С. 17-27.

Karaganov, S. A. (2022). Siberia – the Source and Future of our Greatness as a Power. *Questions of Geography. Collection 154. Overcoming the “Continental Curse”: the Future of Siberia.* Moscow. Pp. 17-27. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2025а). *Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке.* М. 45 с.

Karaganov, S. A. (2025a). *The Living Idea-Dream of Russia, the Code of a Russian in the 21st Century.* Moscow. 45 p. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2025б). Восточный Поворот 2.0. *Россия и АТР.* № 2. С. 148-161.

Karaganov, S. A. (2025b). Eastern Turn 2.0. *Russia and the Pacific.* No. 2. Pp. 148-161. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2025в). Европа: недоброе расставание. *Россия в глобальной политике.* Т. 23. № 5. С. 94-109.

Karaganov, S. A. (2025c). Europe: An Unkind Parting. *Russia in Global Affairs.* Vol. 23. No. 5. Pp. 94-109. (In Russ.)

Караганов, С. А., Макаров, И. А. (2015). Поворот на Восток: итоги и задачи. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement.* № 8. С. 6-10.

Karaganov, S. A., Makarov, I. A. (2015). Turn to the East: Results and Tasks. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement.* No. 8 Pp. 6-10. (In Russ.)

Караганов, С., Аверчев, В., Адамишин, А., Белкин, А., Пушков, А. (2000). Российская внешняя политика перед вызовами XXI века. *Стратегия для России: повестка дня для президента-2000.* М.: Вагриус. С. 57-104.

Karaganov, S., Averchev, V., Adamishin, A., Belkin, A., Pushkov, A. (2000). Russian Foreign Policy Facing the Challenges of the 21st Century. *Strategy for Russia: Agenda for the President-2000.* Moscow. Pp. 57-104. (In Russ.)

Караганов, С. А., Вукович, Н. А., Козылов, И. С., Коломина, А. М., Любичская, В. А., Олейников, И. В., Пыжев, А. И., Свистула, И. А., Фартышев, А. Н. (2025). *Поворот на Восток 2.0, или Сибиризация России.* М. 52 с.

Karaganov, S. A., Vukovich, N. A., Kozylov, I. S., Kolomina, A. M., Lyubitskaya, V. A., Oleinikov, I. V., Pyzhev, A. I., Svistula, I. A., Fartyshev, A. N. (2025). *Turn to the East 2.0, or Siberization of Russia.* Moscow. 52 p. (In Russ.)

Караганов, С. А., Козылов, И. С. (2025). Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России. *Россия в глобальной политике.* Т. 23. № 1. С. 221-229.

Karaganov, S. A., Kozylov, I. S. (2025). Eastern Turn 2.0, or “Siberianization” of Russia. *Russia in Global Affairs*. Vol. 23. No. 1. Pp. 221-229. (In Russ.)

Лексин, В., Швецов, А. (2000). Сибирь и Дальний Восток в социально-экономическом и политическом пространстве России. *Стратегия для России: повестка дня для президента-2000*. М.: Вагриус. С. 263-302.

Leksin, V., Shvetsov, A. (2000). Siberia and the Far East in the Socio-Economic and Political Space of Russia. *Strategy for Russia: Agenda for the President-2000*. Moscow. Pp. 263-302. (In Russ.)

Михеева, Н. Н. (2025). Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития. *Проблемы прогнозирования*. №4. С. 58-69.

Mikheeva, N. N. (2025). The Far East as a Model of a Geostrategic Region in the Strategy of Spatial Development. *Problems of Forecasting*. No. 4. Pp. 58-69. (In Russ.)

Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1. (2001). М. 73 с.

New development of Siberia and the Far East. Pt. 1. (2001). Moscow. 73 p. (In Russ.)

Ремнев, А. В. (2004). *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков*. Омск: Изд-во Омского государственного университета. 552 с

Remnev, A. V. (2004). *Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries*. Omsk. 552 p. (In Russ.)

Сибирь в составе Российской империи. (2007). М.: Новое литературное обозрение. 368 с.

Siberia as part of the Russian Empire. (2007). Moscow. 368 p. (In Russ.)

Стратегия для России: повестка дня для президента-2000. (2000). М.: Вагриус. 352 с.

Strategy for Russia: Agenda for the President-2000. (2000). Moscow. 352 p. (In Russ.)

Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Д. (2009). *Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией*. М.: Новое литературное обозрение. 421 с.

Schimmelpenninck van der Oye, D. (2009). *Towards the Rising Sun: How Imperial Mythmaking Led Russia to War with Japan*. Moscow. 421 p. (In Russ.)

Цымбурский, В. Л. (2007). *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 190 с.

Tsymbursky, V. L. (2007). *Island Russia. Geopolitical and Chronopolitical Works. 1993–2006*. Moscow. 190 p. (In Russ.)

Diez, J. (2019). Major Trends in Russian Geopolitics After 1991. *Politeja*. No. 5 (62). Pp. 141-160

Lo, B. (2020). *The Return: Russia and the Security Landscape of Northeast Asia*. Ifri. Nei. Reports. No. 29. March. 29 p.

Lo, B. and Hill, F. (2013). *Putin's Pivot: Why Russia is Looking East*. Brookings July 31.

Miller, Ch. (2021). *We Shall be Masters: Russian pivots to East Asia from Peter the Great to Putin*. Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press. 385 p.

Сведения об авторах / Information about the authors

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Хабаровск, e-mail: ead716008@gmail.com

Ярулин Илдус Файзрахманович – доктор политических наук, профессор, независимый исследователь, г. Хабаровск, e-mail: iarulin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 04.01.2026

После доработки: 08.02.2026

Принята к публикации: 24.02.2026

Demyanenko Aleksandr – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Independent scholar, Khabarovsk, e-mail: ad716008@gmail.com

Yarulin Ildus – Doctor of Political Sciences, Professor, Independent scholar, Khabarovsk, e-mail: iarulin@mail.ru

The paper was submitted: 04.01.2026

Received after reworking: 08.02.2026

Accepted for publication: 24.02.2026

УДК 316.354 + 323.2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
zamashka@yandex.ru

Аннотация. Исследованы особенности развития территориального общественного самоуправления в этнолокальных сообществах Республики Хакасия. Показано, что широкое распространение институт ТОС получил в районах с большей численностью хакасского населения. Он востребован как в крупных населенных пунктах с полиэтничными сообществами, так и в малых и средних населенных пунктах с моноэтническими сообществами.

Содержание деятельности хакасских ТОСов соответствует общей структуре деятельности ТОСов в других регионах. Ее основу составляют благоустройство территорий, строительство детских и спортивных площадок, деятельность, связанная с сохранением исторической памяти и патриотическим воспитанием. Сделан вывод о том, что такое содержание деятельности ТОСов репрезентирует консенсус, сложившийся в обществе относительно базовых ценностей, в качестве которых выступают сохранение человеческого потенциала и преемственность поколений.

Исследование показало, что этническая тематика постоянно присутствует в содержании деятельности ТОСов, но используется не в качестве самостоятельной, а в сочетании с другими, такими как культурно-массовая, культурно-просветительская, экологическая, краеведческая. Сделан вывод о том, что институт ТОС и шире институциональная организация местного самоуправления, частью которой он является, выступают значимыми факторами интеграции сообществ в единое социокультурное и цивилизационное пространство современной России.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление (ТОС), местные сообщества, моноэтнические сообщества, полиэтничные сообщества, Республика Хакасия.

Для цитирования: Зазулина, М. Р. (2026). Институциональная организация местного самоуправления как фактор интеграции российского цивилизационного пространства. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 58-76. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.58-76

INSTITUTIONAL ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A FACTOR OF INTEGRATION OF THE RUSSIAN CIVILIZATIONAL SPACE

M. R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
zamashka@yandex.ru

Abstract. The peculiarities of the development of territorial public self-government in the ethnocultural communities of the Republic of Khakassia are investigated. It is shown that the TPSG institute is most widespread in areas with the largest number of Khakass population. It is in demand both in large settlements with multiethnic communities and in small and medium-sized settlements with mono-ethnic communities. The content of the activities of the Khakass TPSG corresponds to the general structure of the TPSG activities in other regions. It is based on landscaping, construction of playgrounds and sports grounds, activities related to the preservation of historical

memory and patriotic education. It is concluded that such a content of CBT activities represents the consensus that has developed in society regarding the basic values, which are the preservation of human potential and the continuity of generations. The study showed that ethnic themes turn out to be a constant content of the activities of the Khakass TPSG, but they are not used as an independent topic, but in combination with others, such as mass culture, cultural and educational, environmental, and local history. It is concluded that the TPSG institute and, more broadly, the institutional organization of local self-government, of which it is a part, is a significant factor in the integration of communities into a single socio-cultural and civilizational space of modern Russia.

Keywords: territorial public self-government, TPSG, local communities, mono-ethnic communities, multi-ethnic communities, Republic of Khakassia.

For citation: Zazulina, M. R. (2026). Institutional Organization of Local Self-Government as a Factor of Integration of the Russian Civilizational Space. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 58-76. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.58-76

Введение

Признание цивилизационного многообразия в качестве одной из характерных черт современного мироустройства является константой политического и научного дискурсов последних десятилетий. Рассуждения о положении, которое современная Россия занимает в цивилизационном пространстве, предполагают две различные трактовки. Первая утверждает, что Россия включена в общее евразийское цивилизационное пространство, представляя собой значительную его часть и один из полюсов силы. Вторая точка зрения рассматривает Россию как отдельную цивилизацию, вплоть до наделения ее особым статусом государства-цивилизации. В связи с этим, исследователи делают вывод о формировании особого типа идентичности – цивилизационной, которая существует наряду с государственной и гражданской [Дробижева, 2017; Жаде, 2014; Иванов и др., 2025].

к отдельную цивилизацию, вплоть до наделения ее особым статусом государства-цивилизации. В связи с этим, исследователи делают вывод о формировании особого типа идентичности – цивилизационной, которая существует наряду с государственной и гражданской [Дробижева, 2017; Жаде, 2014; Иванов и др., 2025].

отдельную цивилизацию, вплоть до наделения ее особым статусом государства-цивилизации. В связи с этим, исследователи делают вывод о формировании особого типа идентичности – цивилизационной, которая существует наряду с государственной и гражданской [Дробижева, 2017; Жаде, 2014; Иванов и др., 2025].

Общим для двух перечисленных подходов является представление о российском цивилизационном пространстве как определенном интеграционном единстве, в основе которого лежит изначальное разнообразие составляющих его культур. В процессе интеграции народов в цивилизацию происходит выбор духовных констант, т. е. идей и ценностей, общих для разных культур, которые начинают определять общую цивилизационную идентичность. Таким образом, процесс интеграции различных культур внутри цивилизаций связан прежде всего с выбором общих аксиологических оснований. Интеграция в цивилизационном пространстве России может рассматриваться как процесс

выработки населяющими ее народами общих, разделяемых всеми аксиологических оснований, определяющих схожие стратегии развития и паттерны поведения при сохранении культурного и этнического многообразия.

Цивилизационная проблематика, рассмотренная в подобном ключе, делает актуальным анализ современных российских реалий с точки зрения их интегративного потенциала, а также выявления факторов и механизмов внутрицивилизационной интеграции.

Целью данной работы является анализ современной институциональной организации в сфере местного самоуправления в качестве фактора интеграции социокультурного пространства России и оценка его влияния на внутрицивилизационные процессы. На материале проведенных нами исследований мы продемонстрируем как институт территориально общественного самоуправления, который активно развивается в последние годы и является элементом институциональной организации местного самоуправления, способствует формированию у народов, населяющих Российскую Федерацию, общих ценностей и общих институтов, которые не только не нивелируют культурное многообразие, но способствуют его сохранению.

Для этого будут проанализированы особенности формирования института территориального общественного самоуправления в одном из национальных субъектов Российской Федерации (Республики Хакасия), и рассмотрены особенности использования этого института в населенных пунктах, являющихся местами компактного проживания представителей хакасского этноса.

Теоретически и методологически данное исследование продолжает наши исследования, начатые ранее в трех регионах РФ (Новосибирской области, Иркутской области и Республике Хакасия) в 2024–2025 гг. [Зазулина, 2025б], но предполагает взгляд на полученные данные с точки зрения цивилизационной проблематики и влияния территориального общественного самоуправления на жизнь этнолокальных сообществ.

ке Хакасия) в 2024–2025 гг. [Зазулина, 2025б], но предполагает взгляд на полученные данные с точки зрения цивилизационной проблематики и влияния территориального общественного самоуправления на жизнь этнолокальных сообществ.

Теоретическая рамка исследования

В теоретическом плане исследование опирается на положения неoinституциональной теории [Олсон, 1995; Норт 1997] и теории сопроизводства общественных благ [Ostrom et al., 1978; Ostrom, 1996]. Неoinституциональная теория исследует общественные процессы с точки зрения институтов, которые задают правила поведения агентов в социуме и соответственно определяют порядок социальных действий. Выделение институтов на разных уровнях анализа позволяет определить специфическую институциональную организацию или институциональный дизайн, который является результатом функционирования конкретного социального пространства-времени. Если институт рассматривать как набор правил, определяющих действия индивидов и групп,

то институциональная организация может рассматриваться как совокупность или комплекс таких правил, определяющая порядок действий индивидов в конкретной сфере общественной жизни [Нечаев, 2006; Зазулина, 2022б].

Институциональная организация местного самоуправления характеризуется постепенными изменениями в поле образующих его институтов. Сам институт местного самоуправления встраивается в вертикаль власти и унифицируется [Зазулина, 2022а], низовой уровень самоуправления упраздняется, а количество органов местного самоуправления сокращается. Новая институциональная организация закреплена Федеральным законом от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В то же время все большее функциональное значение начинают приобретать институты, имеющие вспомогательное значение. Именно они призваны заполнить лакуны, образовавшиеся между населением и местной властью после упразднения низового уровня самоуправления. Их существование поддерживается государством, которое закрепляет его в правовом поле в виде форм осуществления местного самоуправления, обеспечивает финансовой и организационной поддержкой, вокруг них начинает формироваться сеть дополнительных институтов (например, для осуществления поддержки территориального общественного самоуправления создаются ресурсные центры, лиги и ассоциации ТОСов различного уровня, грантовые фонды).

Такое обновление институциональной организации меняет поведение основных участников процесса – местных органов власти и местных сообществ. Перед местными сообществами открываются возможности для включения в процесс производства общественных благ, в котором они участвуют совместно с государством. Как правило, производимые блага связаны с решением проблем существования самих местных сообществ. В результате начинается процесс структурирования местных сообществ, выделения в них сообществ сублокального уровня, объединенных общей территорией проживания (от двора до квартала, района, улицы или села), а также выделение лидеров и групп активистов [Зазулина, 2025а]. Кроме этого, происходящий процесс имеет еще несколько эффектов, которые уже зафиксированы в исследованиях: увеличение политической лояльности населения [Шагалов, 2019], рост патриотических настроений [Зазулина, 2024], образование «мы-чувства» как основы территориальной идентичности, опирающейся на сходство жизненных условий и социальную однородность среды [Казакова, 2016].

Исследователи выделяют положительные и отрицательные эффекты от участия сообществ в процессе производства общественных благ. С одной стороны, такое участие повышает общую активность населения, доверие к властям и в конечном счете стимулирует проявление опции «голос». С другой стороны, исследования показывают, что допуск граждан к сопроизводству общественных благ как практике ограничен. Оно считается важным лишь постольку, поскольку восполняет провалы государственного управления, сокращает государственные расходы и ответственность [Ackerman, 2004; Gurgur, 2016].

Ситуация с сопроизводством общественных благ, складывающаяся в России, является особенно показательной. Участвовать в этом процессе, по большому счету, могут лишь структуры гражданского общества, пользующиеся поддержкой государства. Государство, со своей стороны, четко определяет содержание, объем благ и порядок их производства. Однако именно финансовая и организационная поддержка государства позволяет сообществам произвести по-настоящему важные блага, обладающие повышенной социальной значимостью для больших групп населения. Территориальное общественное самоуправление является одним из институтов, пользующихся государственной поддержкой. Самоорганизация граждан в ТОСы позволяет им быть включенными с процесс сопроизводства общественных благ и получать поддержку от государства для решения проблем местного значения. На сегодняшний день одним из основных механизмов поддержки со стороны государства оказывается финансирование деятельности ТОСов с помощью грантов. Именно грантовая деятельность оказывается ядром процесса по производству общественных благ, поскольку получаемая финансовая поддержка позволяет реализовать проекты, имеющие особое значение для местных сообществ.

В 2024–2025 гг. нами было проведено исследование деятельности ТОСов в трех регионах РФ (Новосибирской области, Иркутской области и Республике Хакасия) [Зазулина, 2025б]. Были изучены региональные особенности институциональной среды, в которой происходит формирование ТОСов, и проанализировано содержание их деятельности по сопроизводству общественных благ. Анализ региональных кейсов позволил понять общую ситуацию, в которой находятся локальные сообщества, и ту, в которой они оказываются, когда хотят получить помощь от государства на решение своих проблем, на что они могут рассчитывать и какие шаги должны для этого предпринимать.

Однако уровень анализа региональных кейсов не позволил однозначно выявить какую-либо этническую специфику в деятельности ТОС. Прежде всего, это объясняется малой долей этнического населения в обследованных регионах (даже в Республике Хакасия, образованной по национальному принципу, доля титульного этноса составляет 10%). В результате вся этническая проблематика, связанная с деятельностью ТОС, размывается за общими показателями.

В новом исследовании мы решили взять данные по уже исследованному ранее региону (Республике Хакасия), но проанализировать ситуацию на уровне муниципальных образований районного уровня и на уровне конкретных поселений в местах компактного проживания представителей хакасского этноса. Именно такой подход, на наш взгляд, позволит оценить, можно ли говорить о влиянии института территориального общественного самоуправления (и шире о влиянии всей институциональной организации в сфере местного самоуправления) на ситуацию в этнолокальных сообществах; каково это влияние и обладает ли институт ТОС потенциалом для усиления интеграционных процессов в цивилизационном и социокультурном пространстве современной России.

Методология и методика исследования

Методологически в данной работе совмещено два направления анализа. Во-первых, был осуществлен анализ сообществ Республики Хакасия с точки зрения их этнического состава. Прежде всего нас интересовали районы, являющиеся местами компактного расселения хакасского этноса, а также такие характеристики, как величина населенного пункта (численность проживающего населения), моно/полиэтничность, преобладающий этнос (в случае полиэтнического состава населения). В качестве основной базы исследования послужили данные Всероссийской переписи населения, проведенной в 2020 г. Мы проанализировали данные о национальном составе Республики Хакасия, взятые в разрезе муниципальных образований и населенных пунктов. Для дальнейшего анализа среди всех муниципальных образований верхнего уровня мы выбрали те, в которых: 1) хакасы проживают компактными группами; 2) доля представителей хакасского этноса среди населения этих районов является наиболее значительной. В результате ареал нашего исследования составили два муниципальных района: Аксизский, Таштыпский.

Во-вторых, мы проанализировали местные сообщества данных районов на предмет наличия у них территориального общественного самоуправления и особенностей деятельности этого института. Для этого была использована информация из официальных электронных ресурсов (сайта Правительства Республики Хакасия, сайтов администраций муниципальных районов и сельских поселений), местных СМИ и сетевых ресурсов местных сообществ и их объединений.

Этнический состав населения республики и особенности расселения хакасов

Республика Хакасия представляет собой субъект, образованный по национальному принципу. В качестве титульного этноса выступают хакасы, которые при этом не являются этническим большинством. Из 534795 чел., проживающих в Республике, 356325 чел. – русские (66,6 %), 55144 чел. – хакасы (10,3 %). Кроме этого, наиболее многочисленными этносами, проживающими на территории Республики, являются немцы, тувинцы, украинцы, татары. Также здесь компактно проживают шорцы, имеющие статус коренного малочисленного народа (1445 чел. или 0,27 %)¹.

Хакасы проживают компактными группами. В столице Хакасии, г. Абакан, проживает 25,9 % всех представителей хакасского этноса. Большинство хакасов предпочитают сельскую местность (в сельских районах Республики проживает 70,9 % всех хакасов). Из восьми районов, расположенных в сельской местности, лишь в двух (Боградском и Орджоникидзевском) численность хакасов незначительная. В каждом из остальных шести муниципальных районов число представителей хакасского этноса колеблется от 2151 до 21179 чел. (табл. 1).

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5: Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения по городским округам, муниципальным районам по Республике Хакасия. [Электронный ресурс]. Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 15.01.2026).

Основными районами проживания хакасов являются Аскизский (здесь проживают 38,4 % от всех представителей титульного этноса; это единственный район, где хакасы составляют большинство населения – 53,4 %) и Таштыпский (здесь проживают 11,9 % хакасов, составляющих 41,8 % населения района).

Таблица 1

Хакасы в этнической структуре населения Республики Хакасия²

Административно-территориальная единица	Все, чел.	Хакасы, чел.	Доля хакасов в общей численности населения в районах республики, %	Доля хакасов в общей численности этноса в республике, %
Республика Хакасия	534 795	55 144	10,3	100,0
Городской округ город Абакан	184 769	14 276	7,7	25,9
Городской округ город Абаза	12 272	238	1,9	0,4
Городской округ город Саяногорск	56 755	327	0,6	0,6
Городской округ город Сорск	11 023	424	3,8	0,8
Городской округ город Черногорск	78 111	762	1,0	1,4
Алтайский муниципальный район	24 000	2 198	9,2	4,0
Аскизский муниципальный район	39 651	21 179	53,4	38,4
Бейский муниципальный район	17 926	3 421	19,1	6,2
Боградский муниципальный район	11 497	182	1,6	0,3
Орджоникидзевский муниципальный район	10 114	682	6,7	1,2
Таштыпский муниципальный район	15 679	6 553	41,8	11,9
Усть-Абаканский муниципальный район	47 971	2 751	5,7	5,0
Ширинский муниципальный район	25 027	2 151	8,6	3,9

Территориальное общественное самоуправление в муниципальных районах республики: особенности распространения

Данные по распределению ТОСов в муниципальных образованиях Республики Хакасия показывают, что на 1 января 2025 г. здесь было зарегистрировано 241 территориальное общественное самоуправление (табл. 2). В сельских районах ТОСов больше, чем в городских (204 и 37 соответственно), в том числе больше ТОСов со статусом юридического лица (16 и 1 соответственно).

² Таблица составлена автором на основе данных: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5: Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения по городским округам, муниципальным районам по Республике Хакасия. [Электронный ресурс]. Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 15.01.2026).

Таблица 2

**Территориальное общественное самоуправление в Республике Хакасия
и ее муниципальных образованиях³**

Административно-территориальная единица	Кол-во ТОСов, ед.	ТОСы со статусом юрлица, ед.	Доля хакасов в общей численности населения в районах республики, %	Доля хакасов в общей численности этноса в республике, %
Республика Хакасия	241	17	10,3	100,0
Городской округ город Абакан	7	–	7,7	25,9
Городской округ город Абаза	5	1	1,9	0,4
Городской округ город Саяногорск	15	–	0,6	0,6
Городской округ город Сорск	1	–	3,8	0,8
Городской округ город Черногорск	9	–	1,0	1,4
Алтайский муниципальный район	12	2	9,2	4,0
Аскизский муниципальный район	90	4	53,4	38,4
Бейский муниципальный район	11	–	19,1	6,2
Боградский муниципальный район	11	1	1,6	0,3
Орджоникидзевский муниципальный район	20	–	6,7	1,2
Таштыпский муниципальный район	22	4	41,8	11,9
Усть-Абаканский муниципальный район	20	5	5,7	5,0
Ширинский муниципальный район	18	–	8,6	3,9

Бесспорным лидером по количеству ТОСов является Аскизский район, в котором функционируют 90 ТОСов, т. е. на территории этого района расположено почти 40 % всех ТОСов республики. На втором месте – Таштыпский район, в котором образованы 22 ТОСа. С одной стороны, большое количество сельских ТОСов по сравнению с городскими – это обычная ситуация, которая наблюдается во многих регионах России. Большое количество относительно небольших муниципальных образований в сельской местности способствует увеличению общего количества ТОСов. Но в данном случае лидерами по числу ТОСов оказываются районы, в которых хакасы составляют значительную часть населения или даже являются большинством. Подобная ситуация нуждается в более пристальном изучении.

Территориальное общественное самоуправление в Аскизском районе

В Аскизский район входит 14 поселений (3 городских и 11 сельских), включающих 64 населенных пункта. Из 64 населенных пунктов в 9 либо никто не проживает, либо их население составляет менее 10 чел. Поэтому мы исключили их из анализа. Наиболее

³ Таблица составлена автором на основе данных: Справочник органов территориального общественного самоуправления Республики Хакасия на 01.01.2025. Правительство Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru/society/5767/160332.html?ysclid=mipo2vfcqpq265000134> (дата обращения: 15.01.2026).

крупные населенные пункты – это поселки городского типа и центры сельских поселений. Именно здесь сконцентрирована большая часть русского населения. Хакасы проживают как в крупных населенных пунктах, так и населенных пунктах мелких (с численностью населения до 100 чел.) и средних (с численностью населения до 1000 чел.).

Из 55 населенных пунктов, попавших в нашу выборку, 40 мы отнесли к категории моноэтничные⁴, причем 38 – это населенные пункты с моноэтничным хакасским населением. Среди 15 населенных пунктов с полиэтничным населением (основными этносами в которых являются русские, хакасы и шорцы), в 7 хакасы являются численно преобладающим этносом. Таким образом, если говорить в целом, то в Аскизском районе большая часть местных сообществ представляют собой моноэтничные сообщества хакасов, либо сообщества с преобладанием хакасского населения. С точки зрения численности населения речь идет о мелких и средних населенных пунктах с численностью до 1000 чел. Более крупные населенные пункты, как правило, являются полиэтничными, но и в этом случае хакасы составляют значительную часть их населения.

ТОСы сформированы во всех муниципальных образованиях нижнего уровня, но не во всех населенных пунктах. В 43 населенных пунктах есть территориальное общественное самоуправление и в 21 этот институт не сформирован.

Населенные пункты, в которых есть ТОСы, различаются по этническому составу и по численности населения (табл. 3).

Таблица 3

**Населенные пункты Аскизского и Таштыпского районов,
в которых сформированы ТОСы, ед.**

Тип населенного пункта	Аскизский район	Таштыпский район
моноэтничные	29	3
в том числе:		
крупные	3	–
средние	14	2
малые	12	1
полиэтничные	14	8
в том числе:		
крупные	7	2
средние	2	5
малые	5	1
Всего	43	11

Очевидно, что если речь идет о крупном населенном пункте, то количество созданных ТОСов здесь может быть значительным. Так, почти во всех населенных пунктах, являющихся сельскими администрациями, а также во всех трех поселках городского типа

⁴ Поскольку «чистые» моноэтничные сообщества в современном мире найти достаточно сложно, в рамках данного исследования моноэтничными мы считаем сообщества, в которых доля этноса составляет более 85 % населения.

сформировано более одного ТОСа. Лидером является районный центр, с. Аскиз, с 14 ТОСами. Однако более 30 ТОСов района сформированы в мелких и средних населенных пунктах. Это означает, что данный институт востребован небольшими сообществами, удаленными от жизни «центров» любого масштаба. 29 населенных пунктов с ТОСами являются моноэтническими, из них 27 – моноэтническими с хакасским населением. В эту категорию попали населенные пункты с различной численностью населения: 12 из них – малые, 14 – средние и 3 – крупные. Еще 14 населенных пунктов – это полиэтнические сообщества, в которых в разном соотношении представлены русский, хакасский и шорский этносы. При этом в 6 населенных пунктах хакасы численно преобладают над другими этносами.

Описанная ситуация, с одной стороны, является следствием специфической структуры расселения, существующей в Аскизском районе, описанной нами выше. С другой стороны, очевидно, что институт ТОС востребован этнолокальными сообществами хакасов, он активно образуется в мелких и в средних населенных пунктах, где проживает почти исключительно хакаское население.

Большая часть ТОСов района не имеют статуса юридического лица, а значит, не могут участвовать в региональных или федеральных проектах. Зато могут рассчитывать на помощь местных администраций – районных и поселковых. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что именно активная позиция районной администрации в отношении территориального общественного самоуправления оказывается одним из факторов не только развития территориального общественного самоуправления районе, но и развития местных сообществ, которые в ходе этого процесса получают необходимую поддержку.

В районе действует муниципальная программа «Развитие территориального общественного самоуправления в Аскизском районе» (2020–2026 гг.). Осуществляет деятельность Координационный Совет по развитию территориального общественного самоуправления на территории Аскизского района Республики Хакасия, в который входят представители администрации, депутатского корпуса, общественных структур (общественная палата, совет ветеранов) и территориального общественного самоуправления. Ежегодно проводятся различные районные конкурсы, которые предполагают не только моральное, но и финансовое поощрение активистов ТОСов. («Лидер ТОС», «Лучшая местная администрация муниципального образования (поселения) Аскизского района по работе с территориальными общественным самоуправлением»), проводятся Фестиваль ТОС Аскизского района и Форум ТОС.

С 2020 г. в районе проводится конкурс «Лучший социально значимый проект органа территориального общественного самоуправления муниципального образования (поселения) Аскизского района». Участие в нем ежегодно принимают около трети всех ТОСов района, а победителями и получателями денежных средств на реализацию своих проектов ежегодно становятся 9 ТОСов. Показательным является выделение номинаций конкурса, т. е. тех направлений деятельности ТОСов, по которым осуществляется поддержка:

1. «Благоустройство дворовых территорий и общественных пространств».
2. «Установка спортивных, детских площадок, малых архитектурных форм».
3. «Мероприятия по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества».

Приведенная структура фиксирует все основные тренды в сфере совместного производства общественных благ между ТОСами и государством. В отдельную категорию выведено строительство детских и спортивных площадок. Несмотря на то, что формально такую деятельность можно отнести к деятельности по благоустройству территорий, детско-спортивные площадки представляют собой наиболее распространенный и востребованный тип деятельности ТОСов, и воспринимается он отдельно от других. В третьей номинации мероприятия оказываются соединены с темой патриотизма и патриотического воспитания, т. е. за счет выделения данного типа проектов в отдельную категорию патриотическая тематика остается постоянной темой деятельности и муниципальных властей, и ТОСов, и локальных сообществ.

Кроме этого, патриотическая направленность проектов может встречаться и в рамках первой номинации, т. е. среди проектов по благоустройству территорий. Например, в 2022 г. в рамках первой номинации был поддержан проект «Пусть журавли нашей Памяти оберегают будущее Земли», направленный на благоустройство общественных пространств и одновременно связанный с патриотическим воспитанием и сохранением коллективной памяти. Как мы видим, этническая тематика не является отдельной и не выносится в качестве особого вида деятельности. Но при этом проекты по благоустройству территорий, которые включают этническую компоненту, встречаются достаточно часто (например, в 2022 г. был поддержан проект по строительству гостевой юрты).

Описываемый нами пример распределения номинаций в районном конкурсе показывает, как в современном публичном пространстве соединяются различные тематики и дискурсы. Этническая тематика не выносится отдельным пунктом (в отличие от тематики патриотической), но может встраиваться в качестве одного из аспектов в деятельность этнолокальных сообществ по благоустройству территорий.

Статус юридического лица имеют 4 ТОСа в районе. Благодаря этому они могут принимать участие в республиканском конкурсе по предоставлению грантов в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений Республики Хакасия и претендовать на значительное по объему грантовое финансирование.

Два ТОСа со статусом юридического лица представляют совсем небольшие населенные пункты с моноэтническим хакасским населением не более 50 чел. Оба эти ТОСа выиграли по одному региональному гранту в 2022 г. ТОС «Сартак» Есинского сельсовета занимался строительством Центра экологического просвещения молодежи. Для этого была построена юрта для проведения мастер-классов, семинаров и общения. Таким образом, проект одновременно касался благоустройства территории села и совмещал экологическую и этнокультурную тематики. ТОС «Сафьянов» Усть-Камыштинского сельсовета занимался обустройством «дикого пляжа» и облагораживанием береговой линии вблизи своего населенного пункта. Кроме этого, в том же 2022 г. ТОС «Сафьянов» благодаря статусу юридического лица получил грант Министерства экономического развития Республики Хакасия. Проект направлен на развитие доступной туристской среды для людей с ограниченными возможностями здоровья. Была установлена войлочная юрта и разработана программа мероприятий с этнической тематикой. Еще два ТОСа образованы в крупных населенных пунктах (сельских администрациях) с полиэтническим населением

и преобладанием представителей русского этноса. ТОС «Бельтирское-Заречье» Бельтирского сельсовета получил гранты в 2020 и 2022 гг., на которые была построена детская площадка. ТОС «Крестьянская жизнь» Балыксинского сельсовета получил возможность построить спортивно-игровую площадку для всех жителей села.

Таким образом, кейс Аскизского района демонстрирует, что институт ТОС востребован среди представителей хакасского этноса. В том числе, он востребован в небольших по размеру моноэтнических сообществах, проживающих в населенных пунктах с численностью населения до 100 и до 1000 чел.

Территориальное общественное самоуправление в Таштыпском районе

Таштыпский район включает 8 сельсоветов и 32 населенных пункта. По причине малой численности населения из анализа мы исключили три. 40 % населения района проживает в районном центре – с. Таштып (6834 чел., из которых 67 % русские и 33 % хакасы). Все остальные населенные пункты значительно уступают Таштыпу по численности населения, даже самые крупные центры сельских поселений насчитывают чуть более 1000 чел. населения, но при этом являются полиэтничными.

Из 29 населенных пунктов района, попавших в выборку, лишь 10 являются моноэтническими (9 из них – хакасские и 1 – русское) – это малые и средние населенные пункты. Две трети населенных пунктов являются полиэтничными и во многих из них доли русского и хакасского этноса оказываются относительно равны, либо хакасы преобладают незначительно. В целом, в Таштыпском районе населенные пункты меньше по численности, а их население более этнически смешано.

В районе функционируют 22 ТОСа, из которых 10 образованы в райцентре. Всего ТОСы образованы в 11 населенных пунктах. Лишь 3 населенных пункта с ТОСами являются моноэтническими, в том числе 2 из них – с моноэтническим хакасским населением и 1 – с русским. Из 8 полиэтничных поселений лишь в 3 преобладают хакасы, но незначительно. Как правило, хакасы почти в равном соотношении соседствуют с русскими и с шорцами (табл. 3). Таким образом, если в Аскизском районе ТОСы создаются в моноэтнических сообществах, проживающих в средних и мелких населенных пунктах, то в Таштыпском районе ТОСы формируются в полиэтничных сообществах среднего и крупного размера.

Сама институциональная среда, в которой существуют ТОСы района, имеет специфические черты. На уровне района также проводятся мероприятия, направленные на поддержку ТОСов, такие как Фестиваль районных ТОСов, Форум ТОС и различные конкурсы («Лидер ТОС», «Лучший социально-значимый проект территориального общественного самоуправления»). При этом суммы финансирования при поддержке проектов ТОСов оказываются гораздо более скромными и составляют, как правило, от 5 до 20 тыс. руб.

В такой ситуации основными партнерами по взаимодействию с ТОСами оказываются поселковые администрации. В районе отсутствует отдельная муниципальная программа по поддержке территориального самоуправления. Зато такие программы приняты на уровне

сельсоветов. Некоторые сельские муниципалитеты выделяют средства из бюджета на финансирование своих ТОСов. В результате существует система конкурсов не районного, а поселкового уровня. Прежде всего, речь идет о Таштыпском сельсовете, т. е. о самом районном центре. Помимо того, что в этом населенном пункте проживает более трети населения района, здесь также осуществляют свою деятельность половина всех районных ТОСов. В сельсовете создан собственный координационный совет по развитию ТОСов, в состав которого входят глава, куратор и председатели всех ТОСов. И налажено плотное взаимодействие между территориальным самоуправлением и местной властью. С одной стороны, поселковая администрация привлекает ТОСы к решению всех проблем села, получая таким образом ресурс общественной поддержки. С другой стороны, местные депутаты курируют деятельность ТОСов, обеспечивая их административным ресурсом.

По нашему мнению, сложившаяся ситуация является как раз следствием слабости районной администрации, которая не может (не обладает возможностями) проводить последовательную политику взаимодействия с районными ТОСами. В результате ТОСы начинают развиваться лишь в тех сообществах, где институциональная среда наиболее подготовлена: готовы оказать помощь сельские депутаты и администрации, есть свободные ресурсы у местного бизнеса, есть лидеры, вокруг которых сообщество готово сплотиться. Но такой «очаговый» и ситуативный характер развития ТОСов приводит к тому, что во многих сообществах ТОСы не формируются.

Приоритеты в деятельности районных ТОСов остаются стандартными: прежде всего, обустраиваются детские и спортивные площадки, производится реставрация мест памяти и благоустраивается общественное пространство вокруг них.

Большая часть ТОСов района не имеет статуса юридического лица, а все ТОСы с таким статусом расположены в с. Таштып. Ранее подобным статусом обладал также ТОС «Верхний Курлугаш» из Нижнесирского сельсовета (данный ТОС создан в населенном пункте с численностью населения до 100 чел. и демонстрирует пример результатов деятельности небольшого, но активного сообщества). В период с 2019 по 2023 гг. упомянутые ТОСы двенадцать раз получали гранты республиканского конкурса. На полученные деньги в с. Таштып были обустроены детская и спортивная площадки, реконструирована площадь у фонтана в центре села, отреставрирована ограда памятника, установлено освещение и таблички на домах, озеленена территория. В с. Верхний Курлугаш был восстановлен родник и сделана автомобильная дорога к нему, установлена спортивная площадка, приобретены сценические костюмы.

Приведенные данные показывают, что в Таштыпском районе институт ТОС распространен менее, чем в Аскизском. Можно предположить, что связано это с меньшей поддержкой ТОСов на уровне района (в силу его меньшей финансовой обеспеченности). В результате территориальное общественное самоуправление развивается в тех сообществах, где помощь ему могут оказать поселковые администрации и местный бизнес. При этом уровень развития ТОСов в Таштыпском районе по сравнению с другими районами является достаточно высоким. Несмотря на то, что большинство ТОСов создаются в полиэтничных сообществах, этническая тематика оказывается постоянным содержанием деятельности ТОСов.

Использование потенциала ТОС в этнолокальных сообществах обследованных районов

Картина использования ТОСов этнолокальными сообществами в обследованных районах была бы не полной без анализа той части сообществ и населенных пунктов, в которых ТОСы на данный момент пока не созданы. Именно это позволит оценить, насколько популярен этот институт и насколько задействован его потенциал.

В обоих районах есть достаточное количество населенных пунктов, в том числе моноэтнических с хакасским населением, в которых территориальное общественное самоуправление не создано. Анализ таких населенных пунктов представлен в таблице 4.

Таблица 4

Населенные пункты Аскизского и Таштыпского районов, в которых не сформированы ТОСы, ед.

Тип населенного пункта	Аскизский район, ед.	Таштыпский район, ед.
моноэтнические	11	7
в том числе:		
крупные	1	–
средние	6	4
малые	4	3
полиэтнические	1	11
в том числе:		
крупные	–	2
средние	–	6
малые	1	3
Всего	12	18

В Аскизском районе сообщества без ТОСов – это моноэтнические сообщества, проживающие в мелких и средних населенных пунктах. Полная картина выглядит таким образом, что в районе большая часть моноэтнических сообществ самоорганизовались в ТОСы, но около четверти всех моноэтнических сообществ пока не создают территориальное общественное самоуправление.

В Таштыпском районе большая часть сообществ независимо от этнического состава не сформировали ТОСы на своей территории. ТОСы существуют лишь в 30 % моноэтнических и в 42 % полиэтнических сообществ.

Приведенные данные показывают, что этничность сама по себе, взятая вне совокупности других факторов, не может оказать влияния на развитие института ТОС. Без поддержки властей, без финансирования, без лидеров, вокруг которых готово сплотиться сообщество, этническая принадлежность и компактное проживание не приведут к развитию этого института. Но при наличии упомянутых факторов этнолокальные сообщества будут активнее использовать институт ТОС и включать этническую тематику в содержание своей деятельности. Важность этнической тематики для этнолокальных сообществ косвенным

образом может быть оценена на примере анализа употребления хакасского языка в названиях ТОСов. В Аскизском районе из 34 ТОСов, образованных в населенных пунктах с моноэтническим хакасским населением, лишь 6 используют русские названия, у 8 названия ТОСов повторяют название населенного пункта, а 20 ТОСов носят названия на хакасском языке.

В целом проведенные исследования показывают, что уровень развития ТОСов в обследованных районах является достаточно высоким. Но потенциал этого института используется не в полной мере. Связано это с такими факторами, как недостаточное финансирование и низкая активность на уровне самих локальных сообществ.

Выводы

Кейс республики Хакасия демонстрирует, что этнолокальные сообщества хакасов активно используют институт ТОС для решения своих проблем. В двух районах республики – Аскизском и Таштыпском, в которых численность хакасов максимальна, образовано наибольшее количество ТОСов. Проведенный анализ показал, что территориальное общественное самоуправление востребовано как в крупных полиэтничных сообществах, являющихся центрами сельских поселений, так и в населенных пунктах мелкого и среднего размера, в которых проживают моноэтнические сообщества хакасов.

В то же время потенциал ТОСов в обследованных районах не использован до конца, в целом ряде моно и полиэтничных поселков институт ТОС пока не сформирован. Связано это не столько с этническим фактором, сколько с отсутствием достаточного финансирования территориального общественного самоуправления, проблемами во взаимодействии с местными властями и низкой активностью местных сообществ.

Содержание деятельности ТОСов в местах компактного проживания этнолокальных сообществ в целом совпадает с содержанием деятельности этого института, зафиксированным нами в других регионах России. Прежде всего, это деятельность по благоустройству территорий в местах проживания сообществ. Отдельной и значимой сферой деятельности оказывается строительство детских и спортивных площадок. И наконец, обязательным содержанием деятельности ТОСов оказываются проекты, связанные с сохранением исторической памяти и воспитанием патриотизма.

Мы можем интерпретировать наблюдаемые явления с точки зрения их влияния на интеграционные процессы в социокультурном и цивилизационном пространстве современного российского общества. Включение ТОСов в совместную с государством деятельность по производству общественных благ по сути дела представляет собой результат сложившегося в современном российском обществе консенсуса. Это консенсус, с одной стороны, между обществом и государством, а с другой стороны – между различными группами в обществе. Он касается общих для всех представлений о том, какая деятельность является необходимой и общественно полезной. В основе его лежит вырабатываемая в процессе жизнедеятельности система ценностей и аксиологических констант, общая для всех народов и социальных групп в социокультурном пространстве российского общества.

В деятельности современного территориального общественного самоуправления оказываются репрезентированы отдельные аспекты этой системы ценностей. С социально-философской точки зрения речь идет, прежде всего, о сохранении человеческого и демографического потенциала российского общества и об обязательной преемственности поколений на основе памяти об общем великом прошлом и формировании чувства патриотизма. Именно с такой точки зрения может быть осмыслена деятельность современных ТОСов с их абсолютно практическими проектами по обустройству скверов или придомовых территорий, установке детских и спортивных площадок и реставрации памятников. Общая для всего российского общества система ценностей выступает фактором, обуславливающим общее содержание деятельности территориального общественного самоуправления и во многом нивелирующим региональные различия.

Наше исследование позволило на примере хакасского кейса показать, какое место занимает этническая проблематика в современной структуре ценностей и в сложившемся общественном консенсусе. Она оказывается значимой на региональном уровне (что прослеживается в финансовой поддержке проектов с этнокультурным содержанием), а также на муниципальном и локальном уровнях (что прослеживается в практике называния ТОСов на родном языке, распространенной в моноэтнических сообществах, а также в культурно-массовой деятельности ТОСов).

При этом этническая тематика не существует как отдельное и самостоятельное направление деятельности (и в этом ее отличие от патриотической тематики). Но проекты любой направленности, из тех, что были описаны выше, могут включать в себя этнический компонент в качестве дополнительного. Исследование показало, что этническая тематика оказывается постоянным содержанием деятельности хакасских ТОСов, но используется не в качестве самостоятельной, а в сочетании с другими компонентами. Чаще всего она встречается в культурно-массовых, культурно-просветительских, экологических, краеведческих проектах.

Таким образом, современный институт ТОС устроен таким образом, что в рамках его деятельности одновременно осуществляются практики, репрезентирующие общие для всего российского общества ценности, и практики, способствующие сохранению уникальной этнической составляющей.

Список литературы / References

Дробижева, Л. М. (2017). Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов. *Социологические исследования*. № 1 (393). С. 26-36.

Drobizheva L.M. (2017) All-Russian Identity and Interethnic Accord as a Reflection of The Consolidation Processes in Russian Society. *Sociological Research*. No. 1(393). Pp. 26-36. (In Russ.)

Жаде, З. А. (2014). Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире. *Власть*. № 4. С. 53-58.

Zhade, Z. A. (2014) Russian Civilizational Identity in a Changing World. *The Authority*. No. 4. Pp. 53-58. (In Russ.)

Зазулина, М. Р. (2022a). Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. Т. 7. № 3(25). С. 275-284. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284.

Zazulina, M. R. (2022a). Integrating into the System: Local Self-Government in the Context of the New Federal Reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*. Vol. 7. No. 3 (25). Pp. 275-284. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284. (In Russ.)

Зазулина, М. Р. (2022b). Институциональный минимализм как тренд развития местного самоуправления в современной России. *Сибирский философский журнал*. Т. 20. № 2. С. 127-142. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-2-127-142.

Zazulina, M. R. (2022b). Institutional Minimalism as a Trend in the Development of Local Self-Government in Modern Russia. *The Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 20. No. 2. Pp. 127-142. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-2-127-142. (In Russ.)

Зазулина, М. Р. (2024). Местные сообщества в условиях сопроизводства общественных благ (на примере деятельности ТОС Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 86-100. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.86-100.

Zazulina, M. R. (2024). Local Communities in the Context of Co-Production of Public Goods (Using the Example of TPSG Activities in the Novosibirsk Region). *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 86-100. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.86-100. (In Russ.)

Зазулина, М. Р. (2025a). Институт ТОС в практиках самоорганизации локальных и сублокальных сообществ (кейс г. Бердска Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 41-61. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.41-61.

Zazulina, M. R. (2025a). Institute of TPSG in the Practices of Self-Organization of Local and Sublocal Communities (Case Study of Berdsk, Novosibirsk Region). *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 41-61. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.41-61. (In Russ.)

Зазулина, М. Р. (2025b). Территориальное общественное самоуправление в условиях сопроизводства общественных благ: региональные кейсы. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 117-137. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.117-137.

Zazulina, M. R. (2025b). Local Communities in the Context of Co-production of Public Goods: Regional Cases. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 117-137. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.117-137. (In Russ.)

Иванов, А. В., Попков, Ю. В., Фотиева, И. В., Артамонова, Т. А., Шишин, М. Ю. (2025). *Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)*. Барнаул.

Ivanov, A. V., Popkov, Yu. V., Fotieva, I. V., Artamonova, T. A., Shishin, M. Yu. (2025). *Russia in the Middle of Spaces and Times (the Experience of a Synthetic Civilizational approach)*. Barnaul. (In Russ.)

Казакова, А. (2016). Источники «мы-чувства» в самоорганизации локальных сообществ. *Самоуправление*. № 1 (95). С. 11-13.

Kazakova, A. (2016). Sources of the “We-Feeling” in the Self-Organisation of Local Communities. *Self-Government*. No. 1 (95). Pp. 11-13. (In Russ.)

Нечаев, В. Д. (2006). Основные тенденции в институциональной организации местного самоуправления в современной России. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. № 4. С. 22-44.

Nechaev, V. D. (2006). The Main Trends in the Institutional Organization of Local Self-Government in Modern Russia. *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. No. 4. Pp. 22-44. (In Russ.)

Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.

Nort, D. (1997). *Institutions, Institutional Changes and Economic Performance*. Moscow. (In Russ.)

Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.

Olson, M. (1995). *Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Moscow. (In Russ.)

Шагалов, И. Л. (2019). Эффекты сопроизводства социальной инфраструктуры местными сообществами в России. *ЭКО*. № 4 (538). С. 153-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-153-172.

Shagalov, I. L. (2019). The Effects of Co-production of the Social Infrastructure in Russia. *ECO*. No. 4 (538). Pp. 153-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-153-172. (In Russ.)

Ackerman, J. (2004). Co-Governance for Accountability: Beyond “Exit” and “Voice”. *World Development*. Vol. 32. No. 3. Pp. 447-463.

Gurgur, T. (2016). Voice, Exit and Local Capture in Public Provision of Private Goods. *Economics of Governance*. No. 17. Iss. 4. Pp. 397-424.

Ostrom, E., Parks, R. B. & Whitaker, G. P. (1978). *Patterns of Metropolitan Policing*. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Co.

Ostrom, E. (1996). Crossing the Great Divide: Coproduction, Synergy, and Development. *World Development*. Vol. 24. No. 6. Pp. 1073-1087.

Сведения об авторе / Information about the author

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2026

После доработки: 02.03.2026

Принята к публикации: 11.02.2026

Zazulina Maria – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>.

The paper was submitted: 14.02.2026

Received after reworking: 02.03.2026

Accepted for publication: 11.02.2026

УДК 316.3(571.56)

**МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ИНДИКАТОРЫ И ИНДЕКСЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ))***

Е. Г. Маклашова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)
maklashova@mail.ru

Аннотация. Исследование направлено на выявление устойчивости модели межэтнического согласия в полиэтничной Республике Саха (Якутия) под воздействием современных вызовов. Целью стало измерение и анализ динамики данного феномена с разработкой интегрального индекса. Теоретической основой выступил синтез подходов консоционализма, теории социального взаимодействия и концепции множественной идентичности. Эмпирическая база – два количественных социологических исследования (2012–2013 и 2024–2025 гг., n=2286). Методология включает сравнительный анализ и построение индекса межэтнического согласия (ИМЭС) методами факторного анализа. Сделан вывод, что общая стабильность в регионе сохраняется, но динамика противоречива: улучшение на микроуровне сочетается с поляризацией восприятия на страновом уровне. ИМЭС выявил значимую вариацию: наиболее высокий уровень согласия у якутов и коренных малочисленных народов Севера, наиболее низкий – у русских; обнаружены существенные различия между типами поселений и географическими зонами. Установлена устойчивость плюралистической модели идентичности.

Ключевые слова: межэтническое согласие, полиэтничное общество, Республика Саха (Якутия), индекс, консоционализм, множественная идентичность, социологическое исследование, динамика.

Для цитирования: Маклашова, Е. Г. (2026). Межэтническое согласие в полиэтничном сообществе: индикаторы и индексы (на материалах социологических исследований в Республике Саха (Якутия)). *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 77-92. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.77-92

**INTERETHNIC HARMONY
IN A MULTIETHNIC COMMUNITY: INDICATORS AND INDEXES
(BASED ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH
IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))***

E. G. Maklashova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Yakutsk)
maklashova@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках Госзадания № 075-00619-26-00 (проект НИР № FWRS-2024-0063).

* The study was carried out within the framework of State Task No. 075-00619-26-00 (research project No. FWRS-2024-0063).

Abstract. The study aims to identify the resilience of the model of interethnic harmony in the multiethnic Republic of Sakha (Yakutia) under modern challenges. The goal was to measure and analyze the dynamics of this phenomenon by developing an integral index. The theoretical framework is based on a synthesis of consociationalism, social interaction theory, and the concept of multiple identities. The empirical base consists of two waves of quantitative sociological surveys (2012–2013 and 2024–2025, n =2286). The methodology includes comparative analysis and the construction of an Index of Interethnic Harmony (ИИ) using factor analysis methods. Overall stability in the region persists, but the dynamics are contradictory: improvement at the micro-level is combined with a polarization of perceptions at the federal level. The ИИ revealed significant variation: the highest level of harmony is among Yakuts and Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, the lowest among Russians; significant differences were found between types of settlements and geographical zones. The stability of a pluralistic model of identity has been confirmed.

Keywords: interethnic harmony, multiethnic society, Republic of Sakha (Yakutia), index, consociationalism, multiple identity, sociological research, dynamics.

For citation: Maklashova, E. G. (2026). Interethnic Harmony in a Multiethnic Community: Indicators and Indexes (Based on the Materials of Sociological Research in the Republic of Sakha (Yakutia)). *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 77-92. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.77-92

Актуальность и проблема исследования. Межэтническое согласие является фундаментальной основой развития российского общества и пристальное внимание ученых к проблеме взаимодействия разных этнических групп в условиях политики полиэтничности и многоязычности – закономерное явление, имеющее и практическую, и научную задачу. В рамках данной статьи мы обращаемся к практике регулирования межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия).

Республика Саха (Якутия) обладает специфичным этносоциальным ландшафтом, который, будучи уникальным в деталях, тем не менее характерно отражает особенность современной многокультурной и многоязычной России. Крупнейший по территории субъект Федерации, обладающий значительным природно-ресурсным потенциалом и геостратегическим значением, Якутия исторически сформировалась как полиэтничное сообщество, где проживают представители разных этнических сообществ (народов), являющихся коренными для России, и те, что именуются как «этнические меньшинства» в силу обладания ими своими суверенными территориями за пределами России, и /или исторические территории расселения которых находятся за пределами России. Ключевыми из них, в том числе на основе численности и исторического значения, являются якуты (саха), русские и этнические сообщества, обозначаемые как коренные малочисленные народы Севера (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи). Существующий демографический баланс между якутами (по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. от указавших национальную принадлежность – 55,3 %), русскими (32,6 %), коренными малочисленными народами Севера (4,9 %) создает сложную и чувствительную к внешним воздействиям систему межгрупповых отношений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью мониторинга и научного осмысления социальных процессов, обеспечивающих стабильность в столь значимом регионе. Межэтническое согласие является фундаментальным условием его социально-экономического развития и национальной безопасности страны. При внешнем благополучии в обществе присутствуют латентные проблемы, требующие социологических исследований: влияние новых миграционных потоков, трансформация этнокультурных идентичностей в условиях глобализации, роль цифровых медиа в формировании образа многокультурной России, а также риски

экстернализации общефедеральных и глобальных конфликтов на местную почву. Проблема исследования заключается в выявлении устойчивости и изменчивости феномена межэтнического согласия в РС(Я) под воздействием современных вызовов.

Теоретические основы исследования. Теоретический каркас исследования выстроен на синтезе основных подходов, используемых в социальных и политических науках, поскольку проблема межнационального согласия составляет и значимую основу политической стабильности государства.

Теория консоциализма (сообщественной демократии) А. Лейпхарта [1997] разработана для анализа *deeply divided societies* (глубоко разделенных обществ) и предполагает, что стабильность в полиэтнических государствах достигается не через ассимиляцию, а через институциональное закрепление баланса интересов ключевых этнических групп. Его принципы (коалиция элит, взаимное вето, пропорциональность представительства, автономия общин) являются одной из значимых аналитических призм для изучения практики Якутии. Стоит отметить, что в Якутии сложилась неформальная система распределения властных полномочий, что позволяет говорить об *elements of consociationalism* (элементах консоциализма), а также о системе поликультурности при некоторой культурной автономности, прежде всего русской и якутской общин.

Теория социального взаимодействия, межэтнического взаимодействия с фокусом на закономерностях, проблемах и условиях взаимодействия между различными этническими группами. Такой ракурс позволяет проанализировать восприятия себя и другого через призму принадлежности к этнической группе, понять межгрупповое взаимодействие через сложившиеся социально-политический и исторический контексты такой практики [Абрамова, 2016]. Анализ социальных основ межэтнической напряженности, проблем толерантности и интеграции в полиэтническом обществе России разрабатывались Л. М. Дробижевой и ее группой ученых-сотрудников ИС РАН [Дробижева, 2002; Дробижева, 2003; Щеголькова, 2025].

Концепция множественной идентичности. В рамках данного подхода индивид совмещает принадлежность к политической нации («россиянин») с этнокультурной идентичностью («якут», «русский», «эвенк» и т. д.) [Арутюнова, Кузнецов 2025; Арутюнова, 2025; Попков, 2025]. Иерархия этих идентичностей и их взаимодополняемость или конфликтность являются ключевым индикатором состояния межэтнических отношений, стабильности полиэтнического сообщества.

Таким образом, межэтническое согласие в контексте данного исследования понимается как устойчивое состояние полиэтнического общества, характеризующееся низким уровнем конфликтности между группами, прежде всего на основе восприятия баланса сложившейся межгрупповой коммуникации при функционировании баланса идентичностей, не создающего конфликта между гражданской и этнической самоидентификацией, а также наличием эффективных институтов для поддержки полиэтничности, поликультурности, многоязычия и урегулирования возникающих противоречий.

Методология и методы исследования. Эмпирическую базу статьи составили данные авторских количественных социологических исследований, проведенных в Республике Саха (Якутия) за период 2012–2024 гг., в том числе выполненных в рамках государственного задания.

1) проект «Этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия)» (авторы Е. Г. Маклашова, О. В. Васильева) с социологическим исследованием, проведенным в 2012–2013 гг. (далее КСИ 2012–2013 гг.). Выборочная совокупность: 968 чел. География исследования: гг. Нерюнгри (n=199), Якутск (n=296), Олекминск (n=152); районы РС(Я): Аллаиховский (n=107), Анабарский (n=112), Усть-Янский (n=102);

2) проект «Социальное самочувствие и стратегии адаптации населения Республики Саха (Якутия) в условиях трансформации российского общества: индикаторы, факторы, динамика» (авторы: Е. Г. Маклашова, И. И. Подойницына, В. Е. Охлопков, О. В. Васильева, А. Г. Томаска, А. Е. Захарова, С. М. Баишева, Н. А. Аргылов, Ю. Г. Степанова) с социологическим исследованием, проведенным в 2024–2025 гг. (далее КСИ 2024–2025 гг.). Выборочная совокупность: 1318 респондентов (доверительная вероятность 97 %). Выборка квотная, половозрастная от 15 лет и старше, районированная по пяти социо-природно-хозяйственно-административным зонам Якутии. Распределение по полу: 45,2 % – мужчины, 54,8 % – женщины; по возрасту: 8,0 % – 15–19 лет, 10,5 % – 20–24 года, 10,3 % – 25–29 лет, 11,5 % – 30–34 года, 12,4 % – 35–39 лет, 10,4 % – 40–44 года, 9,7 % – 45–49 лет, 7,1 % – 50–54 года, 6,0 % – 55–59 лет, 5,9 % – 60–64 года, 4,0 % – 65–69 лет, 4,2 % – 70 и старше.

Во всех проектах использовался стандартизированный массовый анкетный опрос населения. Ввод и компьютерная обработка анкетных данных по проектам производились в программе SPSS. Для проекта 1 выборка половозрастная, репрезентирующая взрослое население Республики Саха (Якутия) с акцентом представительства городского и сельского населения пяти зон (модельный подход), сбор данных методом «face-to-face». Для проекта 2 использовалась многоступенчатая выборка, репрезентирующая зональный, поселенческий и половозрастной срез населения с опросом по смешанной процедуре проведения «полевых» исследований: интернет-опрос (онлайн опрос); классический опрос «face-to-face»; опрос с привлечением «общественных корреспондентов».

Этнический срез традиционно представляется в отношении пяти категорий: русские, якуты (саха), коренные малочисленные народы Севера (пять этнических групп), другие (респонденты, выбравшие иные национальности, за исключением первых трех групп), смешанные (респонденты, указавшие смешанное происхождение и/или несколько национальностей).

Динамика межэтнического согласия. Межэтническое согласие рассматривается как индикатор устойчивости полиэтнического сообщества, который диагностируется нами на основе используемой теоретической рамки, через такие параметры: 1) восприятие межгрупповой коммуникации; 2) функционирование баланса идентичностей, не создающего конфликта идентичности; 3) эффективность институтов и государственной политики для поддержки устойчивости полиэтничности и урегулирования возникающих противоречий.

Данные табл. 1 показывают, что восприятие межнациональных отношений населением Якутии варьируется в зависимости от частоты взаимодействия и вовлеченности в коммуникационное пространство, формируя спектр оценок с центром в зоне «стабильно» – «благоприятно»:

- 1) благоприятное восприятие отношений на уровне трудового коллектива;
- 2) стабильная оценка пространства коммуникации на уровне взаимодействия в рамках пункта проживания и региона;
- 3) чаще неблагоприятный тренд к оценке ситуации на уровне России.

Таблица 1

Динамика оценки межнациональных отношений (мнение населения Якутии), в %

Уровень коммуникации	Годы исследования	Благоприятное	Стабильное	Неблагоприятное	Затрудняюсь ответить
в Вашем трудовом коллективе	2024–2025	50,3	39,5	5,3	4,9
	2013–2014	47,1	41,2	4,5	7,2
в населенном пункте, где Вы живете	2024–2025	37,3	51,6	7,2	3,9
	2013–2014	29,9	53,3	10,9	5,9
в Якутии	2024–2025	23,6	50,4	16,7	9,3
	2013–2014	19,6	46,3	21,0	13,1
в России	2024–2025	15,0	31,0	39,0	15,0
	2013–2014	10,3	33,0	37,9	18,8

При этом в рамках динамики изменений оценок мы отмечаем, что сохраняется стабильность показателей оценок межнациональных отношений на всех четырех уровнях взаимодействия с трендом к росту благоприятных оценок в среднем +4 п. п.; наблюдается и сохраняется взаимосвязь между увеличением частоты позитивных оценок с сокращением коммуникационной дистанции, прежде всего путем усиления частоты коммуникационных связей в пространстве.

Проанализируем оценки состояния межэтнической сферы в Якутии в разрезе этнических групп. Взаимодействие в рамках трудового коллектива – это коммуникационное пространство наибольшего согласия с трендом к его росту. Улучшения в оценках наблюдаются среди ключевых этнических групп населения: группа «русские» – +4,7 п. п. (49,5 %), якуты – +3,5 п. п. (52,8 %), коренные малочисленные народы Севера – +4,1 п. п. (46,0 %). Для них рабочее место стало более комфортным. Однако этнический срез показывает и негативные тренды: группа «другие» за десятилетний период пересмотрела свое мнение в негативную сторону, и показатель благоприятных оценок снизился на 9,1 п. п., составив 37,7 % против 46,8 % в рамках КСИ 2013–2014 гг. Для них трудовой коллектив из дружественной среды превращается в проблемную.

В рамках пространства населенного пункта проживания респондентов также формируется комфортное пространство. Общая динамика: резкий рост благоприятных оценок (+7,4 п. п.) и снижение неблагоприятных (-3,7 п. п.). Это самое значимое позитивное изменение среди всех анализируемых сред. Этнический срез также показывает высокий рост благоприятных оценок в трех ключевых группах. Наибольший прогресс роста благоприятных оценок +13,2 п. п. – у русских, далее +8,6 п. п. – у коренных малочисленных народов Севера и +7,6 п. п. – у якутов, 40,3 %, 37,4 и 38,9 %, соответственно. Группа «другие» не продемонстрировала лояльность коммуникационному полю в рамках населенного пункта, и показатель благоприятных оценок вновь является аутсайдером. Группа «другие» зафиксировала самый высокий уровень неблагоприятных оценок (21,2 %) в этом пространстве взаимодействия. В целом повседневное взаимодействие значительно улучшилось для всех, что говорит об успешной практике межэтнического сосуществования в быту. Однако группа «другие» по-прежнему чувствует себя наименее защищенной.

В рамках пространства всей Якутии сохраняется настороженная стабильность. Русские и якуты демонстрируют сходную и наиболее оптимистичную динамику: значительный рост благоприятных оценок и снижение неблагоприятных. Группа «коренные малочисленные народы Севера» стала более определенной во мнении – падение ответов «затрудняюсь» с 19,1 до 14,8 % и смещение мнения в сторону оценки «стабильные» (с 48,7 до 55,7 %). «Другие» – эта группа, в которой доля неблагоприятных оценок выросла с 20,4 до 36,5 %. В целом по республике климат улучшился, но это улучшение неравномерно. Сформировался разрыв между относительно благополучными русскими и якутами, и недовольной группой «другие».

Межэтническое пространство России со стороны населения Якутии – это поляризованное во мнениях пространство с растущей тревогой. Благоприятные оценки группы «русские» почти удвоились (+11,7 п. п. и составили 25,1 %), а неблагоприятные среди них значительно снизились (-1,4 п. п. и составили 27,5 %). Они чувствуют себя в общероссийском контексте максимально комфортно. Якуты продолжают чаще оценивать ситуацию в России как негативную: неблагоприятные оценки хоть и снизились, но остаются на высоком уровне (40,4 %), но, стоит заметить, существенный рост благоприятной оценки (+6,2 п. п. и составили 14,1 %, т. е. рост практически в два раза). Среди группы «коренные малочисленные народы Севера» доля неблагоприятных оценок также очень высока (25,7 %), хотя этот уровень снизился за 10 лет (-6,5 п. п.), и чаще представители коренных малочисленных народов Севера оценивают ситуацию в России как стабильную. Группа «другие» демонстрирует самый большой в абсолютных цифрах рост неблагоприятных оценок по России (+7,2 п. п., что составило 48,0 %). Восприятие России как общего дома полностью различается в этническом срезе. Русские ощущают себя частью успешного общероссийского проекта, в то время как группы «другие» и «якуты» чувствуют себя на федеральном уровне уязвимыми. Это риск для фундаментальной основы России как многонационального государства, функционирующего на принципе единства и многообразия.

Итак, параметр «восприятие межгрупповой коммуникации» показывает, что на микроуровне (трудовой коллектив) и на региональном уровне произошло явное улучшение: люди стали чувствовать себя более комфортно. Однако на федеральном уровне (вся Россия) наметилась поляризация.

Важно также проанализировать динамику баланса идентичностей в полиэтнической республике. Исследования группы Л. М. Дробижевой, проводимые в национальных республиках России, показывают, что для этих регионов характерна множественность идентичностей. Их актуальность и интенсивность варьируются в зависимости от условий. При этом данные идентичности часто находятся в состоянии гармонии: в частности, баланс между гражданской и этнической идентичностью (проявляющийся в отсутствии конфликта и даже взаимодополнении) достигается, когда ни одна из них не становится гипертрофированной.

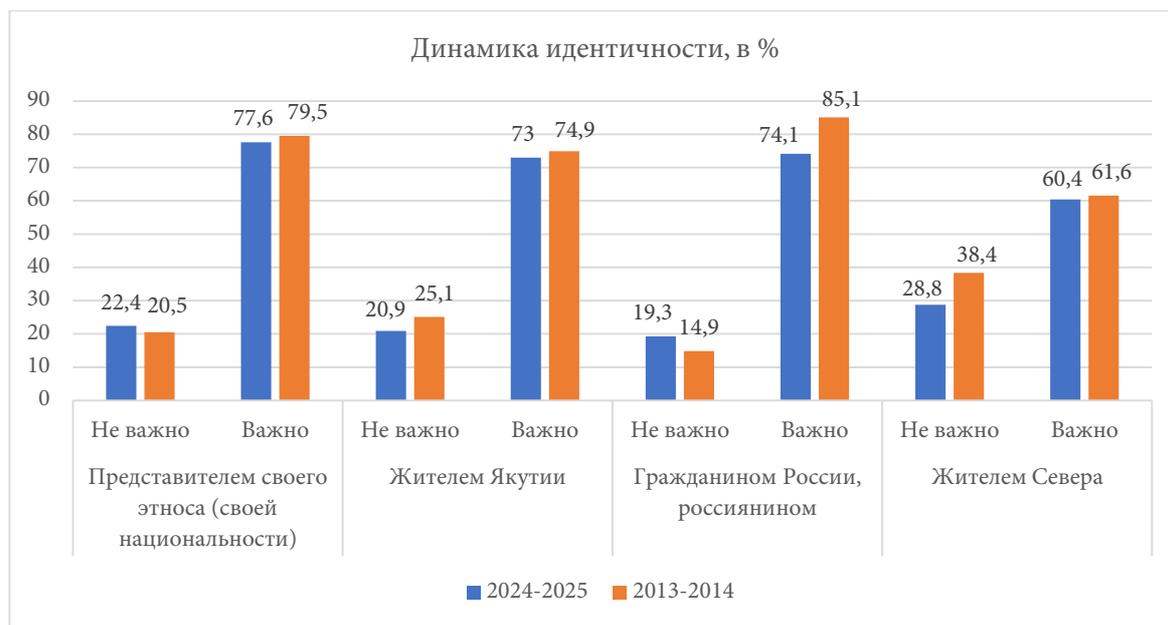

Рис. 1. Динамика уровня значимости коллективных идентичностей в Якутии (в %)

Рис 1 отражает структуру матрицы коллективных идентичностей в Якутии (совокупность измеряемых компонентов) и динамику ее трансформации в сознании населения полиэтничного региона России. Динамика позволяет фиксировать: 1) наличие слаженной структуры компонентов матрицы идентичностей, значимость которых практически равносильна; 2) средний уровень значимости каждой из идентичностей, что дает возможность прогнозировать социальные трансформации в случае резких колебаний этих показателей; 3) взаимосвязь данной матрицы с общественно-политической ситуацией, которая влияет на степень колебаний и может вести к трансформации иерархии идентичностей, обозначая тем самым сильные и слабые стороны социального потенциала; 4) отсутствие за десятилетний период существенных сдвигов в структуре идентичностей; 5) рост значимости «северной» идентичности (с 61,6 до 67,7 %), что указывает на усиление регионально-пространственного самосознания, явно фиксируя возможность конструирования территориальных идентичностей различными механизмами.

Проанализируем динамику соотношения этнической и гражданской идентичности в этническом срезе. Высокий уровень этнической идентичности (более 70,0 %) сегодня фиксируется у якутов и коренных малочисленных народов Севера. Однако даже у коренного населения наблюдается снижение актуализации этничности в период с замеров КСИ 2013–2014 гг. При этом высокое снижение уровня этнической идентичности фиксируется у русских (с 70,1 до 55,6 %, т. е. -14,5 п. п., для сравнения: у якутов изменения составили -10,0 п. п., среди коренных малочисленных народов Севера – -11,2 п. п.) Гражданская идентичность как первичная превалирует у русских (в 2013–2014 гг. составляла 80,8 %, в 2024–2025 гг. – 82,1 %). Среди коренных народов высокое снижение уровня гражданской идентичности сегодня фиксируется у группы «коренные малочисленные народы Севера» – -24,8 п. п. (!), что составило 62,7 %, якуты также показали некоторое снижение уровня гражданской идентичности – -13,8 п. п., что является тревожным сигналом и требует углубленного анализа. Предварительно можно выделить как минимум два фактора, лежащих

в основе этого снижения. Первый, вызывающий беспокойство, – рост негативного отношения к федеральной политике, что провоцирует соответствующее снижение значимости гражданской идентичности. Второй, более глубинный фактор, – возможная смена ее характера: от декларативной к деятельностной.

Итак, анализ баланса идентичностей позволяет сделать следующие выводы: сохраняется высокий уровень как этнической, так и гражданской идентичности при условии их равновесия; подтверждается плюралистическая модель идентичности, основанная на синергии гражданской, этнической и региональной составляющих; рост «северной» идентичности может стать ресурсом для укрепления межэтнической солидарности.

Таким образом, общая стабильность полиэтнического сообщества сохраняется на фоне противоречивой динамики: с одной стороны, устойчивое ядро позитивных оценок межнационального согласия, с другой – нарастающая тревожность, выражающаяся в снижении качества межэтнических коммуникаций и в ослаблении гражданской идентичности у части этнических групп.

Индекс межнационального согласия. В этой связи, интересным представляется выявление индекса межнационального согласия как интегрального показателя, более глубоко и комплексно отражающего устойчивое состояние полиэтнической среды региона. Методика его построения, основанная на синтезе теоретического концепта и эмпирических данных, состоит из последовательных шагов:

1. Выявление латентных конструкторов через факторный анализ на основе математической обработки базы данных авторского КСИ 2024–2025 гг. программой SPSS. Первый шаг предполагает определение значимых латентных факторов, структурирующих ответы респондентов и объясняющих общие закономерности полученных данных. Для этого был применен метод главных компонент (МГК) с последующим Варимакс-вращением. Из анкеты для анализа были отобраны 28 переменных, отражающих ключевые аспекты межэтнических отношений: 1) стратегии в отношении этнической дифференциации в обществе; 2) уровень национальной гордости (гордость за свое этническое происхождение); 3) значение социальной и гражданской идентичности (этническая, территориальная, общегражданская); 4) оценка соблюдения культурных практик в семье; 5) уровень социального и институционального доверия; 6) восприятие состояния межнациональных отношений в разных контекстах; 7) оценка равных возможностей и институциональной справедливости; 8) установки по вопросу о многонародности России; 9) установки на многокультурность страны; 10) установки на позитивное отношение к «другим». Выбор данных переменных для анализа обусловлен их концептуальной значимостью в рамках заявленного теоретического концепта.

Пригодность для дальнейшего анализа данных подтверждается высоким значением критерия КМО (0,873) и статистической значимостью критерия сферичности Бартлетта ($p < 0,001$). Использование метода главных компонент позволило сократить число переменных (их редуцировать) и определить структуру взаимосвязей между переменными, т. е. классификацию переменных. В результате было выделено 8 интерпретируемых факторов с собственным значением >1 , совокупно объясняющих 67,3 % дисперсии. В результате, на основе полученных данных в ходе проведения МГК, можно углубить смысловое понимание межэтнического согласия как состояния, при котором разделяются: принципы консоциализма в условиях полиэтничности; взаимодополняемость, согласованность, множественность идентичности; значимость доверия органам государственной власти;

благоприятное восприятие полиэтнического пространства; важность сохранения этнической дифференциации в обществе; ценность личного и обобщенного доверия, соблюдения в семье национальных традиций; установки на многонациональную, многокультурную и многоязычную федерацию.

2. Теоретическая интерпретация факторов и верификация концептуальной рамки. Структура полученных факторов служит эмпирическим подтверждением исходной теоретической модели, но дополнена данными. Анализ факторов, вклад каждого последующего фактора показывает, что после 4-го (по данным таблицы объяснительной совокупной дисперсии) она снижается: начальные собственные значения факторов 1–4 $> 1,5$; начальные собственные значения факторов 5–8 $< 1,3$, но > 1 ; объяснительная дисперсия для ротированного решения факторов после 4 фактора начинает снижаться, и в среднем факторы 5–8 приносят в объяснительную модель +5 % дисперсии (8-ми факторная модель совокупно объясняет 67,3 % дисперсии, 4-х факторная – 50,2 % дисперсии). В целях сохранения частоты исследования и ядра понимания, в рамках концептуально выверенной теоретической модели при проведении анализа мы используем базовую версию (4-х факторную модель). Для этого мы ограничили число ключевых компонентов и применили критерий собственного значения факторов $> 1,5$, при этом 4-х факторная модель объясняет 50,2% дисперсии. Проверка на пригодность показала значимость полученной модели: КМО = 0,873, статистическая значимость критерия сферичности Бартлетта = 0,000 ($p < 0,001$). Используя графический метод собственных значений (критерий каменистой осыпи), мы убедились в адекватности выдвинутой 4-х факторной модели. Итак: Фактор 1 с высокими нагрузками по переменным, измеряющим восприятие равенства возможностей, представительства в органах власти и сохранения культурной самобытности с учетом этнической и религиозной идентичности, единства и дружбы народов, операционализирует элементы консоционалистского подхода (А. Лейпхарт), отражая запрос на институциональный баланс и признание групповых прав (16,75 % дисперсии). Фактор 2 отражает конструкт коллективных идентичностей со связанностью пространственной, региональной, локальной, гражданской идентичностей с этнической идентичностью, что соответствуют концепции множественной идентичности при ценности признания этнической дифференциации в сообществе (13,38 % дисперсии). Примечательно, что идентичность «гражданин России» демонстрирует умеренную нагрузку (0,30), что свидетельствует о взаимодополняемом, а не конфликтном характере этих конструктов, ключевом индикаторе согласия. Фактор 3 включает высокие нагрузки на переменные, относящиеся к доверию государственным, региональным и муниципальным органам власти, землякам и в целом большинству людей (11,95 % дисперсии). Фактор 4 – восприятие межгрупповой коммуникации как единого благоприятного пространства, начиная с уровня трудового коллектива до странового уровня (8,13 % дисперсии). Полученная 4-х факторная структура содержательно отражает теоретический каркас, позволяя перейти от абстрактных конструктов к измеримым суб-индексам.

3. Построение системы суб-индексов и интегрального индекса. На основе проведенного факторного анализа методологически корректным является построение системы суб-индексов, каждый из которых отражает отдельный компонент межнационального согласия. Таким образом, получены следующие суб-индексы:

- 1) «государственные гарантии справедливости в полиэтничном пространстве» (на основе фактора 1);
- 2) суб-индекс «баланс идентичностей» (на основе фактора 2);
- 3) суб-индекс «институциональное и социальное доверие» (на основе фактора 3);
- 4) суб-индекс «благоприятный климат взаимодействия» (на основе фактора 4).

Каждый суб-индекс формируется как среднее значение стандартизованных ответов на вопросы, имеющие высокие факторные нагрузки (>0.7). На основе полученных суб-индексов построен интегральный индекс межэтнического согласия. Интегральный индекс межэтнического согласия (ИМЭС) рассчитан как взвешенная сумма стандартизованных регрессионных оценок факторов, где веса пропорциональны вкладу каждого фактора в объяснении дисперсии в ротированном решении: $ИМЭС = 0,334 \times F1 + 0,266 \times F2 + 0,238 \times F3 + 0,162 \times F4$, где $F1-F4$ – стандартизованные регрессионные оценки соответствующих факторов. Факторные оценки стандартизованы ($M=0, SD=1$) и ортогональны латентными переменными. Валидность конструкта обеспечивалась самой процедурой факторного анализа ($KMO=0,873$; значимость критерия Бартлетта $p < 0.001$) и содержательной интерпретируемостью повернутой факторной структуры.

Использование суб-индексов и их весов при формировании ИМЭС обеспечивает комплексность измерения межэтнического согласия, учитывая как восприятие институциональных условий, так и субъективное самоощущение индивида в полиэтничном пространстве.

4. Валидация интегрального индекса. Для верификации конструктивной валидности индекса межэтнического согласия (ИМЭС) был применен анализ корреляций (коэффициент Спирмена) с концептуально близкими переменными. Индекс показал значимые положительные связи с прямыми оценками межнационального климата в населенном пункте ($\rho = 0.535, p < 0.001$) и трудовом коллективе ($\rho = 0.451, p < 0.001$). Также выявлены значимые корреляции с практиками поддержания этнокультурной идентичности: соблюдением национальных традиций ($\rho = 0.431, p < 0.001$) и использованием родного языка в семье ($\rho = 0.305, p < 0.001$). Эти данные соответствуют консоциалистской модели, предполагающей совместимость культурной автономии групп с общественным согласием.

5. Вариации восприятия межэтнического согласия. Проведенный стратифицированный анализ выявил существенные различия в уровне межэтнического согласия: 1) между типами поселений; 2) между географическими зонами Республики Саха (Якутия); 3) между этническими группами, проживающими в Якутии.

Для выявления различий в восприятии межэтнического согласия был применен метод сравнения средних значений индекса межэтнического согласия (ИМЭС). Данный подход позволяет непосредственно оценить, насколько субъективное восприятие согласия в полиэтничной среде (на примере Якутии) различается в зависимости от территорий проживания (в основе дифференциации лежат экономические, природные, социально-демографические факторы) и принадлежности к этническому сообществу.

Первоначально проверим работоспособность индекса через подтверждение закономерностей: респонденты, которые сталкивались с дискриминацией по национальному признаку (по их мнению), чаще склоны оценивать межнациональные отношения как негативные. На основе метода сравнения средних значений установлено, что те, кто сталкивался с дискриминацией по национальному признаку, имеют значительно более низкий ИМЭС – $-0,3349$; а те, кто не сталкивался, имеют ИМЭС около нуля – $0,0168$. Разница

составляет 0,3517 пункта, что весьма показательно и говорит о существующих больших различиях в группах. Данные показывают, что индекс (ИМЭС) реагирует на реальный жизненный опыт: люди с негативным межэтническим опытом закономерно оценивают общую ситуацию хуже. Опыт дискриминации – мощный фактор, снижающий восприятие межэтнического согласия.

Сама большая этническая группа Якутии – якуты – демонстрирует наиболее высокий средний уровень воспринимаемого межэтнического согласия ($M = 0,0550$), превышающий общее среднее по выборке ($M = 0,0000$) (табл. 2). Это значение находится в положительной зоне шкалы ИМЭС, что указывает на преобладание позитивных оценок состояния межгрупповых отношений, на более высокий уровень воспринимаемого межэтнического согласия. Русское население показывает наиболее низкие значения индекса среди всех анализируемых групп ($M = -0,1386$), находящиеся в отрицательной зоне шкалы. Показатель вариативности (стандартные отклонения) среди русских ($SD = 0,541$) находится выше среднего ($SD = 0,515$), что указывает на наибольшую внутреннюю разнородность мнений. Разрыв между средними значениями русских и саха составляет 0,1936 пункта ИМЭС, что представляет собой наиболее заметное различие в распределении. Коренные малочисленные народы Севера по уровню ИМЭС практически идентичны группе саха ($M = 0,0518$), что свидетельствует о сходной оценке межэтнического согласия этими двумя группами, исторически составляющими социокультурное пространство региона и являющимися коренными народами Якутии. Группы «другие» и «смешанные» занимают промежуточное положение ($M = -0,1060$ и $M = -0,0397$, соответственно), тяготея к отрицательным значениям, но менее выраженным, чем у русских.

Таблица 2

Средние значения индекса межэтнического согласия (ИМЭС) (этнический срез)

Этническая группа	Среднее ИМЭС (M)	Стандартное отклонение (SD)
русские	-0,1386	0,54095
саха/якуты	0,0550	0,50735
коренные малочисленные народы Севера	0,0518	0,51125
другие	-0,1060	0,45668
смешанное происхождение	-0,0397	0,39462
Всего	0,0000	0,51498

Стратифицированный анализ выявил существенные различия в уровне межэтнического согласия как между типами поселений (табл. 3), так и между географическими зонами Республики Саха (Якутия) (табл. 4).

Сельские жители демонстрируют статистически более высокий уровень межэтнического согласия ($M=0,12$, $SD=0,50$), чем городские жители ($M= -0,06$, $SD=0,51$). Разница между средними значениями для городских и сельских жителей составляет 0,179 пункта индекса. Данное различие связано с более однородной этнической структурой и тесными социальными связями в сельских сообществах, а также с различной этнической структурой городского и сельского населения.

Таблица 3

Средние значения индекса межэтнического согласия (ИМЭС) по типу поселения

Тип поселения	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)
город	-0,059	0,515
село	+0,120	0,495
Всего	0,000	0,515

Зональный срез также показывает интересные результаты. Наиболее высокие показатели межэтнического согласия наблюдаются в Арктической зоне (M=0,15, SD=0,49), а наиболее низкие в Восточной зоне (M= - 0,31, SD=0,70). Центральная зона, включающая столицу республики, показывает уровень ниже среднего по региону (M= -0,018, SD=0,51).

Таблица 4

Средние значения индекса межэтнического согласия (ИМЭС) по зонам Якутии

Географическая зона	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)	Ранжирование*
Восточная	-0,314	0,698	1 (низшее)
Центральная	-0,018	0,506	2
Западная	+0,029	0,485	3
Южная	+0,077	0,525	4
Арктическая	+0,151	0,489	5 (высшее)
Всего	0,000	0,515	

*Примечание: Ранжирование от 1 до 5 присвоено на основе среднего значения индекса (от самого низкого к самому высокому). Размах значений между зонами с самыми крайними показателями составляет 0,465 пункта индекса.

Высокий уровень согласия в Арктической зоне может объясняться и этнической структурой, и сложившимися практиками межэтнического взаимодействия в условиях Арктики, значимостью социальных связей в условиях труднодоступности, высоким уровнем оттока и низким уровнем притока [Томаска, 2022]. Относительно низкие показатели в Восточной зоне требуют дополнительного анализа, но, скорее всего, связаны с социально-экономическими факторами или спецификой миграционных процессов [Игнатъева и др., 2022; Маклашова и др., 2024; Игнатъева, 2017].

Полученные вариации восприятия межэтнического согласия, прежде всего на основе этнической и зональной дифференциации, подтверждают контекстуальную обусловленность феномена межэтнического согласия и необходимость учета региональной специфики при разработке государственной национальной политики в Республике Саха (Якутия).

Результаты и выводы. Настоящее исследование позволило получить комплексную картину состояния и динамики межнационального согласия в Республике Саха (Якутия) – ключевом полиэтничном регионе России. Анализ базировался на данных двух волн социологических исследований (2012–2013, 2024–2025 гг.) и был направлен на решение вопроса о выявлении устойчивой модели межэтнического согласия под воздействием современных вызовов.

Проведенный анализ позволяет отметить:

1. За период с 2012 по 2025 гг. в Якутии сохранилась и укрепилась общая стабильность межэтнических отношений, однако динамика имеет дифференцированный характер: на микроуровне (трудовой коллектив, населенный пункт) зафиксирован значимый рост благоприятных оценок межгрупповой коммуникации, что свидетельствует об успешных практиках сосуществования. На макроуровне (Россия в целом) наблюдается нарастающая поляризация восприятия. В то время как русское население Якутии демонстрирует значительный рост лояльности к общероссийскому пространству межнациональной коммуникации, группы «якуты» и особенно «другие» чаще оценивают ситуацию в стране как неблагоприятную.

2. Ключевым научным результатом работы стала разработка и валидация интегрального индекса межэтнического согласия (ИМЭС). Его разработка была необходима для преодоления фрагментарности оценок и перехода к комплексному измерению этого многомерного феномена.

3. ИМЭС позволил перейти от констатации отдельных тенденций к измерению вариаций восприятия согласия в разных группах и локализациях. Индекс подтвердил свою конструктивную валидность, значимо коррелируя с прямыми оценками межнациональных отношений и практиками поддержания этнокультурной идентичности. ИМЭС выявил асимметрию в восприятии межэтнического согласия по этническому признаку. Наиболее высокий уровень согласия демонстрируют коренные народы Якутии – якуты ($M=0,055$), а также коренные малочисленные народы Севера ($M=0,052$). Наиболее низкие, негативные значения – у русского населения ($M=-0,139$). Группы «другие» и «смешанные» занимают промежуточное положение. В целом, индекс выявил, что языковая политика не противоречит задачам межнационального согласия и люди, сохраняющие свою культуру, могут быть активными проводниками межэтнического диалога, а не источником напряженности. Обнаружена значительная территориальная дифференциация. Наиболее высокий ИМЭС – в Арктической зоне ($M=0,151$), наиболее низкий – в Восточной зоне ($M=-0,314$). Городские жители оценивают согласие ниже ($M=-0,059$), чем сельские ($M=+0,120$).

4. Выявлены связи и теоретические выводы: высокий ИМЭС у якутов и коренных малочисленных народов Севера, при низком – у русских, указывает на то, что сложившаяся в регионе неформальная система баланса интересов эффективно работает для исторически укорененных групп, но может восприниматься как исключаящая для части русской общины, переживающей трансформацию своего статуса. В регионе сохраняется плюралистическая, непротиворечивая модель множественной идентичности (гражданская, этническая, региональная «северная»). Рост «северной» идентичности (+6 п. п.) может служить новым ресурсом солидаризации. Существенные различия ИМЭС между зонами и типами поселений доказывают, что межэтническое согласие – не универсальная константа, а переменная, сильно зависящая от локального социально-экономического контекста, структуры населения и истории взаимодействий.

Предложенная методика конструирования индекса позволяет операционализировать сложное многомерное понятие «межнациональное согласие» через систему взаимосвязанных и теоретически обоснованных показателей. Полученный индекс является не просто статистическим агрегатом, а измерительным инструментом, укорененным в синтезе теорий консоциализма, социального взаимодействия и множественной идентичности.

Список литературы / References

Абрамова, М. А. (2016). *Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция межэтническими и моноэтническими типами семей*. Новосибирск: Изд-во «Параллель».

Abramova, M. A. (2016). *Multiculturalism as a Sociocultural Phenomenon: Historical Dynamics and Transmission by Interethnic and Monoethnic Family Types*. Novosibirsk. (In Russ.)

Арутюнова, Е. М. (2025). Этничность и региональность в Республике Саха (Якутия): значимость и содержание идентичностей в условиях внешнего давления. *Вестник Института социологии*. Т. 16. № 1. С. 13-29. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.3.

Arutiunova, E. M. (2025). Ethnicity and Regionality in the Republic of Sakha (Yakutia): the Significance and Content of Identities Under External Pressure. *Vestnik Instituta Sotziologii*. Vol. 16. No. 1. Pp. 13-29. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.3. (In Russ.)

Арутюнова, Е. М., Кузнецов, И. М. (2025). Процессы консолидации в российском обществе: факторы интеграции и дезинтеграции. *Сибирь в стратегическом цивилизационном повороте: глобальное и региональное измерения: сб. научных трудов Международного форума, Новосибирск, 25-28 сентября 2025 г.* Новосибирск: ИПЦ НГУ. С. 7-12.

Arutiunova, E. M., Kuznetsov, I. M. (2025). Consolidation Processes in Russian Society: Factors of Integration and Disintegration. *Siberia in the Strategic Civilizational Turn: Global and Regional Dimensions*. Collection of Scientific Papers of the International Forum, Novosibirsk, September 25–28, 2025. Novosibirsk. Pp. 7-12. (In Russ.)

Дробижева, Л. М. (2002). Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость. *Россия реформирующаяся. Ежегодник*. М.: Academia. С. 213-244.

Drobizheva, L. M. (2002). Russian and Ethnic Identity: Confrontation or Compatibility. *Reforming Russia. Yearbook*. Moscow. Pp. 213-244. (In Russ.)

Дробижева, Л. М. (2003). *Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России*. М.: Центр общечеловеч. ценностей.

Drobizheva, L. M. (2003). *Social Problems of Interethnic Relations in Post-Soviet Russia*. Moscow. (In Russ.)

Игнатьева, В. Б. (2017). Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. № 4 (21). С. 86-95.

Ignatyeva, V. B. (2017). Labor Migrants in Yakutia: Integration Versus Exclusion? Results of a Sociological Study and the Expectations of the Host Society. *North-Eastern Journal of Humanities*. No. 4 (21). Pp. 86-95. (In Russ.)

Игнатьева, В. Б., Маклашова, Е. Г., Томаска, А. Г. и др. (2022). *Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития*. 2-е изд. доп. Новосибирск: Наука.

Ignatieva, V. B., Maklashova, E. G., Tomaska, A. G. et al. (2022). *Ethnosocial Processes in Yakutia: Modern Perspective and Development Prospects*. 2nd ed., rev. Novosibirsk. (In Russ.)

Лейпхарт, А. (1997). *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование* / А. Лейпхарт; Пер. с англ. Б.И. Макаренко, Науч. ред. пер. д. ист. н. А.М. Салмин и к. ист. н. Г.В. Каменская. М.: Аспект Пресс, 1997. ISBN 5-7567-0208-3.

Lijphart, A. (1997). *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. Scientific editors of the translation: D.Hist.Sci. A.M. Salmin and C.Hist.Sci. G.V. Kamenskaya. Moscow. ISBN 5-7567-0208-3. (In Russ.)

Маклашова, Е. Г., Васильева, О. В., Томаска, А. Г. и др. (2024). *Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, стратегии адаптации населения*. Новосибирск: Новосибирское отделение изд-ва «Наука».

Maklashova, E. G., Vasilieva, O. V., Tomaska, A. G. et al. (2024). *The Republic of Sakha (Yakutia) and Grand Challenges: Social Well-being, Population Adaptation Strategies*. Novosibirsk. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2025). Об актуальных проблемах этносоциологии: осмысляя идейное наследие Л. М. Дробижевой. *Социологический журнал*. Т. 31. № 3. С. 87-99. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.5.

Popkov, Yu. V. (2025). On Current Issues of Ethnosociology: Understanding the Ideological Heritage of L. M. Drobizheva. *Sociological Journal*. Vol. 31. No. 3. Pp. 87-99. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.5. (In Russ.)

Томаска, А. Г. (2022). Особенности территориальной мобильности населения Якутии в условиях пандемии COVID-19. *Арктика и Север*. № 47. С. 206-235. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.206.

Tomaska, A. G. (2022). Features of Territorial Mobility of the Population of Yakutia during the COVID-19 Pandemic. *Arctic and North*. No. 47. Pp. 206-235. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.206. (In Russ.)

Щеголькова, Е. Ю. (2025). Региональные особенности межэтнических отношений (на материалах социологических исследований в Республике Саха (Якутия)). *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*. № 2. С. 35-44. DOI: 10.19181/INAB.2025.2.4.

Shchegolkova, E. Yu. (2025). Regional Features of Interethnic Relations (Based on Sociological Research in the Republic of Sakha (Yakutia)). *Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology FCTAS RAS*. No. 2. Pp. 35-44. DOI: 10.19181/INAB.2025.2.4. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Маклашова Елена Гавриловна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, e-mail: maklashova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026

После доработки: 02.02.2026

Принята к публикации: 26.02.2026

Maklashova Elena – Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, e-mail: maklashova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>

The paper was submitted: 12.01.2026

Received after reworking: 02.02.2026

Accepted for publication: 26.02.2026

УДК 332.1:314

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСБАЛАНСЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РЕГИОНАХ УЗБЕКИСТАНА

Э. Р. Мамадалиева

Институт макроэкономических и региональных исследований (г. Ташкент, Узбекистан)
mamadaliyeva.elvira@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические дисбалансы регионального развития и их влияние на воспроизводство человеческих ресурсов. Показано, что различия в доходах, занятости, инфраструктуре и доступе к социальным услугам напрямую отражаются на рождаемости, смертности и миграции. Проведен корреляционный анализ по регионам Узбекистана, выявивший сильные положительные и отрицательные взаимосвязи между демографическими и экономическими показателями. Отмечена роль экологических факторов как дополнительного риска для репродуктивного здоровья. На основе международного опыта предложены подходы к снижению дисбалансов через фискальное выравнивание, инвестиции и place-based политику, направленные на укрепление человеческого потенциала.

Ключевые слова: демография, дисбаланс, регионы Узбекистана, качество жизни, человеческие ресурсы.

Для цитирования: Мамадалиева, Э. Р. (2026). Социально-экономические дисбалансы и их влияние на воспроизводство человеческих ресурсов в регионах Узбекистана. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С.93-103. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.93-103

SOCIO-ECONOMIC IMBALANCES AND THEIR IMPACT ON HUMAN RESOURCE REPRODUCTION IN THE REGIONS OF UZBEKISTAN

E. R. Mamadaliyeva

Institute for Macroeconomic and Regional Studies (Tashkent, Uzbekistan)
mamadaliyeva.elvira@gmail.com

Abstract. This article examines socioeconomic imbalances in regional development and their impact on human resource reproduction. It is shown that differences in income, employment, infrastructure, and access to social services directly impact fertility, mortality, and migration. A correlation analysis across Uzbekistan's regions revealed strong positive and negative relationships between demographic and economic indicators. The role of environmental factors as an additional risk to reproductive health is highlighted. Based on international experience, approaches to reducing imbalances through fiscal equalization, investment, and place-based policies aimed at strengthening human potential are proposed.

Keywords: demography, imbalance, regions of Uzbekistan, quality of life, human resources.

For citation: Mamadaliyeva, E. R. (2026). Socio-Economic Imbalances and Their Impact on Human Resource Reproduction in the Regions of Uzbekistan. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 93-103. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.93-103

В условиях трансформации национальных экономик и усиления межрегиональной дифференциации особую актуальность приобретает проблема социально-экономических дисбалансов и их воздействия на воспроизводство человеческих ресурсов. Человеческие

ресурсы выступают ключевым фактором устойчивого развития территорий, определяя потенциал экономического роста, инновационную активность и социальную стабильность. Однако неравномерность социально-экономического развития регионов формирует асимметричные условия для формирования, распределения и использования человеческого капитала.

Целью статьи является выявление и эмпирическая оценка влияния социально-экономических дисбалансов регионального развития на процессы воспроизводства человеческих ресурсов, а также обоснование направлений региональной политики по снижению территориальных диспропорций с учетом демографических, экономических и экологических факторов на примере регионов Республики Узбекистан.

Научная новизна исследования заключается в:

- обосновании комплексной взаимосвязи между социально-экономическими дисбалансами и воспроизводством человеческих ресурсов, что позволяет рассматривать демографические процессы не только как следствие, но и как фактор дальнейшей региональной дифференциации;

- проведенном корреляционном анализе по регионам Республики Узбекистан, позволившем выявить как положительные, так и отрицательные взаимосвязи между численностью населения и ключевыми социально-экономическими индикаторами, что расширяет эмпирическую базу исследований региональной демографии.

- дополнении представления о роли экологических факторов как самостоятельного детерминанта воспроизводства человеческих ресурсов, усиливающего демографические и миграционные риски в условиях социально-экономической неоднородности регионов.

Методологической основой исследования послужили положения региональной экономики, теории человеческого капитала и демографического развития, а также концепции пространственного неравенства и place-based подхода к региональной политике. В работе использовались общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальные экономико-статистические методы. Эмпирическая часть исследования основана на статистических данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике, охватывающих социально-экономические и демографические показатели регионов страны. Анализ проведен по совокупности административно-территориальных единиц Республики Узбекистан за сопоставимый период, что обеспечивает сопоставимость и репрезентативность результатов. Расчеты коэффициентов корреляции выполнены с использованием стандартных инструментов статистического анализа.

Социально-экономические дисбалансы в региональном развитии представляют собой устойчивые различия в уровне и качестве жизни, развитии инфраструктуры, доступе к ресурсам и возможностям. Они проявляются в резкой неоднородности социально-демографических и экономических показателей: от уровня доходов и занятости до обеспеченности медицинской и образовательной инфраструктурой. Региональные различия затрагивают ключевые сферы, определяющие воспроизводство человеческих ресурсов, такие как рождаемость, смертность, миграцию, структуру занятости и доступность социальных услуг. К примеру, по данным Всемирного банка, в африканских странах самая высокая рождаемость в мире (46,4 живорожденных на 1000 чел. населения в Центральной

Африканской Республике, в Сомали – 43,0, ЧАД – 42,2), а самая низкая смертность приходится на арабские страны (в Катаре и ОАЭ по 0,93 смертей на 1000 живорожденных, в Кувейте – 1,5, в Омане – 1,9).

С одной стороны, в отдельных субъектах может наблюдаться концентрация человеческого капитала, инвестиционной активности и инновационных возможностей, а с другой – значительная часть регионов может сталкиваться с депопуляцией, снижением качества трудовых ресурсов и возрастающей нагрузкой на социальную сферу. Такие дисбалансы усиливаются сочетанием демографических процессов (старение населения, низкий суммарный коэффициент рождаемости, миграционный отток) и институциональных ограничений (ограниченность региональных бюджетов, слабость систем поддержки семьи и детства, низкая эффективность региональных рынков труда). Следовательно, социально-экономические дисбалансы выступают не только индикатором неравномерности развития страны, но и фактором, непосредственно влияющим на возможности воспроизводства и сохранения человеческого потенциала, формируя долгосрочные риски для ее устойчивого социально-экономического развития.

Многие исследователи, описывая сам феномен региональной неоднородности, показывают, что уязвимость демографических параметров возрастает там, где экономический рост и инфраструктурное обеспечение носят «островной» характер, а социальные институты слабо компенсируют структурные разрывы между территориями. Такие работы [Фаттахов и др., 2018; Пахомова и др., 2021] фиксируют устойчивые различия по доходам, занятости, доступу к услугам и связывают их с демографическими рисками – депопуляцией, старением и миграционным оттоком.

Значительное число исследований [Овод и др., 2020; Степаненкова и др., 2022] посвящено изучению влияния социально-экономических условий на рождаемость. В них выявляется устойчивая зависимость показателей рождаемости от уровня доходов населения, занятости женщин, обеспеченности жильем и доступности объектов детской инфраструктуры. При этом отмечается, что государственные меры поддержки семей, такие как материнский капитал, например, оказывают разный результат в разных регионах, а их эффективность во многом определяется особенностями местных рынков труда и возрастной структурой населения.

Значимый блок литературы анализирует миграцию как ключевой канал перераспределения человеческого капитала между регионами. В работах [Бураншина, Смирных, 2018; Карцева и др., 2020] отмечается, что внутренние миграционные потоки стимулируют экономический рост принимающих территорий, одновременно усиливая отток квалифицированных кадров и демографическое ослабление регионов-доноров. При этом миграция в ограниченной степени способствует выравниванию ситуации на рынке труда и не ликвидирует различия в уровне доходов и качестве жизни. Эконометрические анализы указывают на позитивный вклад мигрантов в повышение производительности, но одновременно подчеркивают опасность углубления возрастных диспропорций и снижения рождаемости на периферии.

Существуют также исследования [Бежанов, Бозян, 2024; Трофимов и др., 2016], которые рассматривают демографические процессы в тесной связи с социально-экономическим развитием территорий. В них подчеркивается, что ухудшение демографической ситуации,

в частности старение населения и естественная убыль, превращается в самостоятельный барьер для экономического роста. Эти тенденции усиливают нагрузку на систему социальной поддержки и региональные бюджеты, одновременно снижая инвестиционную привлекательность. Таким образом, демографический фактор выступает не только как объект воздействия социально-экономических условий, но и как источник их дальнейшего дисбаланса.

В то же время, факторами, ускоряющими миграцию и снижение воспроизводства населения, являются ухудшение экологии, недоступность питьевой воды, плохая санитария. В статье [Margiana et al., 2022] рассматривается, как загрязнители воздуха, тяжелые металлы и органические соединения влияют на репродуктивное здоровье и рождаемость в целом. В результате авторы приходят к выводу, что ухудшающаяся экологическая ситуация воздействует на плод и вызывает врожденные аномалии, снижение массы тела при рождении и в целом ведет к росту репродуктивных рисков.

Анализ мировой практики межрегионального выравнивания уровня социально-экономического развития показывает, что существуют эффективные подходы к решению данного вопроса. Классические обзоры Всемирного банка и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подчеркивают: схемы должны быть прозрачными, ориентированными на потребности и способность генерировать доходы, с регулярным пересмотром параметров и «стимулирующей» логикой, чтобы не подрывать мотивацию к развитию; координация между трансфертом и региональной политикой повышает совокупную эффективность обеих систем. Это подтверждается исследованиями и методическими руководствами¹, а также обзором², которые рекомендуют увязывать формулы выравнивания с целями региональной политики и человеческого развития.

Экономическая дифференциация регионов Республики Узбекистан выступает значимой проблемой социально-экономического развития страны. Несмотря на активизацию реформ и устойчивые темпы роста валового внутреннего продукта в последние годы, сохраняются существенные различия в уровне доходов населения, степени инфраструктурного обеспечения, инвестиционной активности и качестве жизни в территориальном разрезе. Наиболее выраженный разрыв наблюдается между г. Ташкентом и большинством областей, а также между урбанизированными и сельскими районами (рис. 1).

Крупные промышленные и урбанизированные регионы (г. Ташкент, Ташкентская, Самаркандская и Навоийская области) концентрируют значительную часть внешнеторгового оборота, инвестиций и занятости в высокопроизводительных отраслях. Эти территории выступают центрами притяжения трудовых ресурсов и миграционных потоков, обеспечивая

¹ Shah, A. (2005). A Framework for Evaluating Alternate Institutional Arrangements for Fiscal Equalization Transfers. [Online]. *World Bank Policy Research Working Paper 3785*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/1666de00-6059-5e7d-8cc6-b56de9b32567/content> (Accessed: 25 August 2025).

² Fiscal Equalization and Regional Development Policies: Is there a Case for Enhanced Synergies? (2023). [Online]. *OECD Regional Development Papers*. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/11/fiscal-equalisation-and-regional-development-policies_960b4564/0d28a879-en.pdf (Accessed: 26 August 2025).

более высокие показатели доходов, доступ к образованию и модернизированной социальной инфраструктуре. Вместе с тем высокая плотность населения и урбанизационное давление сопровождаются ростом нагрузки на рынок труда и социальные службы, а также усилением экологических рисков.

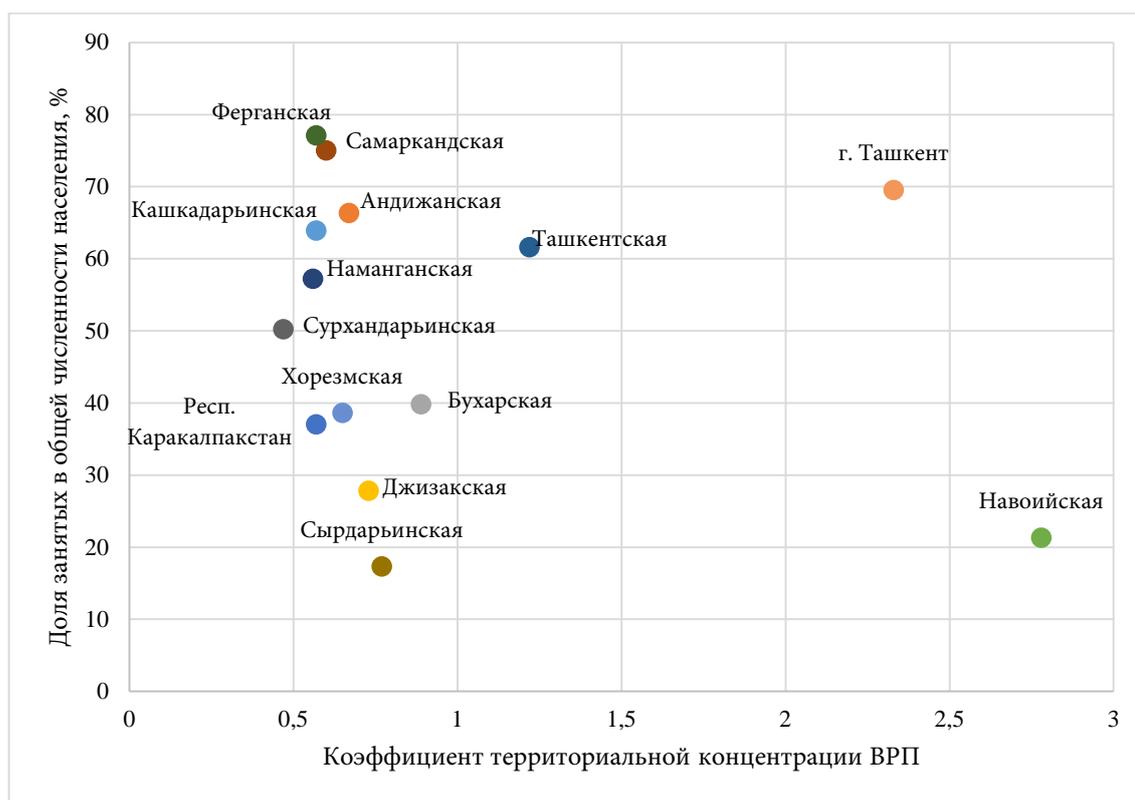

Рис. 1. Социально-экономическое развитие регионов Узбекистана (2024 г.)³

Ряд аграрно-ориентированных регионов (Сырдарьинская, Кашкадарьинская, Джизакская и части Ферганской долины) демонстрируют меньшую динамику экономического развития при более ограниченных возможностях формирования человеческого капитала. Здесь сохраняются более высокие уровни скрытой безработицы, зависимость от сезонной занятости и повышенная миграционная мобильность населения. Это снижает устойчивость демографических процессов и усиливает дисбаланс между трудовыми ресурсами и экономической базой регионов.

Особое место занимают регионы с ресурсной специализацией, прежде всего Навоийская и Бухарская области, где высокая инвестиционная активность и экспортная ориентация промышленности сочетаются с избирательной структурой занятости

³ Составлено автором по данным: Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/> (дата обращения: 25.08.2025). Примечание: коэффициент территориальной концентрации ВРП – это показатель, характеризующий степень концентрации экономической деятельности в определенном регионе.

и повышенной территориальной концентрацией производства. В подобных регионах наблюдаются разнонаправленные демографические и экономические тенденции, что отражается на устойчивости воспроизводства человеческих ресурсов.

Отдельным фактором риска в ряде территорий выступает экологическая нагрузка, связанная с выбросами загрязняющих веществ и ухудшением качества окружающей среды. Экологические ограничения усиливают миграционные настроения, негативно влияют на состояние здоровья населения и обуславливают дополнительные барьеры для демографического воспроизводства.

В целом, современное социально-экономическое развитие регионов Узбекистана формирует многоуровневую систему факторов, влияющих на процессы воспроизводства человеческих ресурсов. Она обусловлена различиями в масштабах инвестиционной активности и структуре занятости, уровне развития предпринимательства, состоянии образовательного потенциала и экологической среды. Указанные различия предопределяют необходимость проведения эмпирического анализа характера и силы взаимосвязей между демографическими показателями и ключевыми социально-экономическими параметрами на региональном уровне.

Для анализа влияния социально-экономических детерминантов на демографические процессы был проведен корреляционный анализ по регионам Узбекистана (табл. 1).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа⁴

	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈
Республика Каракалпакстан	0,81		0,94	0,66	0,97	0,92		0,68
Андижанская область	0,67	0,61	0,95	-0,58	0,57	0,67		0,71
Бухарская область	0,70		0,93	-0,72		0,89	-0,71	0,69
Джизакская область	0,81	0,61	0,92	-0,58	0,97	0,87		0,80
Кашкадарьинская область			0,90	0,53	0,85	0,77	-0,65	0,80
Навоийская область	0,58		0,94	-0,77	-0,69	0,90		0,61
Наманганская область	0,92	0,68	0,96		0,94	0,84		0,71
Самаркандская область	0,96	0,76	0,95		0,67	0,89	-0,71	0,77
Сурхандарьинская область		0,74	0,95		0,84	0,85	0,83	0,73
Сырдарьинская область	0,87	0,83	0,93	-0,84		0,80		0,74
Ташкентская область	0,87	0,74	0,90	-0,64		0,86		0,54
Ферганская область	0,91	0,58	0,95		0,73	0,86		0,71
Хорезмская область	0,86	0,62	0,94		0,86	0,91		0,72
г. Ташкент	0,95		0,95	-0,94		0,92		0,69

⁴ Расчеты автора сделаны по данным: Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/> (дата обращения: 25.08.2025). В таблице зеленым цветом отмечена сильная корреляция, оранжевым – средняя, красным – отрицательная.

Целью корреляционного анализа было определение наличия статистически значимой связи между численностью населения и внешнеторговым оборотом (X_1), удельным весом инвестиций в ВРП (X_2), инвестиций на душу населения (X_3), долей субъектов малого бизнеса в общей занятости населения (X_4), количеством занятых в малом бизнесе (X_5), числом действующих субъектов предпринимательства (X_6), выброшенными в атмосферу загрязняющими веществами (X_7), числом выпускников вузов (X_8).

Представленные данные корреляционного анализа позволяют выявить структурные особенности взаимосвязей социально-экономических показателей в регионах Республики Узбекистан. В большинстве регионов наблюдается преобладание сильных положительных корреляций. Это может быть связано с унифицированной экономической структурой и схожими демографическими характеристиками. В ряде регионов (например, Ташкентская и Кашкадарьинская области) встречаются значения в пределах 0,64–0,80. Подобные результаты могут отражать наличие косвенных связей или влияние дополнительных скрытых переменных, например: уровня миграции, отраслевой специализации или инфраструктурного развития. Особого внимания заслуживают регионы с устойчивыми отрицательными связями: Навоийская область ($X_4 = -0,77$; $X_5 = -0,69$), Сырдарьинская область ($X_4 = -0,84$) и город Ташкент ($X_4 = -0,94$). Такие значения свидетельствуют о противоположной динамике показателей, что может указывать на структурные противоречия в развитии. Отрицательные корреляции в г. Ташкенте могут быть обусловлены спецификой урбанизационных процессов: рост одних социально-экономических параметров сопровождается снижением других.

В целом, демографические процессы в регионах Узбекистана находятся в тесной взаимосвязи с ключевыми социально-экономическими параметрами развития территорий. Сильные положительные корреляции между численностью населения, инвестиционной активностью, предпринимательским сектором и образовательным потенциалом указывают на зависимость воспроизводства человеческих ресурсов от уровня экономического роста и структурной модернизации регионов. В то же время выявленные отрицательные связи по отдельным показателям, прежде всего в сфере занятости в малом бизнесе и в крупных урбанизированных центрах, отражают наличие структурных дисбалансов рынка труда и неоднородность социально-экономических эффектов.

В международной практике межрегионального выравнивания используется широкий спектр инструментов, ориентированных на снижение социально-экономических дисбалансов и укрепление человеческого потенциала. К примеру, в Германии система *Länderfinanzausgleich*⁵ сочетает вертикальное и горизонтальное выравнивание: после реформы 2020 г. основным механизмом стало перераспределение долей НДС, что позволило уменьшить конфликтность и повысить прозрачность. В Европейском союзе политика

⁵ Towards More Efficient Government. Reforming Federal Fiscal Relations in Germany. (1999). [Online]. *OECD Economics Department Working Papers* № 209. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/1999/02/towards-more-efficient-government_g17a13fb/125826214270.pdf (Accessed: 27 August 2025).

Cohesion Policy⁶ через структурные и инвестиционные фонды поддерживает развитие инфраструктуры, занятости, образования и инноваций в отстающих регионах, что доказало эффективность в повышении их ВВП на несколько процентов в долгосрочной перспективе. Китай реализует стратегию «Go West» [Aritua et al., 2022], направленную на поддержку западных регионов и развитие средних городов для уменьшения миграционного давления на мегаполисы, сочетая трансферты с политикой «нового урбанизма». Эти примеры показывают, что успешное выравнивание требует комбинации фискальных трансфертов, адресных инвестиций и place-based подхода, ориентированного на долгосрочное укрепление человеческого капитала.

Адаптация международных практик выравнивания для Узбекистана предполагает не простое копирование моделей, а их корректировку с учетом национальных особенностей. Как показывает опыт Германии, важнейшим элементом является прозрачная система межбюджетного перераспределения, которая учитывает реальный фискальный потенциал регионов и гарантирует минимальные социальные стандарты. Китайский опыт «Go West» может быть полезен в стимулировании средних городов и региональных центров, чтобы снизить давление мегаполисов и создать более равномерное распределение человеческого капитала. Таким образом, оптимальная стратегия для Узбекистана – это сочетание финансового выравнивания с активной инвестиционной и социальной политикой, направленной на сокращение территориальных дисбалансов и укрепление человеческого потенциала.

Проведенное исследование подтверждает, что социально-экономические дисбалансы регионального развития оказывают системное и многоаспектное влияние на воспроизводство человеческих ресурсов. Неравномерность распределения доходов, инвестиционной активности, инфраструктурного обеспечения и качества социальной среды формирует различия в демографических показателях регионов, включая рождаемость, смертность и миграционную динамику.

Результаты корреляционного анализа по регионам Республики Узбекистан свидетельствуют о наличии устойчивых взаимосвязей между численностью населения и ключевыми экономическими индикаторами – инвестициями, предпринимательской активностью, образовательным потенциалом. Сильные положительные корреляции указывают на зависимость демографической динамики от уровня социально-экономического развития территорий. В то же время выявленные отрицательные связи, особенно в части занятости в малом бизнесе и урбанизированных регионах, отражают структурные противоречия региональных рынков труда и неоднородность эффектов экономического роста.

Дополнительным фактором риска для воспроизводства человеческих ресурсов выступают экологические условия, ухудшение которых негативно сказывается на репродуктивном здоровье населения и усиливает миграционные процессы. Таким образом, демографические диспропорции формируются под воздействием совокупности экономических, институциональных и экологических факторов.

⁶ Ninth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. (2024). [Online]. *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/information-sources/cohesion-report_en (Accessed: 27 August 2025).

С учетом выявленных закономерностей представляется целесообразным реализация следующих направлений региональной политики:

- развитие механизмов фискального и социального выравнивания, ориентированных на обеспечение минимальных стандартов качества жизни и доступности социальных услуг;
- стимулирование инвестиций в человеческий капитал, прежде всего в образование, здравоохранение и формирование квалифицированных рабочих мест в регионах-донорах миграции;
- применение place-based подходов регионального развития, учитывающих специфику экономической структуры, демографического потенциала и экологических условий конкретных территорий;
- поддержка развития средних городов и региональных центров как точек экономического роста и закрепления человеческих ресурсов;
- интеграция демографических и экологических факторов в систему стратегического планирования социально-экономического развития регионов.

Социально-экономические дисбалансы являются неотъемлемой характеристикой пространственного развития, однако в условиях трансформации экономики и демографических вызовов их влияние на воспроизводство человеческих ресурсов приобретает стратегическое значение. Проведенный анализ показывает, что региональные различия в уровне социально-экономического развития напрямую отражаются на демографической устойчивости, миграционных потоках и качестве человеческого капитала.

Эмпирические результаты подтверждают, что воспроизводство человеческих ресурсов не может рассматриваться изолированно от экономической структуры регионов, инвестиционной активности и институциональной среды. Сохранение и углубление дисбалансов ведет к усилению территориальной поляризации и формированию долгосрочных рисков для устойчивого развития страны.

В этой связи эффективная региональная политика должна сочетать инструменты межбюджетного выравнивания, адресные инвестиции и меры по развитию человеческого потенциала, адаптированные к особенностям конкретных территорий. Такой подход позволит не только смягчить социально-экономические диспропорции, но и создать условия для устойчивого и сбалансированного воспроизводства человеческих ресурсов в долгосрочной перспективе.

Список литературы / References

Бежанов, М. К., Бозян, А. П. (2024). Влияние демографических проблем на развитие территории. *Вестник экспертного совета*. № 3 (38). С. 26-31.

Bezhanov, M. K., Bozyan, A. P. (2024). The Impact of Demographic Problems on the Development of the Territory. *Bulletin of the Expert Council*. No. 3 (38). Pp. 26-31. (In Russ.)

Бураншина, Н. А., Смирных, Л. И. (2018). Человеческий капитал мигрантов и конвергенция российских регионов по заработной плате. *Вопросы экономики*. № 12. С. 121-138. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-121-138.

Buranshina, N. A., Smirnykh, L. I. (2018). Human Capital of Migrants and the Convergence of Russian Regions in Wages. *Economic issues*. No. 12. Pp. 121-138. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-121-138. (In Russ.)

Карцева, М. А., Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. (2020). Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния. *Проблемы прогнозирования*. № 4 (181). С. 87-97.

Kartseva, M. A., Mkrtychyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. (2020). Migration in Russia and the Socio-Economic Development of Regions: Analysis of Mutual Influence. *Problems of Forecasting*. No. 4 (181). Pp. 87-97. (In Russ.)

Овод, А. И., Хорляков К. В., Комиссинская, И. Г. (2020). Влияние социально-экономических факторов на число рожениц в Российской Федерации. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. Т. 9. № 1 (30). С. 168-172. DOI: 10.26140/anie-2020-0901-0041.

Ovod, A. I., Khorlyakov, K. V., Komissinskaya, I. G. (2020). The Impact of Socio-Economic Factors on the Number of Women Giving Birth in the Russian Federation. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. Vol. 9. No. 1 (30). Pp. 168-172. DOI: 10.26140/anie-2020-0901-0041. (In Russ.)

Пахомова, О. А., Дубровина, О. А., Лукишин, А. В., Хазов, А. Ю. (2021). Проблемы пространственно-экономического и социально-демографического дисбаланса (на примере Приволжского федерального округа). *Фундаментальные исследования*. № 4. С. 71-77. DOI: 10.17513/fr.43003.

Pakhomova, O. A., Dubrovina, O. A., Lukishin, A. V., Khazov, A. Yu. (2021). Problems of spatial-economic and socio-demographic imbalance (on the example of the Volga Federal District). *Fundamental Research*. No. 4. Pp. 71-77. DOI: 10.17513/fr.43003. (In Russ.)

Степаненкова, Н. М., Степаненкова, М. А. (2022). Оценка влияния социально-экономических факторов на демографические процессы в Российской Федерации. *Креативная экономика*. Т. 16. № 2. С. 771-786. DOI: 10.18334/ce.16.2.114233.

Stepanenkova, N. M., Stepanenkova, M. A. (2022). Assessing the Impact of Socioeconomic Factors on Demographic Processes in the Russian Federation. *Creative Economy*. Vol. 16. No. 2. Pp. 771-786. DOI: 10.18334/ce.16.2.114233. (In Russ.)

Трофимов, В. И., Сунтеев, А. Н., Куценко, Е. И. (2016). Социально-демографическая ситуация и ее роль в формировании эффективной экономики. *Проблемы современной экономики*. № 2 (58). С. 146-150.

Trofimov, V. I., Sunteev, A. N., Kutsenko, E. I. (2016). Socio-Demographic Situation and its Role in the Formation of an Effective Economy. *Problems of modern economy*. No. 2 (58). Pp. 146-150. (In Russ.)

Фаттахов, Р. В., Низамутдинов, М. М., Орешников, В. В. (2018). Социально-экономические и демографические проблемы устойчивого развития регионов Российской Федерации с особым статусом. *Экономика. Налоги. Право*. Т. 11. № 4. С. 90-101. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-4-90-101.

Fattakhov, R. V., Nizamutdinov, M. M., Oreshnikov, V. V. (2018). Socio-Economic and Demographic Problems of Sustainable Development of Regions of the Russian Federation with Special Status. *Economy. Taxes. Law*. Vol. 11. No. 4. Pp. 90-101. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-4-90-101. (In Russ.)

Aritua, B., Chiu, H., Cheng, L., Farrell, Sh., de Langen, P. (2022). *Developing China's Ports: How the Gateways to Economic Prosperity Were Revived*. Washington, DC. XXI, 95 p. [Online]. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/4bd4103f-4d6f-5e00-835b-2d6bad22eec2/content> (Accessed: 26 August 2025).

Margiana, R., Yousefi, H., Afra, A., Agustinus, A., Abdelbasset, W. K., Kuznetsova, M., Mansourimoghadam, S., Ajam, E., Mohammad, J. (2023). The Effect of Toxic air Pollutants on Fertility Men and Women, Fetus and Birth Rate. *Reviews on Environmental Health*. Vol. 38. No. 3. Pp. 565-576. DOI: 10.1515/reveh-2022-0032.

Сведения об авторе / Information about the author

Мамадалиева Эльвира Ринатовна – ведущий специалист Института макроэкономических и региональных исследований Республики Узбекистан, г. Ташкент, e-mail: mamadaliyeva.elvira@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0000-5378-8821>

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

После доработки: 30.01.2026

Принята к публикации: 24.02.2026

Mamadaliyeva Elvira – Leading specialist of the Institute of Macroeconomic and Regional Studies of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, e-mail: mamadaliyeva.elvira@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0000-5378-8821>

The paper was submitted: 26.12.2025

Received after reworking: 30.01.2026

Accepted for publication: 24.02.2026

УДК 1(091) +323 (44)

МЕСТО И РОЛЬ СИБИРИ В ФИЛОСОФИИ ФРАНЦУЗСКИХ «НОВЫХ ПРАВЫХ»

М. Я. Мацевич

Белорусский национальный технический университет (г. Минск, Республика Беларусь)
lentsevich@mail.ru

Аннотация. В статье на примере компаративного анализа различных социально-политических моделей эксплицируется «Сибирь» как новая парадигма исследований, политические и философские постулаты которой должны быть заново обоснованы в контексте «неоевразийства». «Сибирь» как новая эпистемологическая система отсчета олицетворяет цивилизацию в своем собственном праве, которую освободить мир от романо-германского, а затем атлантического влияния, и для этого мобилизовать форму имперского национализма.

Ключевые слова: империя, колониализм, национализм, революция, евразийство, Евросибирь.

Для цитирования: Мацевич, М. Я. (2026). Место и роль Сибири в философии французских «новых правых». *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С.104-113. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.104-113

THE PLACE AND ROLE OF SIBERIA IN THE PHILOSOPHY OF THE FRENCH «NEW RIGHT»

M. Ya. Matsevich

Belarusian National Technical University (Minsk, Republic of Belarus)
lentsevich@mail.ru

Abstract. This article, using a comparative analysis of various socio-political models, explicates «Siberia» as a new research paradigm, whose political and philosophical postulates must be re-founded in the context of «neo-Eurasianism». As a new epistemological frame of reference, «Siberia» embodies a civilization in its own right, destined to liberate the world from Romano-Germanic and then Atlantic influence, and to this end, mobilize a form of imperial nationalism.

Keywords: empire, colonialism, nationalism, revolution, Eurasianism, Eurosiberia.

For citation: Matsevich, M. Ya. (2026). The Place and Role of Siberia in the Philosophy of the French «New Right». *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 104-113. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.104-113

*Мы становимся зверем, чтобы и зверь тоже стал чем-то иным.
Ж. Делез, Ф. Гваттари. «Что такое философия?»*

Американский политолог Крэйг Калхун в книге «Национализм» указывает читателю на любопытный факт, заключающийся в том, что мы замечаем данное явление только тогда, когда оно проявляется в виде конфликта между государством и теми, кто стремится к изменению границ или системы правления.

Во Франции смещение на Восток затрагивает все структуры крайне правого движения, которое исторически было раздроблено и более тридцати лет находилось под доминированием Национального фронта (FN). Это движение часто представляют как перелом в истории крайне правых. Новый европейский порядок, согласно французским «новым правым», направлен на преодоление антагонизма между европейцами в пользу континентальной интеграции. В большинстве своем эти движения использовали термин «европейский национализм» для описания своей идеологии. Речь идет, прежде всего, о притягательности российской неоевразийской идеологии, предлагавшей новую органическую модель этнокультурных обществ от Исландии до Тихого океана. Цель предлагаемой статьи – эксплицировать Россию в качестве страны, занимающей центральное место в философии французских «новых правых» не как просто уникальной политической модели, а как цивилизационной альтернативы либеральному Западу.

Исторически национализм был сопряжен с насилием. Развиваясь волнообразно, он постоянно оставлял надежду ученым считать его издержкой прошлых времен. Но за открытой националистической борьбой скрывались и скрываются более глубокие, интимные структуры коллективных идентичностей. И обращение к французским «новым правым», к «академической среде» в контексте данной статьи есть попытка репрезентации того обстоятельства, что «правый» уклон, «академизм» как радикализованный национализм есть не просто аксиологический фетиш, а, во-первых, дискурс и, во-вторых, проект, и в последнюю очередь – способ оценки [Калхун, 2006, с. 32-33].

То есть «академизм» в смысле идентичности в современную эпоху не возникает самопроизвольно. Он формируется активным участием культурных производителей, ученых и политических лидеров. Как не кажется парадоксальным на первый взгляд, но представители «академической элиты» чаще всего оказываются представителями подчиненных этнических или региональных групп. Нередко, пренебрежительное отношение к их деятельности и ограничение карьерного роста в имперском аппарате давали повод для формирования академических фашизированных идентичностей, стремящихся не столько к культурному, профессиональному признанию, сколько к эстетизации, гедонизации самого процесса признанности. Отсюда как особая разновидность возникают и колониальные «академические элиты». С точки зрения британского политолога Дж. Андерсона, не в имперских метрополиях, а в колониях люди впервые начинают воспринимать себя как представителей определенных национальностей [Калхун, 2006, с. 608]. Например, в одной из статей белорусский философ Т. Г. Румянцева рассуждает о советском периоде жизни и русском языке. «В результате такого “словотворения” появляется так называемый “новый русский язык”, который вслед за Джорджем Оруэллом справедливо называют советским “новоязом”, ассоциирующимся с языковым стилем политической пропаганды и агитации, использующей многочисленные, специально создаваемые неологизмы и эвфемизмы, искажающие или же напрямую скрывающие истинное положение вещей. Но это уже тема другого доклада о том, какое влияние оказал “новый” русский идеологический язык на жизнь Советского общества, обеспечивая людей их соответствующими дозволенными знаковыми средствами, с помощью которых они бы свято воспринимали окружающую социальную действительность» [Румянцева, 2021, с. 337]. В цитируемой статье достаточно много аналогичных пассажей в адрес «имперских притязаний», «особого пути», «православного мессианизма» России, выглядевших, по мнению автора, «исключительно архаично»

[Там же, с. 328]. Однако на каких конгрессах и конференциях выступает сама Т. Г. Румянцева, какими иными иностранными языками владеет, и на каком языке думает, пишет? Неужели и на нее подействовал «архаичный» дискурс? «Чьи уста говорят неправду и у кого каждая клятва ложна?» (Пс. 143:8).

Так в колониальной академической среде отдельные «академически элиты» начинают презирать своих коллег и создавать новые гражданские объединения, создавать «нового человека», «специалиста», «профи». В «космополисе» или империи люди, не являясь собственно гражданами, могут вести аполитическое существование, современный же тип националистических государств требует от человека участия, общения. Именно потому, что современные государства опираются на граждан, а не на подданных, культурная политика для них сопрягается с террором и насилием [Калхун, 2006, с. 218].

Вышеозначенный террор может быть имплицитным, эксплицитным, светским, религиозным. Так или иначе, постепенно он становится перманентным двигателем социального прогресса, нравственным императивом и креативной установкой.

Знаменитый тезис С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» популярен благодаря его использованию в определенных кругах. Хотя национализм часто ассоциируется с крайне правыми, многие – от «новых правых» до идентаристов – на самом деле придерживаются формы панъевропейского национализма и отождествляют себя, прежде всего, с европейским цивилизационным пространством, одним из компонентов которого может быть христианство.

Под влиянием французского философского авангардизма в лице «археологии власти», грамматиологии, постфрейдизма, структурализма, шизоанализа, семиологии и др. сложилась новая теологическая парадигма, которую, по мнению Ф. И. Гуссейнова, можно было бы назвать «посттеизмом» [Гуссейнов, 1991]. Речь идет о новом типе религиозности и вопросе о перспективах религиозного сознания.

Основными предпосылками посттеизма, выразившимися в ангелологии, можно считать три идеи: во-первых, кризис центральной идеи религиозного сознания – идеи Бога, а также путей и средств ее преодоления. Во-вторых, переосмысление религиозного опыта, статуса «веры», когда она превращается в «способ существования». В-третьих, происходит антропологизация общей религиозной проблематики [Гуссейнов, 1991].

Круг религиозных проблем разрабатывали пять авторов: Бернар-Анри Леви, Ги Лярдро, Кристиан Жамбе, Филипп Немо и Морис Клавель. Жамбе и Лярдро в отличие от остальных, работавших в относительно традиционном стиле (сохранение старинной символики, приверженность идее Бога, Апокалипсиса, догматам и пр.) предложили оригинальное учение, относящееся к французскому философскому авангарду – «негативную теологию Ангела», или проще – «ангелология».

Основные ее положения Жамбе и Лярдро изложили в совместном трехтомном труде «Онтология революции» (Т. 1. «Ангел», Т. 3. «Мир. Ответ на вопрос: что такое права человека?»). С самого рождения субъект натывается на «упорядочивающие коды культуры». А так как, согласно Лярдро, природы не существует, а существуют только дискурсы, то реальность есть чистое угнетение, и «оно не есть просто реальное, а выступает всегда и только как власть» [Lardreau, Jambet, 1976, p. 49]. Мир, следовательно, оказывается иллюзией, «видимостью», «любовью к господину». Вместо лакановской триады: «реальное», «воображаемое», «символическое» в игру вступают «желаемое», «видимое», «дискурс

властителя и подчиненного». Ангелисты выдвинули группу символов, предложили интерпретацию этих символов и задали особый ракурс видения мира [Гуссейнов, 1991]. Категориальный аппарат ангелологии располагается вокруг трех основных концептов: «господин», «бунтарь», «ангел». Основными протагонистами являются «господин» и «ангел», изначальный дуализм которых покоится в основании всего сущего.

Используя в качестве эпиграфа к своему труду слова Р. Рильке о том, что «каждый ангел ужасен», Лярдро и Жамбе пытаются все-таки очертить границы возможного протеста, бунта. Несмотря на то, что дискурсы властителя и подчиненного являются замкнутой символической системой и работают подобно математической аксиоматике, авторы предлагают читателю все равно «заключить пари» и желать, бунтовать, т. к. «все желания принадлежат властителю», отсюда «бунт всегда говорит только языком “властителя”» [Lardreau, Jambet, 1976, p. 62].

«Пари» – вечное парение в зазоре, «бытие между», пари как вера в Бога, вера в «ангела», «господина», господство и угнетение уже на другом уровне, в другой реальности. Под «пари» подразумевался также отказ от идеалов как культурных, революционных, так и от политических. Так как в конечном счете история сводится к борьбе между подавляемым и подавляющим, человек нуждается в поддержании «веры в добро», нуждается в награде за долготерпение и подобной наградой становится «бунт». Показывая, что и философия является только набором инструментов господства, одной из возможных общепринятых установок, одним из тоталитаризированных способов видения мира, Жамбе и Лярдро невольно открывают нам зазор к набожности, набожности как «бунту пари». Мы невольно начинаем веровать – веровать, ибо абсурдно, веровать вопреки, веровать, бунтуя, ибо без нее, без этой веры, власть и подчинение оказываются вечными.

Добро не культивируется внешними условиями среды, ни даже творческими усилиями, оно светит в душе независимо от всего и раскрывается в свете проблемы отношения к вечности, в свете идеи спасения другого, творческого искупления и созидания. Какова бы ни была ступень человеческого прогресса, один только идеал любви поможет прокладывать свой путь в океане жизни. Именно потеря универсального естественного идеала красоты, гармонии приводит к катастрофам в жизни людей и всего человечества вообще. Причина паралича современного прогресса – не что иное, как потеря любви, сострадания, великодушия.

Жамбе и Лярдо разорвали материю истории на «мир господина» (линейное время) и «мир бунтующего» (вневременной аспект). Возвращаясь к вопросу о христианстве, примером противоборства «ангела» и «господина» «новые философы» считают историю древнего христианства. Христианство для них становится формой эманации священной войны истории в историю профанную. В формировании людей, которые думают «как все», чувствуют «как все», и состоит «варварство» нашего времени. «Поэтому “новые философы” переформулируют проблему морали следующим образом: какую придать ей форму, “... чтобы в мире было возможно меньше варварства” [Lardreau, Jambet, 1976, p. 27]. Избавление от “варварства”, полагают они, возможно лишь вместе с избавлением от интеллекта и желания. Человеку остается лишь “... питать надежду на иной мир, который не дает правила для этой жизни, не ведет нас больше здесь и теперь, в этом мире, но позволяет заключить невозможное пари” [Ibid., p. 28]. Таким способом К. Жамбе и Г. Лярдро пытаются обосновать моральное поведение человека, возможное только как индивидуальный

“моральный протест”. Нравственный протест “ангела” рассматривается как альтернатива революции, которая неизбежно заканчивается террором. Образцы этого “ангельского пари” “новые философы” находят “в некоторых аспектах первоначального христианства и китайской культурной революции” [Ibid., p. 29]. В то же время для неофилософской концепции в целом характерно негативное отношение к истории человечества. Г. Лярдро, в частности, полагает, что прошлого вообще не существует, имеется только вечно настоящее, проецируемое на прошлое» [Кусаинов, 2003, с. 64].

Джордж Сантаяна, испано-американский философ, в «Жизни разума» рассуждал, что человеческие идеи имеют чисто символическое значение, они – «внутренние ноты, звучащие под воздействием человеческих страстей и искусств» [Santayana, 1998, p. 249]. Эти идеи рациональны только в силу той жизненной гармонии, которую разум вводит в иррационализм окружающей действительности. Задача человеческой жизни отсюда сводится к приспособлению наших фантазий относительно фактов и возможностей этого мира. Человек должен прогрессивно организовать свои иррациональные импульсы, эксплицируя рациональную мысль.

В развитии общества Дж. Сантаяна видел постоянную консолидацию иррациональных импульсов. Общество проходит в своем развитии три стадии: 1) «естественная» – адаптация человека к реальности, удовлетворение потребностей; 2) «свободное общество» – человек пытается реализовать себя как личность, осваивая различные социальные роли; 3) «идеальное общество» – общество индивидов, управляющих по законам красоты, истины, религии. Картина «идеального общества» – суть общество элитарного типа. Дж. Сантаяна не приемлет демократии, т. к. она уничтожает «лучших», разрушает аристократизм духа и санкционирует примитивизм «среднего человека» [Santayana, 1998, p. 125].

В книге «Господство и власть» [Santayana, 1951] он рассматривал историю как смену трех порядков власти: «порождающего», «воинственного» и «рационального». Осуждая милитаризм, Дж. Сантаяна связывал его с демократией, с коммунизмом, с диктатурой пролетариата. Американская и русская демократии для него были определенными способами рационализации власти, отупения, омащования человека, превращения индивида в положительное, законопослушное однообразное единство. В выше представленной книге автором также подчеркивалось, что различие господства (dominations) и власти (power) есть различие не физическое, а моральное. Власть – это, прежде всего, власть духа, власть силы харизмы, власть Бога или мира. Господство – чья-то точка зрения, легальная рационализированная позиция общего согласия, универсализированная юрисдикция [Santayana, 1951, p. 434]. В чем же духовная власть Сибири, которой так интересуются французские «новые правые»?

«Новые правые» – одна из самых интересных школ мысли в политическом ландшафте французских праворадикальных движений, зародившаяся осенью 1967 г. Благодаря своему долголетию они претерпели несколько доктринальных обновлений. Состоящая из нескольких порой антагонистических течений, их основной структурой остается GRECE (группа исследований европейской цивилизации), отвергающая западные ценности. Однако ее нонконформизм создает проблему их классификации в области политической науки. Немецкие, итальянские и бельгийские «новые правые» возникли в 1970-х гг. вслед за французскими «новыми правыми» [Taguieff, 1994, p. 33].

Ален де Бенуа, видный представитель «новых правых», в своей работе «Европа, третий мир, единая борьба» [De Benoist, 1986] предлагает глубокий анализ экономики колонизации. Автор рассматривает спектр идеологий, как способствовавших ее развитию, так и борющихся с ней, охватывая период от зарождения колониализма в XIX в. до левых течений 1970-х гг., когда концепция «третьего мира» стала отражением этих последствий. Анализирует это, по сути, через призму национализма, он напоминает, с одной стороны, о том, что в то время в Западной Европе существовали две формы национализма: одна – «реваншистского», сосредоточенного на континенте, и другая – «имперского» типа, ориентированного на экспансию. Но смысл книги не ограничивается простым прочтением истории. Бенуа использует изложенное для того, чтобы показать, что, изобретая, а затем раскритиковав колониализм, Европа, в свою очередь, усвоила колониальный менталитет. В середине 1980-х гг., на пике Холодной войны, будущее Европы было зажато между двумя полюсами, навязанными новой формой колониального отчуждения. Советский строй ограничивал индивидуальные свободы, в то время как западный либерализм подрывал органические общества, обезличивая народы. В этом свете идея возможного объединения Европы и «третьего мира» в борьбе за автономию не подразумевает их тождества. Скорее, она указывает на то, что оба региона лишились законного суверенитета. Таким образом, объединение Европы и «третьего мира» в «единой борьбе» обусловлено их фундаментальными различиями в организации и мировосприятии. Эти различия делают их невосприимчивыми к ассимиляции, подчеркивая важность сохранения самобытности [Ibid., p. 255].

В этом контексте быть на крайне правом фланге – непростая задача. Перед теми, кто упорствует, открываются три пути. Первый – маргинальность. Крайне правые группы существуют с конца Второй мировой войны в различных формах в большинстве европейских стран. Они изредка проникают в общественную сферу, но остаются, по сути, условно фольклорными. Второй – электоральный путь. Именно его с 1970-х гг. выбирает «Национальный фронт» и его аналоги по всему континенту. В зависимости от кризисов капитализма и идеологических перестроек, некоторые из этих партий сейчас находятся у власти или вот-вот придут к власти. Этот долгосрочный процесс подразумевает дистанцирование, более или менее выраженное в зависимости от случая, от исторического доминирования национализма. Третий – культурный путь. Именно его выбрали А. де Бенуа и «Новые правые». Цель в этом случае – привнести крайне правые идеи в мейнстрим, «дегитратировать» их. Резкая критика крайне правого дискурса была разработана еще в конце Алжирской войны, в 1964 г., Домиником Веннером в брошюре под названием «Pour une critique positive» (За позитивную критику), часто называемой «Que faire? de l'extrême droite française» (Что делать? От французских новых правых). Эта брошюра была переиздана в 2013 г. организацией «Блок идентичности» [Venner, 1964].

Ален де Бенуа симпатизирует идее «четвертой политической теории» [De Benoist, 2022]. Он объясняет ее, последовательно обращаясь к теории А. Г. Дугина [Дугин, 2009]. Современность постепенно породила три основные конкурирующие политические доктрины: либерализм в XVIII в., социализм в XIX в. и фашизм в XX в. В книге, посвященной этой теме, Дугин, во многом отталкиваясь от идей Е. Головина, развивает идею о необходимости создания «четвертой политической теории», подытоживающей предыдущие, не отождествляясь ни с одной из них.

В глазах Дугина XXI в. станет веком четвертого Номоса Земли (общего порядка властных отношений в международном масштабе). Первый Номос, век народов, живущих относительно обособленно, завершился открытием Нового Света. Второй Номос, представленный европоцентричным порядком современных государств (Вестфальским порядком), – Первой мировой войной. Третий Номос царил с 1945 г., с Ялтинской системой и американо-советским кондоминиумом. Каким же будет четвертый Номос? По мнению Дугина, он примет форму либо однополярного, американоцентричного мира, либо, напротив, многополярного, где «цивилизационные государства» и обширные континентальные пространства, являющиеся одновременно автономными державами и очагами развития цивилизации, будут играть регулирующую роль в глобализации, сохраняя тем самым многообразие образов жизни и культур.

Сибирь, несомненно, является пространством, всегда делающим Россию империей. Обширный субконтинент, контуры которого постоянно требуют ментального освоения или инкорпорирования. Сложное «становление Сибири», соответствующие изменения ее когнитивных карт всегда интересовали не только русскую элиту. Эти усилия нашли свое отражение в исследованиях и современных французских «новых правых». Сибирь всегда представляла среду на стыке науки и политики, формирующую и поддерживающую имперскую мысль.

Мари ле Пен, например, заявляла, что «нам крайне необходимо договориться с Россией, чтобы спасти Северную Европу и белый мир. Северная Европа объединяет славян, а также Сибирь» [Le Pen, 2012, p. 225]. Эти слова явно соответствуют линии французского философа Гийома Фая, члена «новых правых», провозгласившего себя апостолом «Евросибири», которая должна была привести к созданию «Севера», скандинавской белой расовой империи.

В продолжение этой идеи на Международной конференции «Будущее белого мира», проходившей в Москве 8–10 июня 2006 г., он предложил создать альянс между «Евросибирью» и всеми белыми народами европейского происхождения. Это он именовал «идеей Севера» [Головин, 2018]. По его словам, речь идет о создании «этносфер», т. е. «групп территорий, где господствуют этнически родственные народы» [Faye, 2001, p. 119]. Представленная концепция основана на идее существования «биологического корня народа и цивилизации, на котором покоится ее этническая основа» [Ibid., p. 128].

Фай называл идею континентального союза всех народов европейского происхождения, от Франции до России, от Атлантики до Тихого океана, «Евросибирью», правильнее говорить о «Евро-России», поскольку Сибирь – это, по сути, географический термин, а Россия – этнический и исторический [Фай, 2005].

Страх европейцев перед Сибирью связан не столько с самой огромной холодной землей, сколько с российским государством и военной мощью, исходящими из нее или связанными с ней, подпитываемый историческими конфликтами (такими как война Наполеона, Первая мировая война), нарративами холодной войны, порождающими глубоко укоренившуюся русофобию, ассоциирующейся в восприятии с российской непредсказуемостью, авторитаризмом и стремлением доминировать в Европе. Этот страх проявляется в виде опасений по поводу прямого вторжения (особенно в Восточную Европу), слабости обороны и предполагаемой угрозы существованию европейской безопасности, что часто приводит к призывам к сдерживанию.

Энциклопедии и словари эпохи Просвещения дают интересное представление о Сибири. Они позволяют нам понять, что широкая публика, читавшая эти энциклопедии в XVIII в., знала об этой части Европы. «Энциклопедия» Д. Дидро содержит несколько статей, посвященных Сибири и сибирякам. Изучают, анализируют геополитический потенциал Сибири и сегодня. Очень важно, что пусть и критически, европейские гуманитарии, политологи знакомы с трудами, идеологической позицией К. Б. Раша [Раш, 1989]. Новая геостратегическая конфигурация, формирующаяся сегодня, требует возвращения к первоначальной идее – восточному поворотному пункту для всей России с акцентом на развитие всей Сибири. Сегодня нам необходима, как отмечает политологом С. Карагановым, метафорическая «сибиризация» всей страны.

Развитие Сибири не только обогащает Россию, но и проверяет мудрость всего человечества. Сибирь на древнетюркском языке переводится как «земля мира». Именно Сибирь и Дальний Восток делают Россию такой, какая она есть. Сибирь и Дальний Восток – это не вся Россия, но без них Россия была бы совершенно другой страной. Освоение Сибири усилило географический контраст России, превратив ее не только в европейскую, но и в азиатско-тихоокеанскую страну. Это также укрепило ее характер как многонациональной и многокультурной страны. Сибирь в этом контексте представляет собой необъятную, первозданную природу и альтернативу материалистическому Западу. История Сибири – прежде всего, история геополитической, метафизической власти: о том, как люди используют власть и как она влияет на людей. История Сибири – это также история о силе определения, о силе идентичности, о силе решать, что правильно, а что неправильно, что истинно, а что ложно. О силе толковать прошлое и тем самым управлять настоящим и будущим.

Таким образом, «евросибирский» проект в идеологии французских «новых правых» основан на переосмыслении ценностей: 1) прекратить ставить англосаксонский, американоморфный и западный мир в центр этнического, политического и экономического будущего белых народов европейского происхождения, 2) заменить его «Евросибирским» блоком, который должен быть построен от оконечности Бретани до Берингова пролива, «от болот до степей и от фьордов до маквисов». Именно вокруг «Евросибири», вокруг матричной территории, должны объединиться все братские народы, включая народы с американского континента и из других регионов. «Новые правые» считают, что у нас была общая и славная история, в которой мы достойно сражались. И теперь мы должны снова объединиться, заново обрести наши корни, потому что у нас общие враги, и мы, по сути, принадлежим к одной цивилизации, и мы «братья» на одной культурно-цивилизационной земле.

Список литературы / References

- Головин, Е. В. (2018). *Приближение к Снежной королеве*. М.: Касталья.
Golovin, E. V. (2018). *Approaching the Snow Queen*. Moscow. (In Russ.)

Гуссейнов, Ф. И. (1991). *Французская анжелология. (Теологическая парадигма «новой философии»)*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Специальность 09.00.06 – Теория и история религии, свободомыслия и атеизма. М. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/frantsuzskaya-angelologiya> (дата обращения: 23.12.2025).

Husseinov, F. I. (1991). *French Angelology. (The theological paradigm of the «new philosophy»)*. Extended Abstract of Candidate's Thesis. Moscow. [Online]. Available at: <http://cheloveknauka.com/frantsuzskaya-angelologiya>. (Accessed: 23 December 2025). (In Russ.)

Дугин, А. Г. (2009). *Четвертая политическая теория*. СПб.: Амфора.
Dugin, A. G. (2009). *The Fourth Political Theory*. St. Petersburg. (In Russ.)

Калхун, К. (2006). *Национализм*. М.: «Территория будущего».
Calhoun, K. (2006). *Nationalism*. Moscow. (In Russ.)

Кусаинов, А. А. (2003). *Французская «новая философия» и культура постмодерна*. Волгоград: ВолГУ.

Kusainov, A. A. (2003). *French «New Philosophy» and Postmodern Culture*. Volgograd. (In Russ.)

Раш, К. (1989). *Сибиряки против СС: Военная повесть*. М.: Худож. лит.
Rush, K. (1989). *Siberians Against the SS. The Military Tale*. Moscow. (In Russ.)

Румянцева, Т. Г. (2021). От православного мессианизма к доктрине «мировой революции»: преемственность или радикальный разрыв с прошлым? *Вестник РУДН. Серия: Философия*. № 2. С. 328-340.

Rumyantseva, T. G. (2021). From Orthodox Messianism to the Doctrine of the «World Revolution»: Continuity or a Radical Break with the Past? *RUDN Journal of Philosophy*. No. 2. Pp. 328-340. (In Russ.)

Фай, Г. (2005). *Всемирный переворот. Эссе о новом американском империализме*. Пер. с фр. А. М. Иванова. М.: Слава.

Fai, G. (2005). *A Worldwide Revolution. An Essay on the New American Imperialism*. Ivanov, A. M. (transl.). Moscow. (In Russ.)

De Benoist, A. (1986). *Europe, Tiers monde, même combat*. Paris: Robert Laffont, Franc-Parler.

De Benoist, A. (2022). *Contre l'esprit du temps – explications*. Paris. Nouvelle Librairie.

Faye, G. (2001). *Pourquoi nous combattons. Manifeste de la Résistance européenne*. L'Æncre.

Lardreau, G., Jambet, C. (1976). *Ontologie de la révolution. L'ange*. Paris. B. Grasset.

Le Pen, M. (2012). *Pour que vive la France*. Paris: Grancher.

Santayana, G. (1998). *The Life of Reason*. NY. Prometheus Books.

Santayana, G. (1951). *Domination and Powers: Reflections on Liberty, Society and Government*. NY. Charles Scribner's Sons.

Taguieff, P.-A. (1994). *Sur la Nouvelle droite*. Paris. Descartes et Cie.

Venner, D. (1964). *Pour une critique positive*. Paris. Éditions Saint-Just.

Сведения об авторе / Information about the author

Мацевич Мария Янушевна – кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления инновационными проектами в промышленности Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 67, e-mail: lentsevich@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0975-6175>.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

После доработки: 20.01.2026

Принята к публикации: 24.02.2026

Matsevich Maryia – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Innovative Projects in Industry of the Belarusian National Technical University, Republic Belarus, Minsk, Independence Ave., 67, e-mail: lentsevich@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0975-6175>.

The paper was submitted: 26.12.2025

Received after reworking: 20.01.2026

Accepted for publication: 24.02.2026

УДК 304.5

НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЦЕЛИ И УСЛОВИЯ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. Разные возможности и эффективность трансграничного и наднационального партнерства обусловлены как современной ситуацией, так и предысторией геополитических, торгово-экономических и иных связей. Россия географически, культурно и политически – часть Европы и Азии. В историческом смысле Европа, вовсе не чуждый нам мир и пространство. Восточноазиатский разворот – в значительной степени вынужденная мера, следствие коренным образом изменившихся возможностей партнерства в западном мире. Одной из стратегических задач сотрудничества является сохранение государствами своего влияния и контроля над территориями и ресурсами. Неоспоримым приоритетом дифференцированной кооперации в восточноазиатском регионе, как для нашей страны, так и для других ее участников, являются собственные национальные интересы.

Ключевые слова: интеграционные проекты, межгосударственное регулирование.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2026). Наднациональная инфраструктурная интеграция: цели и условия. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 114-121. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.114-121

SUPERNATIONAL INFRASTRUCTURE INTEGRATION: OBJECTIVES AND CONDITIONS

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. The possibilities and effectiveness of cross-border and supranational partnerships are determined both by the current situation and by the history of geopolitical, trade, economic, and other ties. Geographically, culturally, and politically, Russia is part of both Europe and Asia. In a historical sense, Europe is not at all a foreign world and space to us. The East Asian pivot is largely a forced measure – a consequence of the radically changed opportunities for partnership in the Western world. One of the strategic objectives of cooperation is for states to maintain their influence and control over territories and resources. The indisputable priority of differentiated cooperation in the East Asian region, both for our country and for other participants, is their own national interests.

Keywords: integration projects, intergovernmental regulation.

For citation: Solodova, G. S. (2026). Supernational Infrastructure Integration: Objectives and Conditions. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 114-121. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.114-121

Обращаясь к принципам и механизмам внутри- и межцивилизационной интеграции в евразийском социокультурном пространстве, было бы полезным сделать небольшое уточнение. Говоря о евразийском пространстве, помимо России, в первую очередь мы будем

иметь в виду государства Центральной Азии и Китай. На протяжении XIX в. большая часть этих территорий входила в состав Российской и Цинской империй. Современное неприятие Китаем имперской самоидентификации не отменяет его культурного многообразия и реального государственно-политического статуса. Данное пояснение имеет смысл, т. к. может накладывать отпечаток на характер региональных интеграционных процессов.

Несколько теоретических комментариев. Интеграционные процессы принято подразделять на три уровня – локальный (групповой), национальный (внутригосударственный) и наднациональный (глобализационный, в т. ч. межгосударственный, выходящий за пределы национальных границ). В данной статье мы сосредоточимся на третьем уровне. Еще один аспект – уточнение степени синонимичности понятий межгосударственный и наднациональный. Для начала отметим их неодинаковую историческую укорененность. Межгосударственная, трансграничная форма взаимодействий является первичным, базовым уровнем договоренностей. Она предполагает субъектность и суверенность всех договаривающихся политий. Передача управленческих полномочий, создание некой надгосударственной структуры, наделенной большей властью, нежели каждое из государств, не предполагается. Более поздней и организационно более сложной формой межгосударственного регулирования и интеграции являются наднациональные объединения. Теперь уже классическим примером надгосударственной интеграции стал Европейский Союз, образованный в 1993 г. В основе ЕС единые экономический и валютный рынок, внешняя политика, сотрудничество в области правосудия и единое гражданство. Наличие единого надгосударственного руководства, общих политических, экономических и социальных (гражданских) институтов предполагает делегирование части своих полномочий и суверенитета европейским структурам, решения которых обязательны для стран-членов ЕС. Предполагается, что плюсы, выгоды от коллективных действий и сотрудничества должны превышать издержки от делегирования части государственного суверенитета. Одна из основных предпосылок создания наднациональных органов управления – усложнение и интенсификация международной, в том числе экономической взаимозависимости, процессы глобализации в целом.

Для большей артикуляции наднационального аспекта межгосударственных взаимодействий, полезно обратиться к понятию наднационального механизма как совокупности правил и процедур, порядка функционирования экономических и политических систем, одобренных суверенными государствами и соответствующих требованиям международной организации. Принципиально важным является то, что эти правила могут выходить из-под национально-государственного контроля. Степень передачи контроля заранее определяется международными договоренностями и соглашениями. Ключевым проявлением наднационального механизма служит формирование независимых наднациональных институтов и органов управления, например, Центрального банка, Энергетического или Банковского союзов [Галушко, Глазатова и др., 2023, с. 39]. Бесспорным выражением наднационального инфраструктурного регулирования является Евразийская экономическая комиссия. В своей деятельности ЕЭК «руководствуется интересами стран-участниц проекта евразийской экономической интеграции в целом, не мотивируя свои решения интересом какого-либо из национальных правительств. Решения Комиссии обязательны для исполнения на территории стран-участниц ЕАЭС. Все принимаемые решения основаны на коллегиальной основе. Основными принципами деятельности ЕЭК являются избегание политизации, стремление к балансу интересов, эффективности и прозрачности.

Среди основных направлений деятельности Евразийской экономической комиссии – установление торговых режимов в отношении третьих стран; макроэкономическая политика; конкурентная политика; статистика внешней и взаимной торговли; валютная политика; таможенное регулирование и администрирование; трудовая миграция; информационно-коммуникационные технологии; техническое регулирование и др.»¹

В некоторых случаях косвенным, но не строгим отличием межгосударственного и надгосударственного взаимодействия является число стран интеграционного процесса. Увеличение круга участников предполагает более сложную структуру регулирования, затрудняет достижение согласия и углубление кооперации. Помимо этого, наднациональное сотрудничество предполагает высокую степень однородности, что потенциально ограничивает и усложняет дальнейшее расширение.

1. Предпосылки и цели интеграции. Ответить на вопрос, чем обусловлена целесообразность межгосударственного взаимодействия и потребность в создании экономических, политических и иных объединений и систем, наверное, довольно просто. Ответ лежит на поверхности и, возможно, выглядит несколько клишированным. В современных, крайне изменчивых и нестабильных геополитических условиях государства в особенности нуждаются во взаимной поддержке. Международная кооперация служит ответом как на локальные проблемы отдельных стран, так и на глобальные вызовы, связанные с санкциями, дефицитом ресурсов и технологий, усложнением ситуации на внешнем и внутреннем рынках в целом. Как ни парадоксально, но партнерство является одним из условий обретения и сохранения устойчивости и суверенитета. Однако продолжительность разного рода коопераций может быть различной. Зачастую их ценность определяется ситуацией, важностью, как говорят, «в моменте».

Ключевой предпосылкой, обеспечивающей возможность интеграционных процессов, является отсутствие выраженных политических разногласий между участниками потенциального объединения. Еще одна предпосылка – географическое, региональное соседство, общие границы, исторически сложившиеся взаимодействия, создающие ощущение естественности и уместности партнерства и кооперации. Шлейф торгово-экономических, в том числе приграничных связей подготавливает почву для взаимопонимания.

Названные и иные обстоятельства создают основу для межгосударственной интеграции, однако ее отраслевая направленность и практическая реализация требуют дополнительной проработки и целевых усилий.

2. Потенциальные сферы евразийского сотрудничества. Традиционными, но в разные периоды и в разной степени стратегически важными направлениями интеграции считаются политика, экономика, финансовая и технологическая сферы. Практика показывает, что испокон веков, это, в первую очередь, торговое и хозяйственно-экономическое сотрудничество. Так в XVI–XVII вв. основными статьями российского экспорта были меха, лес, лен, пенька, мед, воск. В дальнейшем – металлы, зерно, в XX в. – нефть и газ. Ввозились, соответственно, шерстяные и шелковые ткани, бумага, чай, вина, сахар, хлопок, металл, оружие. Среди основных торговых партнеров были и европейские и восточные соседи – Англия, Голландия, Швеция, Речь Посполитая, Литва, Персия, ханства Центральной Азии, Индия, Китай. В основе торгово-экономических связей – потребность в сырьевом, товарном

¹Общая информация о ЕЭК. [Электронный ресурс]. *Евразийская экономическая комиссия*. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/about/> (дата обращения: 10.11.2025).

дополнении, комплементарность экономик. Неким историческим прообразом политической и экономической интеграции не государств, а еще свободных городов, стал образованный в XIII в. Ганзейский союз. В любом случае, кооперация создает более крупный и емкий рынок, способствует стимулированию экономического роста торговых партнеров. Хотя результат последнего может быть не вполне равнозначным и сбалансированным.

Согласно теперь уже классической модели, предложенной венгерским экономистом Белом Балассом, региональная экономическая интеграция включает пять этапов и форм сближения экономик и углубления интеграции. Это введение зоны свободной торговли; создание таможенного союза; общего рынка, предполагающего свободное движение капитала и рабочей силы; экономического союза как способа координации экономической и фискальной политики и унификации законодательства и, наконец, полная экономическая интеграция [Balassa, 1961]. Примером последней, включающей общую валюту и единую денежно-кредитную политику, несмотря на определенные сложности, является уже упомянутый Европейский союз.

Другим примером современного наднационального сотрудничества является относительно молодой Евразийский экономический союз, основанный в 2015 г. Это первый успешный интеграционный проект, объединивший постсоветские государства. Целью союза является всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности. Основная задача – повышение жизненного уровня населения и стабильное развитие каждого из государств². При этом главным интегральным показателем эффективности работы экономик является увеличение их темпа роста. В документах ЕАЭС отмечается, что это «международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью», в которой «обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики». Диапазон потенциального развития ЕАЭС достаточно широк и включает такие сектора экономики как автомобильная и химическая промышленность, транспортное машиностроение, микроэлектроника, авиастроение, судостроение, фармацевтика, цифровые экосистемы, альтернативная энергетика, сельскохозяйственное машиностроение, биотехнологии, семеноводство³. Однако, помимо политических решений о наднациональной научно-технической кооперации, необходимо создание общих технологических платформ, обеспечивающих реализацию совместных инфраструктурных проектов.

Продолжением иллюстрации евразийского сотрудничества служит проект «Один пояс – один путь», как некая расширенная реконструкция Великого Шелкового пути. Данная инициатива предполагает преобразование евразийской трансграничной транспортно-логистической, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры. Сближение национальных экономик планируется за счет выстраивания масштабных экономических коридоров с исходной точкой в Китае: Китай – Центральная Азия – Ближний Восток, Китай – Юго-Восточная Азия и Китай – Казахстан – Россия – Европа, Китай – Индийский океан – Европа, Китай – Индийский океан – Африка и Китай – Юго-Восточная Азия – южная

² Официальная информация. [Электронный ресурс]. *Евразийский экономический союз*. URL: <https://www.eaeunion.org/#info> (дата обращения: 20.07.2025).

³ Обращение Президента России В. В. Путина к главам государств – членам Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 03.11.2025).

часть Тихого океана. Реализация ОПОП предусматривает комплексное макроэкономическое развитие в сочетании с расширением межгосударственных отношений посредством наращивания контактов между людьми. По сути, речь идет о долгосрочной многовекторной стратегии формирования Китаем «зоны совместного развития» со странами, расположенными «в орбите» планируемых маршрутов⁴.

Особенностью проекта «Один пояс – один путь» является то, что он имеет не только внешнеэкономическое, но и большое внутригосударственное значение. ОПОП создает инфраструктурный каркас для экономической интеграции западных регионов Китая, их перехода из периферийного положения в торговые и производственные хабы. В качестве планируемого следствия снижения изолированности регионов станет не только их экономический рост, но и более успешное строительство «общности китайской нации», ставящей общегражданскую принадлежность выше локальных и региональных идентичностей. «Великое возрождение китайской нации», в том числе как инструмент предотвращения сепаратизма, является стратегической целью государства и инструментом обеспечения политической стабильности и долгосрочного развития.

Среди других значимых межправительственных организаций, расположенных на Евразийском пространстве, назовем Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), стратегическим партнером которой Россия является с 2018 г. Менее традиционным, чем экономическое, и в большей степени характерным для современных обществ проявлением интеграционных процессов является формирование глобальных информационных сетей и создание международных объединений, в том числе неправительственных организаций. В фокусе интересов подобных проектов не только сами социогуманитарные аспекты взаимозависимости, но и их последствия.

3. Немаловажный вопрос – условия, принципы международной интеграции.

К общим принципам международной кооперации принято относить:

- принцип суверенного равенства всех государств участников регионального взаимодействия;
- наличие общих взаимовыгодных и взаимодополняющих интересов, отвечающих национальным потребностям;
- нахождение баланса между национальными и наднациональными интересами;
- выработка и принятие приемлемых для всех участников единых подходов и правил, сближение законодательств, установление сопоставимого нормативно-правового регулирования, «дорожных карт» взаимодействия в отдельных сферах⁵.

4. Следующий аспект – понимание роли России в этом процессе. Здесь с неизбежностью мы должны обратиться к географическому фактору. Обращаясь к истории понятия Евразии, отметим, что первоначально это слово имело исключительно узко-географический смысл, было совершенно нейтральным и лишенным какой-либо культурной подоплеки. Новое, оценочное наполнение пришло позднее. Европейское по культуре и географии ядро

⁴ О китайской инициативе «Один пояс, один путь». [Электронный ресурс]. *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 29.07.2025).

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе. [Электронный ресурс]. *Министерство экономического развития Российской Федерации*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

страны дополнилось восточными землями и народами. В результате российская культура не является исключительно европейской. С одной стороны, принятие православия означало вхождение в христианскую цивилизацию. Европейский статус России был заложен Петром I и в дальнейшем закреплён Екатериной II. В первой главе «Наказа комиссии о сочинении проекта нового Уложения» 1767 г. прямо утверждается: «Россия есть европейская держава ... Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такая удобства, каких он и сам не ожидал»⁶. В то же время «От монгольского периода мы унаследовали веротерпимость и культурную открытость. Строя свою империю, мы, в отличие от европейцев, не уничтожали, но впитывали местные культуры и элиты, став евразийцами задолго до выдвигания теорий евразийства» [Караганов, 2022, с. 16-18]. Как результат – многовековая принадлежность к европейской христианской культуре, и наряду с этим – глубоко укорененные связи с тюркской восточно-мусульманской традицией. Как пишет Владислав Сурков, «наша культурная и геополитическая принадлежность напоминает блуждающую идентичность человека, рожденного в смешанном браке. Он везде родственник и нигде не родной. Свой среди чужих, чужой среди своих. Всех понимающий, никем не понятый. Полукровка, метис, странный какой-то. Россия – это западно-восточная страна-полукровка. С ее двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей она, как положено полукровке, харизматична, талантлива, красива и одинока» [Сурков, 2018].

Данное обстоятельство породило вопрос о цивилизационной самоидентификации и факторах внутригосударственной межцивилизационной интеграции. Но здесь мы переходим на второй – национальный – уровень интеграционных процессов, базовым элементом которого является нахождение под одной юрисдикцией и единое гражданство. Апробированным инструментом внутригосударственной интеграции, создания гражданской нации как политического сообщества и политического союза является наличие единого языкового пространства. Общеупотребительный язык служит инструментом становления коллективных представлений и ценностей, формирует доминирующие репрезентации событий, общественное мнение, влияет на самоопределение людей. Иными словами, сокращает культурную дистанцию между участниками коммуникации. В свою очередь, признанным способом распространения официального государственного языка служит система массового стандартизированного школьного образования.

Выводы:

Ключевой сферой наднациональной инфраструктурной интеграции является геополитика. Создание, вхождение в союзы и блоки предотвращает периферийность, способствует росту международного веса и влияния. Геополитическая защищенность является необходимым условием успешности экономических проектов. В свою очередь экономическая интегрированность создает условия для политической стабильности и роста геополитического потенциала.

В контексте глобальной нестабильности главной задачей интеграции является укрепление государственного суверенитета. Международная интеграция не означает замыкания в рамках одного союза, объединения. Перспективным и экономически

⁶ Наказ Екатерины II комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767. [Электронный ресурс]. Совет законодателей Российской Федерации при Федеральном собрании Российской Федерации. URL: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/1scPZNBbgt.pdf (дата обращения: 17.12.2025).

целесообразным представляется встраивание в сложившиеся интеграционные связи, налаживание сотрудничества с уже сложившимися союзами. Ключевой предпосылкой многоуровневой инфраструктурной интеграции служит потребность в различных видах ресурсов, региональная близость, подкрепленная исторически сложившимися связями.

Несмотря на определенную трансформацию государственности, пределы геополитического сближения и избегание односторонней зависимости, существуют объективные факторы, способствующие стратегическому партнерству и кооперации. Другое дело, что поддержание и дальнейшее развитие любого направления интеграционного процесса требует конструктивного и оперативного реагирования на постоянно изменяющиеся условия международной ситуации.

Список литературы / References

Галушко, Д. В., Глазатова, М. К., Зуев, В. Н., Изотов, В. С., Колобашкина, Т. А., Молодыко, К. Ю., Портанский, А. П., Сабельникова, Е. В., Соколовская, А. В., Чулок, А. А. (2023). *Механизмы принятия наднациональных решений в ЕАЭС: вклад в стратегическое планирование и антикризисное управление*. Экспертный доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023. Под науч. ред. Т. А. Колобашкиной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 234 с.

Galushko, D. V., Glazatova, M. K., Zuev, V. N., Izotov, V. S., Kolobashkina, T. A., Molodyko, K. Yu., Portansky, A. P., Sabelnikova, E. V., Sokolovskaya, A. V., Chulok, A. A. *Mechanisms for Supranational Decision-Making in the EAEU: Contribution to Strategic Planning and Crisis Management*. Expert report for the XXIV Yassinskaya (April) International Scientific Conference on Economic and Social Development, Moscow, 2023. Kolobashkina, T. A. (ed.). Moscow. 234 p. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2022). От не-Запада к Мировому большинству. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 5. С. 6-18.

Karaganov, S. A. (2022). From the Non-West to the Global Majority. *Russia in Global Politics*. Vol. 20. No. 5. Pp. 6-18. (In Russ.)

Сурков, В. (2018). Одиночество полукровки. *Россия в глобальной политике*. Т. 16. № 2-3. С. 124-129.

Surkov, V. (2018). The Loneliness of the Half-breed. *Russia in Global Politics*. Vol. 16. No. 2-3. Pp. 124-129.

Balassa, B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. London. [Online]. Available at: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781136646317_A23860489/preview-9781136646317_A23860489.pdf (Accessed: 29 November 2025).

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: gsolodova@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026

После доработки: 22.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: gsolodova@gmail.com.

The paper was submitted: 12.01.2026

Received after reworking: 22.02.2026

Accepted for publication: 06.03.2026

УДК 316

ФАКТОРЫ ЛОЯЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

С. И. Филиппов

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
filippov.nsu@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов лояльности сибирской военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти. Исследование проводится на материале сопоставления контрастных случаев среди казачества Дона и Запорожья, польско-литовских магнатов (относительно низкая лояльность), а также сибирских служилых людей и воевод (относительно высокая лояльность) в XVII в. Выявлено, что в Сибири факторами относительно высокой лояльности местной военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти стали: наличие источников благосостояния помимо государственного жалования, связанных с государственной службой (добыча пушнины и сбор ясака); относительно высокая социальная, культурная, этнолингвистическая дистанция по отношению к коренному населению; ограниченные возможности продажи накопленных ресурсов на внутреннем и внешних рынках и конвертации полученных средств в политико-административное влияние.

Ключевые слова: лояльность, военно-гражданская администрация Сибири, военно-бюрократические институты, базовые социальные заботы.

Для цитирования: Филиппов, С. И. (2026). Факторы лояльности сибирской военно-гражданской администрации центральной власти. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 122-135. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.122-135

CONDITIONS FOR THE LOYALTY OF THE SIBERIAN MILITARY-CIVIL ADMINISTRATION TO THE CENTRAL POWER

S. I. Filippov

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
filippov.nsu@gmail.com

Abstract. The article examines the loyalty of the Siberian military-civilian administration towards the central government. The study compares contrasting cases: the Don and Zaporozhian Cossacks as well as the Polish-Lithuanian nobility (characterized by relatively low loyalty) and Siberian servicemen and voivodes (characterized by relatively high loyalty) in the 17th century. The study found that conditions for relatively high loyalty developed in Siberia, including the existence of wealth sources other than state salaries (e.g. fur hunting and yasak collection), relatively high social, cultural and ethnolinguistic distance from the indigenous population, and limited opportunities to sell accumulated resources on domestic and foreign markets and convert the proceeds into political and administrative influence.

Keywords: loyalty, military-civilian administration of Siberia, military-bureaucratic institutions, basic social concerns.

For citation: Filippov, S. I. (2026). Conditions for the Loyalty of the Siberian Military-Civil Administration to the Central Power. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 122-135. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.122-135

В общественном сознании сибиряки издавна воспринимались как вольнолюбивые люди, привыкшие самостоятельно справляться с трудностями, не возлагая надежд на доброго «барина» или «начальника». Это не удивительно, учитывая социальный состав пришлого населения Сибири, начиная с XVII в., которое в значительной мере формировалось из ссыльных (в т. ч. и уголовных преступников), пленных, «гулящих» и др. [Шунков, 1946, с.19-21]. Необычно, что люди с подобным жизненным опытом и соответствующими установками сознания и поведения (габитусом) сохраняли высокую степень лояльности по отношению государственной власти. «Бунташный» XVII в. не распространился в широких масштабах на сибирские просторы, исключая восстания коренного населения¹. Значительную долю в составе пришлого населения Сибири XVII в. составляли казаки. Почему весьма схожие в социально-культурном отношении донские и запорожские казаки предпринимают мощные вооруженные выступления, представляющие подчас серьезную угрозу Речи Посполитой, России, Персии, Османской Империи, а перебравшись в Сибирь сохраняют верность государственной власти?

Взаимоотношения между казаками и государственной властью является частным случаем отношений лояльности между центральной властью и местными элитами². Сопоставление, с одной стороны, донских и запорожских казаков, с другой стороны – сибирской военно-гражданской администрации, которую в значительной мере составляли те же казаки, в контексте их взаимоотношения с государственной властью в XVII в. позволяет уточнить факторы, обуславливающие динамику политической лояльности. Данные исторические примеры представляют собой контрастные случаи – они сходны друг с другом по некоторым существенным параметрам (образ жизни, установки сознания и поведения, конфессиональная принадлежность и др.), но различаются по параметру, который и требует объяснения – уровню лояльности по отношению к государственной власти. Для уточнения факторов, обеспечивающих политическую лояльность, также проводится сопоставление польско-литовских магнатов и сибирских воевод в их взаимоотношениях с центральной властью. Между ними также имелось существенное

¹ Выступления, прежде всего служилых людей, в Сибири носили локальный характер и были вызваны злоупотреблениями местной администрации (восстания в Томске (1637–1638 и 1648–1649 гг.), Тюмени (1654 и 1668 гг.), Красноярске (1695–1700 гг.) и др.) [Александров, Покровский, 1991; Зольникова, Покровский, 2009]. В то же время недовольство коренного населения, выливающееся в т. ч. и в вооруженные выступления, приобретает широкий масштаб: восстания татарского населения (конец 1620-х – 1630-е гг.), представлявшее серьезную угрозу русской власти в Сибири [Худяков, 2015]; Западно-Сибирское восстание (1661–1665 гг.); восстания якутов (1642) и тунгусов (1674) и др. Ожесточенное и упорное сопротивление представителям русской администрации оказали коренные народы Восточной Сибири: чукчи формально были объявлены русскими подданными в 1789 г., а фактически сохраняли независимость до начала XX в.

² Несмотря на распространенное в советской историографии мнение о социально-классовой близости крестьян и казаков, следует признать, что ни по роду занятий, ни по установкам сознания и поведения, ни по собственному самосознанию казаков к «трудящимся» отнести никак нельзя. Земледелием они не занимались (казаки превращаются в военно-земледельческое сословие только с ликвидацией их самоуправления), средства своего существования добывали преимущественно посредством применения насилия, воспринимая себя в качестве «слуг великого государя», именуя себя в войсковых письмах в Москву «государевыми холопями», т. е. служилыми людьми [Куц, 2009, с. 392]. Поговорка «Не жнет, не косит, а жупан носит» характеризует относительно высокие доходы казаков и их привычку к престижному (элитному) потреблению.

сходство: они осуществляли освоение сырьевых периферийных регионов – соответственно Украины и Сибири – и выполняли в них управленческие функции, обладая существенными властными полномочиями и богатством, но демонстрируя разный уровень лояльности: относительно низкий в случае польско-литовских магнатов (всевластие магнатов при поддержке их клиентелы буквально парализовали королевскую власть) и высокий – со стороны сибирских воевод.

Лояльность: понятие, показатели и общая гипотеза. В отечественной и зарубежной философской, социологической, политологической традиции лояльность, в особенности со стороны элит как влиятельных и обладающих ресурсами социально-политических акторов, рассматривается как одно из важнейших условий общественной стабильности и устойчивости государств [Тульчинский, 2018; Алмонд, 2014; Rosenbaum, 1975]. В особенности в России лояльность местных элит центру имела фундаментальное значение для самого существования государства, ведь наша страна на протяжении многих столетий существовала и продолжает существовать сегодня в форме полиэтничного и многоконфессионального государства, в котором одной из важнейших стратегий управления является взаимодействие центрального правительства с местными элитами, а обеспечение высокого уровня лояльности со стороны элит – предмет заботы центральной власти. Тем не менее, в социальной и политической философии лояльность рассматривается не как самостоятельный феномен, а как аспект солидарности (Э. Дюркгейм, Г. Мид, Р. Коллинз), легитимности власти (М. Вебер), элемента принуждения (марксизм) и др.

В обобщенном виде лояльность понимается как переменная, включающая в себя различные уровни поддержки или оспаривания *субъектами лояльности* (условными «подчиненными» – индивидами, организациями, сообществами или социальными слоями со сходными установками и политическим поведением – габитусом) власти над ними *объектов лояльности* (условного «начальства» – вождя, монарха, правящей группы, центрального правительства и т. д.).

Показателями относительно высокого уровня лояльности местных элит по отношению к центральной власти являются: борьба против ее внутренних и внешних врагов; явная поддержка официальной идеологии (религии) и системы ценностей, символов, в т. ч. в устной и письменной коммуникации (переписке, дневниках и т. п.); выполнение принятых административных, правовых норм и неформальных правил взаимодействия; добровольное и систематическое участие в полагающихся ритуалах. Показателями относительно низкого уровня лояльности по отношению к центральной власти являются: участие в мятежах, протестных движениях; переход на сторону оппозиции или внешних противников режима; нарушение принятых административных, правовых норм и неформальных правил взаимодействия, в т. ч. применение нерегламентированного насилия; критическое отношение к официальной идеологии (религии) и системе ценностей, символам и ритуалам; чтение, обсуждение и распространение запрещенной литературы, а также участие в ритуалах, противоречащих официальной религии или идеологии [Розов, Филиппов, 2003, с. 194-196].

Общая гипотеза лояльности основана на популярной в философии и социологии концепции базовых социальных потребностей или забот: лояльность подчиненных (субъектов лояльности) по отношению к начальству (объектам лояльности) тем выше, чем более первые видят в лице вторых *обеспечивающее сообщество*, которое удовлетворяет их базовые социальные заботы – предоставляет им социальный статус с соответствующими

гарантиями безопасности, символическим престижем и благосостоянием. Сообщества, обеспечивающие базовые социальные заботы представителей элит, относятся к трем типам – иерархические военно-бюрократические институты государственной службы, патрон-клиентские сети, основанные на личной преданности клиентелы патрону и эгалитарные сообщества. Социализация в рамках обеспечивающего сообщества того или иного типа предполагает формирование особенного габитуса – комплекса установок сознания и поведения, ассоциируемого с принадлежностью к той или иной социальной группе.

Относительно высокий уровень лояльности по отношению к государственной власти (правителю или правительству) обеспечивается карьерой в рамках военно-бюрократических институтов государственной службы. Это обусловлено спецификой габитуса, формируемого в процессе социализации в рамках такого рода институтов. Успешная карьера на госслужбе предполагает такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, исполнительность, контроль над эмоциями и сдерживание агрессии: здесь нет места бунтарству и своеволию [Филиппов, 2025, с. 9-10]. Противоположностью габитуса образцового чиновника является комплекс установок сознания и поведения, свойственный членам военизированных эгалитарных сообществ: обостренное чувство собственного достоинства, подчеркнутая агрессивность (как средство демонстрации и защиты статуса), вольнолюбие, категорическая нежелание подчиняться «начальству». В XVII в. вольные казаки (отчасти донцы, запорожцы, яицкие казаки) и отчасти сибирские служилые люди до ликвидации их самоуправления, до инкорпорации казачьей верхушки в имперское дворянство и превращения большинства в военно-земледельческое сословие (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) представляли собой примеры гибридных сообществ, совмещающих в себе черты военно-бюрократических институтов (казаки воспринимали себя в качестве слуг великого государя) и военизированных эгалитарных сообществ.

Военно-бюрократические институты являются для элит и претендентов в элиту предпочтительными структурами, обеспечивающими их базовые социальные заботы. Это обусловлено особенностями статуса (меры общественного признания), присваиваемого государственным служащим. Бюрократический статус относительно устойчив, т. е. будучи однажды присвоенным, как правило, не предполагает постоянного подтверждения. Он носит универсальный характер: его признают на территории, подконтрольной государственной юрисдикции, а часто – шире. Кроме того, бюрократические статусы имеют формальный (символический) характер, что, опять-таки, освобождает их обладателей от необходимости подтверждать собственный престиж, достоинство и право на уважение со стороны окружающих реальными действиями, которые с большой долей вероятности сопряжены с насилием, агрессией и несут существенные риски как для собственной жизни, так и для жизни других людей, так или иначе «задевающих» честь обладателя статуса. Это увеличивает безопасность носителей формально-символических статусов, зачастую обеспечивают возможность передачи по наследству самих статусов и тех благ, которые они обеспечивают. Привлекательность институтов государственной службы в качестве сообществ, обеспечивающих элитные заботы, подтверждает готовность казацкой верхушки обменять казацкую вольность на чины и дворянство: ведь полномочия коллективных органов управления (казачьего круга) существенно ограничивает влияние атаманов, старшин и возможности сохранения ими своих властных позиций и материального достатка. Поэтому атаманы вступают в союз с правительственной администрацией, оказывая ей содействие в ликвидации самоуправления [Мальцев, 2011, с. 24].

Престиж военно-бюрократических институтов, несмотря на их предпочтительность, в глазах представителей элит и претендентов в элиту имеет свои ограничения. Их привлекательность относительно высока при соблюдении следующих условий: 1) государственные служащие сохраняют приемлемый уровень благосостояния, социального престижа, безопасности после выхода в отставку и помимо службы, но в связи с ней; 2) срок пребывания на престижных позициях относительно непродолжителен, что способствует вертикальной мобильности; 3) относительно высока культурная, социальная, лингвистическая дистанция между государственными служащими и социальным окружением, что препятствует созданию коалиций и союзов; 4) уровень влияния, власти и богатства государственных служащих, прежде всего занимающих престижные и ресурсные позиции, существенно ниже, чем у объектов их лояльности (центрального правительства или местных администраций), что препятствует появлению влиятельных акторов, обладающих значительной автономией и способных бросить вызов местной, а подчас и центральной власти [Филиппов, 2025, с. 19-20].

Далее рассмотрим, каким образом данные факторы оказывали воздействие на уровень лояльности по отношению к государственной власти донских и запорожских казаков, польско-литовских магнатов (относительно низкий уровень лояльности) и сибирской военно-гражданской администрации (относительно высокий уровень лояльности)?

Источники благосостояния. Если доходы государственных служащих состоят из жалования, то они предпочитают продолжительное время оставаться на службе, что существенно замедляет вертикальную социальную мобильность, вызывая фрустрацию у амбициозных и энергичных претендентов, превращая их в противников существующей власти. Обладая средствами насилия и навыками их применения, они могут навязывать государству охранные услуги, организуя нестабильность и вооруженные выступления. Именно так поступали донцы и запорожцы. Доходы донских казаков были трех основных видов: «хождение за зипунами» (грабеж купеческих караванов, набеги на соседние территории, захват и продажа или возвращение за выкуп полона); соляные промыслы и рыболовство; государево жалование. По мере распространения твердой государственной власти на территории, которые являлись целью казацких набегов, жалование становилось едва ли не единственным источником благополучия казаков³. При этом предложение часто превышает спрос: администрация государств региона – России, Османской империи, Крыма, Персии – не нуждалась в таком количестве служилых людей и не была готова их финансировать денежными или натуральными выплатами. Казацкие бунты и восстания выступают формой торга с властью за жалование [Филиппов, 2019, с. 114-115]⁴. Сходная ситуация складывается и в отношениях между запорожцами и Польской короной. Одной из важнейших причин конфликтов между ними была численность реестра – казаков,

³ В 40-е гг. XVII в. в устье Яика возводится крепость Гурьев, запирающая выход казаков на Каспий и Волгу – традиционные объекты походов «за зипунами». На рубеже XVII–XVIII вв. Россия и Османская империя договариваются о взаимном возвращении полона, Азов становится центром обмена, что наносит сильный удар по такому источнику благосостояния казаков, как захват «ясыря» для последующего выкупа или продажи [Сень, 2018, с. 38].

⁴ Василий Ус в 1666 г. с отрядом в 700 казаков отправился с Дона на Москву с предложением принять себя и соратников на государеву службу, для убедительности призывая в свой отряд помещичьих крестьян и нападая на самих помещиков [Лебедев, 1955, с. 40-41].

принимаемых на государственную службу и получающих за это жалование и статус безгербовой шляхты [Бережная, Будницкий и др., 2007, с. 33-63]. Казаки совершают обмен своей лояльности на реестр: по Белоцерковскому договору (1651 г.) между казаками и Речью Посполитой количество реестровых казаков составляло 20000, но правительство Алексея Михайловича в 1654 г. увеличивает реестр до 60000, и запорожские казаки переходят «под руку» русского царя, хотя и на время.

Жалование донских казаков также растет. Размеры ежегодных хлебных поставок на Дон в XVII–XVIII вв. увеличиваются в несколько раз⁵, что не делает казаков более лояльными: жалования «много не бывает», распределение его происходит неравномерно, и это побуждает вновь использовать испытанные способы его «выколачивания» – военные выступления с вовлечением широких масс населения, а также угрозу прямого перехода на сторону противника.

Совершенно иная ситуация сложилась в Сибири. Для сибирских служилых казаков очень скромное, нерегулярное, а то и вовсе не выплачиваемое жалование [Зуев, 2001, с. 85] не было основным и даже существенным источником благополучия. При этом, несмотря на многочисленные жалобы⁶, служилые не просто продолжали нести службу, но давали представителям сибирской администрации немалые взятки, чтобы те позволяли им нести все тяготы государевой службы: в конце XVII в. размер взятки за отправку на сбор ясака (натурального налога, который обязаны были выплачивать аборигены в царскую казну) в Якутске достиг совершенно фантастической суммы – 1200 руб. (годовое жалование казака при этом составляло 5–7 руб.) [Сафронов, 1978, с. 89-90]. Дело в том, что основным источником подчас очень больших доходов сибирских служилых людей в XVII – начале XVIII вв. было не государево жалование, а добыча «мягкой рухляди» (пушнины, прежде всего соболя), а также «моржового зуба» (моржовой кости). При этом данный источник был тесно связан с государственной службой: добывали либо сами казаки во время своих походов за ясаком, либо местное население по принуждению казаков⁷.

Культурная, социальная, лингвистическая дистанция между субъектами лояльности и социальным окружением. Чем больше социальная и культурная дистанция была между представителями элит и социальным окружением, тем выше становилась их лояльность по отношению к государственной власти: отчуждение препятствовало созданию коалиций. Социальное окружение как донских, так и запорожских казаков – крестьянское и городское население – было единоверным казакам, близким в этническом и языковом отношении, а показачивание – принятие в казацкое сообщество крестьян и горожан, распространение на территориях, подвластных казакам, традиций их самоуправления (ликвидация крепостной зависимости, установление власти казачьего круга) – еще больше сокращало социальную и культурную дистанцию. Например, во время восстания Б. Хмельницкого

⁵ Астапенко, М. П. (1992). Жалованье донских казаков. [Электронный ресурс]. *История и культура Ростовской области*. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z00000069/st010.shtml> (дата обращения: 28.11.2025).

⁶ Например, в 1647 г. якутские служилые люди обратились с челобитной к властям по поводу нехватки жалованья, которое совершенно не соответствовало характеру и тяжести службы [Иванов, 1999, с. 121].

⁷ Зуев, А. С. (2002). Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. [Электронный ресурс]. *Сибирская заимка*. URL: <https://zaimka.ru/zuev-aborigines-refs> (дата обращения: 28.11.2025 г.).

на левобережной Украине практически исчезла польская шляхта, огромное количество (до 95 %) крепостных получили свободу и влились в казачество, евреям доступ в Гетманщину был запрещен [Бережная, Будницкий и др., 2007, с. 38-40]. В итоге, относительно однородный состав населения, прежде всего восточной Украины стал социальной основой нелояльности в отношении Короны.

Условий для подобной солидарности не было в Сибири XVII в., поскольку русское крестьянское население было весьма малочисленным, а автохтонное население, подвергавшееся со стороны казаков жестокой эксплуатации, представляло иноверцев, не владевших русским языком. В фольклоре сибирских народов образ казака, совершенно лишенный каких-либо позитивных черт, является воплощением крайней жестокости и коварства [Кузьминых, 1994]. Эта жестокость была вызвана не какими-то особыми садистскими наклонностями первопроходцев, а социальными формами, в которых происходило освоение Сибири. Казаки и промышленники отправлялись в длительные походы небольшими группами. Участники таких отрядов брали, прежде всего, достаточное количество вооружения, боеприпасов и продовольствия для собственного потребления. У них не было возможности взять значительное количество товаров для обмена на пушнину или продовольствие. Суровые природные условия, особенно на севере и северо-востоке Сибири, не позволяли заниматься земледелием, и, таким образом, обеспечить пропитание своими силами они также были не в состоянии. Кроме того, промысловики зачастую не обладали необходимыми охотничьими и рыболовными навыками и снаряжением. Все это обусловило широкое применение насилия и принуждения по отношению к автохтонному населению и [Зуев, 2001, с. 85-90], соответственно, отчуждению между служилым и коренным населением.

Влиятельные акторы и продолжительность пребывания на престижных позициях. Если уровень влияния, власти, богатства отдельных индивидов, в т. ч. занимающих позиции на государственной службе, достигает уровня, сопоставимого или даже превышающего ресурсы местной, а иногда и центральной администраций, то такие индивиды склонны проявлять нелояльность государственной власти. Природные ресурсы Сибири, прежде всего пушнина, мех и кости морского зверя, пользовались спросом на международных рынках (как в Европе, так и в Китае). Именно погоня за соболем была главным мотивом продвижения за Урал и далее – до Тихого океана. Позднее объектом добычи также становится высоко ценимый на рынках Западной Европы «рыбий зуб» (моржовая кость) [История Якутской АССР ..., 1957, с. 38]. Лежбища моржей были обнаружены на побережье Охотского моря в 1641–1642 гг. [Открытия русских землепроходцев ..., 1951, с. 298-299]. Добыча пушнины и моржовой кости должна была приносить огромные прибыли не только казне, но и частным лицам, в т. ч. служилым людям и представителям сибирской администрации. Действительно, в XVII в. сибирские воеводы сколачивали состояния на «окупах» (взятках), участии в торговле пушниной. Например, якутские воеводы М. С. Ладыженский и И. Ф. Голенищев-Кутузов вывозили с собой более 20 тыс. соболей каждый. Эти должностные лица ощущали себя также полновластными хозяевами огромного края. Томский воевода О. И. Щербатов задавал риторический вопрос: «Я де здесь не Москва ли?» [Дмитриев, 2010, с. 45-70]. От них не отставали служилые люди. С. Дежнев в 1656 г. вывез в Якутск столько моржовой кости, что у местных властей не нашлось даже необходимой суммы денег, чтобы рассчитаться с ним, и удачливого казака отправили для

расчета в Москву⁸. При этом сказочно богатые и весьма влиятельные люди, пользующиеся практически неограниченной властью на огромных территориях, гордо заявляющие: «Правда моя в Сибири, что солнце на небесах сияет!», не предпринимали попыток инвестировать свои экономические и властные ресурсы в политико-административное влияние, как это произошло, например, в Польско-Литовском государстве, где разбогатевшие на международной торговле зерном крупнейшие землевладельцы – магнаты – содержали частные армии и обширную клиентулу, состоящую из представителей беднейшей элитной страты Речи Посполитой – безземельной шляхты (чиншевиков), а их власть и влияние превосходили королевские. Почему Сибирь для России не стала, как Украина для Речи Посполитой, с одной стороны, питательной средой для казацкой вольницы, с другой – почвой (в буквальном смысле), на которой выросли независимые могущественные магнаты?

В Сибири превращение воевод, удачливых служилых и промышленников во влиятельных политических субъектов (акторов) не происходит по следующим причинам. Во-первых, высшие должностные лица сибирской администрации – воеводы – занимали свой пост относительно непродолжительное время, как правило, два года (1621–1635 гг.), затем – четыре года⁹. Центральное правительство поддерживало отчуждение между государственными служащими и местным сибирским населением, поощряя подавать жалобы на высших должностных лиц. После возвращения в европейскую Россию практически в отношении каждого из экс-воевод инициировался «сыск» – расследование на предмет коррупции и других злоупотреблений [Еланцева, Шаходанова, 2014]. Таким образом, практически неограниченная власть воевод «в моменте» нивелировалась непродолжительным сроком обладания ею: властители Сибири не успевали обрасти клиентелой и создать устойчивые институты господства, которые могли бы стать основой их независимости от центра. За то, что первый сибирский генерал-губернатор, бывший иркутский воевода М. П. Гагарин, колеса кареты которого «были окованы серебром и копыта лошадей серебряные», замыслил создать в Сибири собственное «королевство» и с этой целью строил оружейные и пороховые заводы и формировал отряды местной милиции, в т. ч. из пленных шведов, был казнен в 1721 г. По мнению историков, такие сведения являются, скорее, легендой, чем действительностью [Водяников, Пузанов, 2023].

Геоэкономическая специфика Сибири – богатство без денег. Еще одно из препятствий для конвертации финансового капитала в социальный и политический связано с местом Сибири в системе международных обменов. Как уже отмечалось, богатства региона (пушнина и моржовая кость) пользовалась высоким спросом в Западной Европе и Китае, доходы от нее составляли около четверти российского бюджета XVII в. [Пузанов, 2018]. Частным лицам – промысловикам, служилым, представителям местной администрации – доставлять добычу на европейские рынки было крайне затруднительно: прямые морские

⁸ Зуев, А. С. (2002). Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. [Электронный ресурс]. *Сибирская заимка*. URL: <https://zaimka.ru/zuev-aborigines-refs> (дата обращения: 28.11.2025 г.).

⁹ Софронов, В. Ю. (2016). Сибирский управленческий аппарат в период воеводского правления. *Сибирская заимка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://zaimka.ru/sofronov-voevode/?ysclid=mik4a7ernm267325364> (дата обращения: 27.11.2025).

пути отсутствовали, сухопутные – контролировались государством, но в торговле с Китаем косвенно (через бухарцев) или напрямую – через Нерчинск, Селенгинск, приграничные маньчжурские города, Ургу – они участвовали. При этом торговля с Поднебесной носила меновой характер. Китайское правительство традиционно поощряло ввоз, но не вывоз серебра (основное средство обмена) из страны, к обмену на меха предлагались хлопчатобумажные ткани, шелк, женьшень, предметы роскоши и, конечно, чай, в гораздо меньшей мере – золотые и серебряные слитки [Романова, 2014]. Сложно представить гипотетических сибирских магнатов, содержащих свои частные армии, например, за счет женьшеня. Для этого необходимы либо деньги (собственно, слово «солдат» для обозначения воина-наемника происходит от «сольдо» – наименование разменной монеты, имевшей хождение в государствах Италии), либо земля – именно ее предоставляли на условиях очень льготной аренды магнаты польские своей клиентеле. В той части Сибири, которая в XVII в. входила в состав России, не было значительных площадей земли, по плодородию сравнимых с украинскими черноземами, как и помещичьего землевладения – основы латифундий.

В самой Сибири обменять на деньги ее богатства было просто невозможно. Деньги в своем традиционном виде (монеты и ассигнации) за Уралом оставались дефицитом очень долгое время: в некоторых сибирских регионах брикеты чая с вытесненным на них двуглавым орлом служили средством обмена до начала XX в.

Дефициту и высокой цене денег в Сибири способствовали также отсутствие развитой (а зачастую вообще какой-либо) инфраструктуры, что превращало продолжительные походы в крайне затратные предприятия. Для организации экспедиций «на встречу солнцу» требовались существенные средства, которыми промысловики, как правило, не располагали и брали в долг под высокие проценты у «торговых людей». Именно так снаряжались экспедиции С. Дежнева, В. Атласова, Ф. Попова и др. [Зуев, 2001, с. 85]. Значительная доля добычи шла на погашение кредита.

Нестыжательство – особенность казацкого габитуса. Помимо факторов геоэкономических и инфраструктурных накоплению и, главное, долгосрочному сохранению богатств в диахронии (созданию богатых и влиятельных династий) препятствовали особенности организации служилого социума Сибири, а также специфика габитуса членов этого социума, который в XVII–XVIII вв. сохранял многие особенности вольных казацких сообществ эгалитарного типа. В таких сообществах нашли распространение практики, препятствующие концентрации власти и богатства, в частности, пренебрежительное отношение к имуществу: донские казаки делили добытое поровну, охотно раздавали добычу, хоронили своих товарищей завернутыми в дорогие персидские ковры [Мининков, 1996, с. 110]. Как отмечают многие исследователи, среди сибирских служилых людей в исследуемый период были сильны традиции казачьей вольницы и самоуправления [Александров, Покровский, 1991, с. 75-107; Никитин, 1988, с. 42-48; Акишин, 1996, с. 12]. Добыча в соответствии с нормами общежития вольного казачества должна была поступать в общий «котел» («дуван») и делиться на паи («дуваниться») [Зуев, 2001, с. 98]. Служилые и промышленные люди вели жизнь представителей «праздного класса»: жили за счет труда холопов, не занимаясь никаким трудом или ведением хозяйства, временами отправляясь на войну. Отсутствие хозяйства давало казакам массу свободного времени, которое они проводили в попойках и картежной игре, в результате чего пропивали и проигрывали все имущество [Там же, с. 96].

Заключение. В результате сопоставительного анализа контрастных по уровню лояльности центральной власти случаев – представителей сибирской военно-гражданской администрации, с одной стороны, а также вольных казаков Дона и Запорожья и польско-литовских магнатов, с другой, – была подтверждена общая гипотеза о взаимосвязи уровня лояльности местных элит по отношению к центральной власти и типа сообщества, обеспечивающего их базовые социальные заботы. Кроме того, было исследовано действие универсальных факторов лояльности в конкретно-исторических условиях. В частности, выявлено, что в Сибири в период ее постепенного вхождения в состав России и укрепления государственной власти сложились условия, которые способствовали сохранению относительно высокого уровня лояльности местной военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти: наличие источников благосостояния помимо государственного жалования, связанных с государственной службой (добыча пушнины и сбор ясака); относительно высокая социальная, культурная, лингвоэтническая дистанция по отношению к коренному населению; ограниченные возможности продажи накопленных ресурсов (пушнина, кость и шкуры морских животных и др.) на внутреннем и внешних рынках и конвертации полученных средств в политико-административное влияние.

Список литературы / References

Акишин, М. О. (1996). *Полицейское государство и сибирское общество*. Новосибирск: Изд. центр «Автор».

Akishin, M. O. (1996). *Police State and Siberian Society*. Novosibirsk. (In Russ.)

Александров, В. А., Покровский, Н. Н. (1991). *Власть и общество. Сибирь в XVII в.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.

Alexandrov, V. A., Pokrovsky, N. N. (1991). *Power and Society. Siberia in the 17th Century*. Novosibirsk. (In Russ.)

Алмонд, Г. (2014). *Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций*. М.: Мысль.

Almond, G. (2014). *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Moscow. (In Russ.)

Бережная, Л. А., Будницкий, О. В., Долбилов, М. Д. и др. (2007). *Западные окраины Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение.

Berezhnaya, L. A., Budnitsky, O. V., Dolbilov, M. D. et al. (2007). *Western Outskirts of the Russian Empire*. Moscow. (In Russ.)

Водяников, К. А., Пузанов, В. Д. (2023). Первый сибирский губернатор князь М. П. Гагарин в российской историографии. *Власть истории – История власти*. Т. 9. Ч. 8. № 50. С. 123-137.

Vodyannikov, K.A., Puzanov, V.D. (2023). The First Siberian Governor, Prince M. P. Gagarin in Russian Historiography. *The Power of History – The History of Power*. Vol. 9. Pt. 8. No. 50. Pp. 123-137. (In Russ.)

Дмитриев, А. В. (2010). *Сибирь в составе Российского государства (XVII–XVIII вв.)*. Новосибирск: НГУ.

Dmitriev, A. V. (2010). *Siberia as Part of the Russian State (17th–18th centuries)*. Novosibirsk. (In Russ.)

Еланцева, О. П., Шаходанова, О. Ю. (2014). Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА. *Теория и практика общественного развития*. № 10. С. 113-115.

Elantseva, O. P., Shakhodanova, O. Yu. (2014). Abuses of Siberian Governors Based on the Materials of the Russian State Archive of Ancient Documents. *Theory and Practice of Social Development*. No. 10. Pp. 113-115. (In Russ.)

Зольникова, Н. Д., Покровский, Н. Н. (2009). Народные движения в Сибири в XVII в. *Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т.* Т. 2. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири». С. 428-432.

Zolnikova, N. D., Pokrovsky, N. N. (2009). Popular Movements in Siberia in the 17th Century. In *Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols.* Vol. 2. Pp. 428-432. Novosibirsk. (In Russ.)

Зуев, А. С. (2001). Конквистадоры империи. *Ab Imperio*. № 4. С. 81-108.

Zuev, A. S. (2001). Conquistadors of the Empire. *Ab Imperio*. No. 4. Pp. 81-108. (In Russ.)

Иванов, В. Н. (1999). *Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства*. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН.

Ivanov, V. N. (1999). *The Entry of North-East Asia into the Russian State*. Novosibirsk. (In Russ.)

История Якутской АССР: в 3-х т. Т. 2: *Якутия от 1630-х годов до 1917 г.* (Авт. глав: И. С. Гурвич, А. А. Избекова, О. В. Иванова и др.). (1957). М.: Изд-во АН СССР.

History of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. In 3 vols. Vol. 2: *Yakutia from the 1630s to 1917.* (Author's chapters: I. S. Gurvich, A. A. Izbekova, O. V. Ivanova et al.). (1957). Moscow. (In Russ.)

Кузьминых, В. И. (1994). Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири. *Урало-Сибирское казачество в панораме веков*. Томск: ТГУ. С. 32-39.

Kuzminykh, V. I. (1994). The Image of the Russian Cossack in the Folklore of the Peoples of North-Eastern Siberia. In *Ural-Siberian Cossacks in the Panorama of Centuries*. Tomsk. Pp. 32-39. (In Russ.)

Куц, О. Ю. (2009). *Донское казачество в период взятия Азова до выступления Разина (1637-1667)*. СПб.: «Дмитрий Буланин».

Kuts, O. Yu. (2009). *Don Cossacks during the Capture of Azov until Razin's Revolt (1637-1667)*. St. Petersburg. (In Russ.)

Лебедев, В. И. (1955). *Крестьянская война под предводительством Степана Разина*. М.: Просвещение.

Lebedev, V. I. (1955). *The Peasant War Led by Stepan Razin*. Moscow. (In Russ.)

Мальцев, Д. (2011). Как готовили «поход на индус». *Родина*. № 7. С. 22-24.

Maltsev, D. (2011). How they Prepared a "Campaign to the Hindu". *Rodina*. No. 7. Pp. 22-24. (In Russ.)

Мининков, Н. А. (1996) *Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)*. Ростов-на-Дону: Изд. Ростов. ун-та.

Mininkov, N. A. (1996). *Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)*. Rostov-on-Don. (In Russ.)

Никитин, Н. И. (1988). *Служилые люди в Западной Сибири XVII в.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.

Nikitin, N. I. (1988). *Service People in Western Siberia in the 17th Century*. Novosibirsk. (In Russ.)

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сборник документов. (1951). Сост. Н. С. Орлова; под ред. А. В. Ефимова. М.: Географгиз.

Orlova, N. S. (comp.), Efimov, A. V. (ed.). (1951). *Discoveries of Russian Explorers and Polar Navigators of the 17th Century in Northeast Asia: A Collection of Documents*. Moscow. (In Russ.)

Пузанов, В. Д. (2018). Доходы русского государства от сибирской пушнины в XVII в. *Вопросы истории*. № 1. С. 70-81.

Puzanov, V. D. (2018). Income of the Russian State from Siberian Furs in the 17th Century. *Voprosy Istorii*. No. 1. Pp. 70-81. (In Russ.)

Розов, Н. С., Филиппов, С. И. (2024). Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 77. С. 193-203. DOI: 10.17223/1998863X/77/16.

Rozov, N. S., Filippov, S. I. (2023). Loyalty of Elites to the Central Government: General Patterns and Peculiarities of the Institutional Context, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 77. Pp. 193-203. DOI: 10.17223/1998863X/77/16. (In Russ.)

Романова, Г. Н. (2014). Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII вв.). *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. № 2 (67). С. 102-112.

Romanova, G. N. (2014). Formation of Russian-Chinese Trade Relations (17th – First Third of the 18th Century). *Customs Policy of Russia in the Far East*. No. 2 (67). Pp. 102-112. (In Russ.)

Сафронов, Ф. Г. (1978). *Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население*. М.: Наука.

Safronov, F. G. (1978). *Russians in the North-East of Asia in the 17th – Mid-19th Centuries. Administration, Servicemen, Peasants, Urban Population*. Moscow. (In Russ.)

Сень, Д. В. (2018). «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. – начало XVIII в.). *Oriental Studies*. № 11 (1). С. 36-46. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-36-46.

Sen, D.V. (2018). “Bowed to the Akhreyan Ataman ...”: Captivity, Slavery, and Ransom on the Southern Borderlands (Late 17th – Early 18th Century). *Oriental Studies*. No. 11 (1). Pp. 36-46. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-36-46. (In Russ.)

Тулчинский, Г. Л. (2018). *Российская политическая культура: особенности и перспективы*. СПб: Алетейя.

Tulchinsky, G. L. (2018). *Russian Political Culture: Features and Prospects*. St. Petersburg. (In Russ.)

Филиппов, С. И. (2019). Бунтарство и лояльность: стратегии взаимодействия иррегулярных войск с государственной властью. *Идеи и идеалы*. Т. 11. № 3. Ч. 2. С. 337-349. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-337-349.

Filippov, S. I. (2019). Rebellion and Loyalty: Strategies of Interaction between Irregular Troops and State Power. *Ideas and Ideals*. Vol. 11. No. 3. Pt. 2. Pp. 337-349. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-337-349. (In Russ.)

Филиппов, С. И. (2025). Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России. *Дискурс*. Т. 11. № 2. С. 5-20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.

Filippov, S. I. (2025). Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia. *Discourse*. Vol. 11. No. 2. Pp. 5-20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20. (In Russ.)

Худяков, Ю. С. (2015). Восстание татарских этнических групп в Западной Сибири в конце 1620-х – начале 1630-х гг. *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 22. № 1. С. 48-52.

Khudyakov, Yu. S. (2015). The Uprising of Tatar Ethnic Groups in Western Siberia in the Late 1620s – Early 1630s. *Humanitarian Sciences in Siberia*. Vol. 22. No. 1. Pp. 48-52.

Шунков, В. И. (1946). *Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Shunkov, V. I. (1946). *Essays on the History of the Colonization of Siberia in the 17th – Early 18th Centuries*. Moscow; Leningrad. (In Russ)

Rosenbaum, W. A. (1975). *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. N.Y.: Praeger.

Сведения об авторе / Information about the author

Филиппов Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Пирогова, 1, e-mail: filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2025

После доработки: 12.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Filippov Sergey – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Head of the Department of Romano-Germanic Philology of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>.

The paper was submitted: 22.11.2025

Received after reworking: 12.02.2026

Accepted for publication: 06.03.2026

УДК 316.444

**НЕ СВОИ:
ОТНОШЕНИЕ МИГРАНТОВ – ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ**

П. А. Хасанова, Н. А. Орлова

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
khasanova.pa@dvfu.ru; orlova.na@dvfu.ru

Аннотация. В фокусе статьи – проблемы социокультурного взаимодействия трудовых мигрантов и местного населения (на примере Приморского края). Анализируются статистические данные о миграционных потоках, причинах миграции рабочей силы и факторах, влияющих на адаптацию мигрантов, затрагиваются вопросы, связанные с межэтническими конфликтами и ролью средств массовой информации в формировании общественного мнения. Для лучшего понимания темы была проведена серия интервью с мигрантами и местным населением. По результатам исследования были выявлены мнения местных жителей и трудовых мигрантов по отношению друг к другу, трудности, возникающие в процессе интеграции приезжих, этнические стереотипы и отношение к миграционной политике государства.

Ключевые слова: трудовая миграция, адаптация, интеграция, межнациональные отношения, межкультурный конфликт, средства массовой информации.

Для цитирования: Хасанова, П. А., Орлова, Н. А. (2026). Не свои: отношение мигрантов – отношение к мигрантам. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 136-146. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.136-146

**NOT OURS:
THE ATTITUDE OF MIGRANTS – ATTITUDE TOWARDS MIGRANTS**

P. A. Khasanova, N. A. Orlova

Far Eastern Federal University (Vladivostok)
khasanova.pa@dvfu.ru; orlova.na@dvfu.ru

Abstract. The purpose of the paper is to identify the specifics of sociocultural interaction of migrant workers and local population in Russia. To achieve this goal, the author analyzes statistical data on migration flows, causes of labor migration and factors affecting migrants' adaptation. Issues related to cultural conflicts, interethnic stereotypes and the role of the media in shaping public opinion. To better understand the topic, a series of interviews with migrants and the local population was conducted. The results of the study revealed the opinions of the local population and migrant workers about each other, difficulties encountered in the process of integration of foreigners, ethnic stereotypes, and attitude towards the migration policy of the state.

Keywords: labor migration, adaptation, integration, inter-ethnic relations, cross-cultural conflict, mass media.

For citation: Khasanova, P. A., Orlova, N. A. (2026). Not ours: the attitude of migrants – attitudes towards migrants. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 136-146. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.136-146

Введение

Взаимопонимание между представителями разных социокультурных групп играет большую роль в обеспечении социального благополучия в обществе. В современном мире, где миграционные процессы приобретают глобальный масштаб, особенно актуальным становится изучение взаимодействия между мигрантами и местным населением.

В 2024 г. количество прибывших в Россию иностранных граждан составило 6,3 млн. чел., и половина из них имела цель трудоустроиться¹, миграционный прирост составил 568,5 тыс. чел., что на 2,8 % больше, чем в 2023 г.² Если говорить о «точках исхода» иностранных мигрантов, то большинство, а именно 80 %, начиная с 2000-х гг., приезжают именно из стран СНГ. В 2024 г. основной приток трудовых мигрантов был преимущественно из Узбекистана (23,3 %), Таджикистана (16,7 %), Киргизии (10,4 %), Белоруссии (9,5 %) ³⁴ [Демографический ежегодник России, 2021; Демографический ежегодник России, 2023].

Стоит отметить, что в России в последние годы наблюдаются изменения миграционных потоков, их масштабов и интенсивности: в 2020 г. нашу страну, как и весь мир, постигла пандемия, что затруднило миграционную мобильность граждан; в 2022–2023 гг. – начало специальной военной операции (СВО) и частичная мобилизация также внесли определенные корректировки в миграционные потоки [Сердюков, Винокурова, 2024b]. По данным МВД за январь–сентябрь 2025 г. на 13,7 % возросло количество внеплановых проверок трудовых мигрантов на их месте работы, на 21,6 % увеличилось число протоколов по фактам нарушений в сфере миграции, допущенных иностранными гражданами или лицами без гражданства, депортировано 4,1 тыс. иностранных граждан, что на 16,2 % превышает данный показатель прошлого года, сократилось количество выданных иностранным гражданам разрешений на временное проживание (-29,7 %) и видов на жительство (-28,0 %), на 30,1% уменьшилось количество лиц, принятых в гражданство⁵.

Обзор литературы

Ключевой теорией, объясняющей возникновение трудовой миграции, является экономическая. Люди меняют место жительства в поисках лучших возможностей для трудоустройства и повышения доходов. Определяющую роль в выборе страны могут играть

¹ ПМЭФ-2025. Трудовая миграция. Экономическое измерение. (2025). [Электронный ресурс]. МГИМО. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/spief-2025-labor-migration/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 20.11.2025).

² Социально-экономическое положение России. (2024). [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2024.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. (2021). М.: Росстат. 256 с. [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (дата обращения: 20.11.2025);

⁴ Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. (2023). М.: Росстат. 256 с. [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

⁵ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–сентябрь 2025 года. (2025). [Электронный ресурс]. МВД. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/> (дата обращения: 01.12.2025).

несколько факторов: владение языком принимающей страны, общие исторические корни и культурная корреляция. По этим причинам иностранные граждане из бывших республик СССР едут на заработки в Россию [Мешков, Смирнова, 2023].

На тему планов и целей трудовых мигрантов В. М. Пешковой было проведено исследование, показывающее, что главными мотивами для миграции являются повышение своего финансового благосостояния, желание заработать деньги для семьи, которая осталась на родине [Пешкова, 2017]. Планы трудовых мигрантов можно разделить на три категории: долгосрочные (проведение свадьбы, приобретение жилья), среднесрочные (приобретение крупных покупок), краткосрочные (поиск работы и временного жилья, оформление документов) [Там же]. На тему социального портрета современного мигранта А. М. Степановым и П. П. Лисицыным была проведена серия интервью с приезжими. Ключевым основанием для миграции выступает желание повысить доходы, а также заработок средств для семьи, которая осталась на родине, что коррелирует с выводами исследования В. М. Пешковой, описанными выше. Проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в повседневной жизни, связаны с тяжелым и объемным трудом; трудностями, возникающими в процессе взаимодействия с представителями государственных структур; недоброжелательным отношением местных жителей. Также были выявлены группы, в рамках которых местные жители и приезжие взаимодействуют: коллеги, соседи по квартире, сотрудники сферы услуг и представители органов власти. Однако отмечается, что такие взаимодействия стремятся к минимуму. Кроме того, авторы исследования попытались оценить положение информантов в принимающем сообществе и уровень их интеграции, опираясь на четыре показателя: владением языком, наличием квалифицированной работы, взаимодействием с местным населением [Степанов, Лисицын, 2022].

С увеличением количества трудовых мигрантов в России повышается и риск возникновения межэтнических конфликтов. Различия в культуре и религии могут провоцировать конфликты между двумя группами: носители разных ценностей не понимают друг друга, и, что хуже всего, не стремятся к этому пониманию. Выделяются различные причины конфликтных ситуаций между группами, их можно разделить на субъективные и объективные. К субъективным можно отнести нетерпимость к чужой культуре, радикальные взгляды и т. д. Говоря про объективные причины, можно заметить тяжелые условия жизни трудовых мигрантов: сложности съема жилья (что может быть следствием дискриминации мигрантов), низкооплачиваемая работа, отсутствие поддержки государства, слабая правовая защита, социальная изолированность группы [Корсаков, Цветкова, 2023].

Исследование на тему отношения принимающего населения к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии местного населения показало, что на восприятие брака с мигрантами влияет страна их исхода. Более лояльное отношение наблюдается к приезжим из Армении и Грузии, к выходцам из Центральной Азии оно более негативно. Данные различия во мнениях могут объясняться религиозной принадлежностью представителей различных стран [Пешкова, 2023]. Трудовые мигранты чаще держатся своими группами, местные жители не стремятся к взаимодействию с ними. Все это вызывает ощущение у местного населения, что рядом «чужаки» [Корсаков, Цветкова, 2023]. Усугубляют ситуацию СМИ, которые в погоне за привлечением читателей используют негативные выражения в отношении мигрантов, что порождает конфликты между двумя

группами. Начальным шагом в достижении мира и взаимопонимания между мигрантами и принимающим сообществом может быть прекращение такой тенденции в средствах массовой информации, на это указывают и эксперты, но значительных изменений в этом плане не наблюдается на данный момент времени [Леденева, 2022].

Государство реализует различные меры по адаптации мигрантов в обществе: внедряется система тестирования для определения уровня владения языком и знаний истории, культуры, законов, чтобы оценить, насколько приезжие готовы к проживанию в стране, открываются адаптационные центры для мигрантов. Так, Федеральное агентство по делам национальностей объявило об открытии таких центров в пяти субъектах страны: в Кемеровской и Челябинской областях, Республиках Татарстан и Саха (Якутия), в Хабаровском крае. Также в 70 субъектах России планируется внедрение «Курса по адаптации трудящихся мигрантов» с учетом специфики каждого региона. В Государственной Думе проводятся специальные заседания для определения масштабов конфликтов, предпринимаются шаги для интеграции мигрантов в российское общество. Кроме этого, многие главы регионов принимают локальные нормативные акты для обеспечения благоприятной социальной обстановки⁶.

Однако адаптационных центров и других мер может быть недостаточно для достижения государственной цели по адаптации мигрантов в обществе. Приезжему также нужно самому принять необходимость социальной и культурной интеграции и выработать определенную адаптационную стратегию. Каждый вид адаптации, как правило, сопряжен с определенными сложностями. Индивид может отказаться от привычного уклада жизни, своих традиций и убеждений и принять новый социальный уклад – такой вид называется пассивным. При активной форме адаптации человек сохраняет свой быт, ценности, нормы и не готов что-то менять и привносить в свою жизнь [Корсаков, Цветкова, 2023]. Федеральное агентство по делам национальностей провело опрос среди мигрантов в России, который показал, что 43 % мигрантов предпочитают шариат вместо установленных на территории РФ светских законов, 43,5 % хотят жить согласно порядкам, установленным у них на родине, игнорируя ценности и традиции российского общества, 24 % готовы участвовать в протестах, чтобы отстаивать право жить в России по нормам шариата, 15,3 % готовы принимать участие в незаконных политических акциях мигрантов⁷. На основе результата опроса можно сделать вывод о том, что большинство мигрантов предпочитают активную форму адаптации, отказываются от принятия новых норм.

Изучая вопрос адаптации мигрантов, исследователи говорят о существовании «Стратегии четырех Д»: доступ к информации, доступ к правовому статусу, доступ к инфраструктуре, доступ к ресурсам и услугам. Такие составляющие трудно измерить через статистику или даже опросы населения, ведь они по большей части происходят на бытовом уровне, что имеет определенную сложность при их фиксации. Например, мигрант имеет законное право пользоваться жилищной инфраструктурой страны пребывания, но на деле он сталкивается с дискриминацией при поиске жилья для съема.

⁶ Известия. Так принято: как мигрантов будут адаптировать к жизни в России. (2025). [Электронный ресурс]. Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/media/6823204/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁷ Уравнение шариатской безопасности. (2023). [Электронный ресурс]. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6251363> (дата обращения: 28.10.2025).

Исследование, проведенное на тему миграционной политики и проблем иностранной трудовой миграции в России, показало, что главными проблемами, с которыми сталкиваются мигранты в процессе адаптации, являются недостаточное владение русским языком, плохое знание российских законов, неуважение местных традиций, сложности с поиском жилья и работы [Сердюков, Винокурова, 2024b]. В процессе адаптации важно участие социальных институтов, и именно те из них, которые больше всего содействуют мигранту в решении его вопросов, оказывают самое сильное воздействие на его отношение к месту проживания и местному населению. Часто при возникновении трудностей и конфликтных ситуаций мигранты обращаются именно к гражданам своей страны, проживающим на территории принимающего государства. Такое положение дел еще больше усугубляет изоляцию группы, иностранные граждане не могут интегрироваться в общество [Илимбетова, 2021].

Исследование жизненных стратегий трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья на Дальнем Востоке определило, к какой социальной группе приезжие чувствуют большую принадлежность. В первую очередь мигранты соотносят себя с такими группами, как люди той же национальности (82 %) и того же вероисповедания (71 %), наименее же значимыми в системе идентичности мигрантов выступают граждане России (11,8 %) [Сердюков, Винокурова, 2024a].

Опрос, проведенный ВЦИОМ в 2024 г., показал, что 79 % респондентов довольны межнациональными отношениями в рамках своего места жительства, большая часть людей (81 %) не испытывают страха или неприязни к другим национальностям и мигрантам. Недоверие по отношению к иммигрантам испытывают около 18 % россиян. Больше всего настороженных – среди молодежи, людей с низким доходом, жителей столиц и активных пользователей интернета. Молодежь также чаще выражает неприязнь к мигрантам (19 % среди 18–24 лет против 10 % среди старших). Среди людей с неполным средним образованием уровень неприязни еще выше⁸. Почти половина россиян (47 %) считает трудовую миграцию положительным явлением для страны. Это значительно больше, чем в прошлые годы: в 2006 г. так думали лишь 21 %, в 2008 и 2013 гг. – по 14 %. Доля тех, кто относится к миграции отрицательно, снизилась до 40 %, тогда как в 2023 г. она составляла 74 %. Отмечается, что жители городов и жители сел не различаются во мнении, но есть значительная разница между представителями разных поколений и социально-экономических классов: молодежь и граждане с высоким доходом чаще высказывается за трудовую миграцию (61 % среди 18–24-летних и 56 % в группе 25–34-летних по сравнению с 2 % 45–59-летних; 61 % среди граждан с высоким заработком по сравнению с 28 %)⁹. При этом половина респондентов (52 %) поддержали бы предложение о запрете трудовым мигрантам привозить свои семьи в Россию¹⁰.

⁸ Межнациональные отношения и проблема иммиграции. (2024). [Электронный ресурс]. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnoshenija-i-problema-immigracii> (дата обращения: 14.07.2025).

⁹ Иммигранты в России: за и против. (2023). [Электронный ресурс]. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁰ Запрет мигрантам на въезд семей в Россию. (2024). [Электронный ресурс]. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapret-migrantam-na-vezd-semei-v-rossiju> (дата обращения 14.07.2025).

Методический раздел исследования

Миграционная ситуация на Дальнем Востоке имеет особое значение, т.к. она сопровождается одновременным оттоком населения из округа и потребностью в рабочей силе. Практически во всех субъектах Дальнего Востока фиксировался положительный миграционный обмен со странами СНГ (т.е. трудовых мигрантов прибыло больше, чем уехало). Одним из лидеров по приему иностранных граждан из стран СНГ на Дальнем Востоке является Приморский край¹¹.

Такая ситуация актуализирует необходимость проведения исследования, направленного на изучение отношения между приезжими и местным населением, а также вопросов адаптации трудовых мигрантов, этнической дискриминации и стереотипов в конкретном регионе. В общей сложности было проведено 10 интервью (5 интервью с представителями местного населения и 5 интервью с мигрантами). Все трудовые мигранты были мужчинами в возрасте от 27 до 42 лет. Представители местного населения были в возрасте от 23 до 51 лет, трое мужчин и двое женщин. Выборка формировалась на основе принципов доступности с учетом разнообразия социально-демографических и статусных характеристик информантов для выявления различных мнений о другой социокультурной группе и других аспектов, связанных с трудовой миграцией.

Результаты исследования

Отношение к трудовым мигрантам

Мнения местного населения относительно трудовых мигрантов разделились. Отмечаются и радикальные взгляды, например: «Отношусь больше отрицательно, чем положительно. Они невежды по отношению к нашей культуре, обезьяний темперамент и менталитет, религиозные, и эта религия не вписывается в мое понимание ... Это самая немирная религия. Там в религии написано: “убей неверного” – это уже секта», «Я больше негативно отношусь, как и все, наверное ... Они даже не знают язык, законы, традиции, никакие обычаи, а живут как у себя на родине, грубо говоря», «... если девушка красивая, то сразу начинают свистеть, говорить какие-то вещи нелицеприятные. А еще по статистике очень много педофилов и насильников среди мигрантов. Потому что у них в норме, когда взрослый мужик женится на маленькой девочке, и поэтому получается, что маленьких детей, девушек в такси завозят куда-то и насилуют, убивают».

Однако отмечалось и более лояльное отношение к мигрантам: «В силу моей профессии (профессия информанта связана со строительным бизнесом – прим. авт.) приходится сталкиваться с трудовыми мигрантами ежедневно ... Поэтому я приветствую труд мигрантов на строительных объектах, отношусь к ним с рациональной точки зрения».

На вопрос о том, с чем ассоциируются трудовые мигранты у принимающего населения, были даны ответы разного характера: «трудоспособные, выносливые, эффективные», «грязь, другое вероисповедание, невоспитанность», «развитие, чистота, конфликты».

¹¹ Число прибывших. [Электронный ресурс]. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 02.12.2025).

Конфликты между группами и дискриминация

Информанты, представляющие группу местного населения, отметили наличие конфликтов с трудовыми мигрантами: «Конфликтов, конечно, кучу-кучу-прекучу. Их учат там вообще совершенно по-другому, это другая страна, ну, вообще по-другому», «Если брать мигрантов с Узбекистана, Таджикистана, то они очень сами по себе вспыльчивые и конфликты происходят на этой почве. Они считают, что они здесь самые главные, такие все крутые, и начинают конфликт», «Конфликты были, есть и будут ... Но нужно решать что-то с этим, нельзя жить в страхе, ненависти. Мы были одной страной раньше, Союзом».

Информанты, представляющие группу трудовых мигрантов, разделились во мнениях: трое обозначили случаи конфликтов и дискриминации в их сторону: «Плохое отношение? Да, бывало ... Знакомым говорили плохие слова. Такое обижает, я знаю, что не все нас тут любят», «Я часто чувствую, что русские “свысока” на нас смотрят. Считают себя лучше нас», «Отменяли заказ и писали в приложении, что я нерусский». Другие же сообщают о том, что не сталкивались с негативным отношением к себе, но делают акцент на том, что общение с местным населением у них минимальное.

Этнические стереотипы

Представители местного населения считают, что стереотипы существуют в отношении как одной, так и другой стороны: «Что у мигрантов, что у нас они имеются, особенно у маргинальной части населения. У русских есть свои группировки против мигрантов по типу скинхедов. Ну, а у мигрантов есть впечатление, что мы злые люди, ненавидим их, националисты», «Они нас всех называют русней, говорят что мы тупо бухаем, что мы все своих родителей в дом престарелых сдаем, что мы не работаем, что мы бездельники, что они такие работающие ... Считают, что вот русские плохие, бухают и ничего не делают, и что мы все нацисты. Все нас нацистами называют. А у меня нет стереотипов о мигрантах, только факты», «У них в норме, когда взрослый мужик женится на маленькой девочке, и поэтому получается, что маленьких детей, девушек в такси завозят куда-то и насилюют, убивают ... Но, как я говорила, есть хорошие мигранты и они могут от стереотипов страдать».

Трудовые мигранты отмечают наличие определенных стереотипов у принимающего сообщества в отношении приезжих: «Русские плохо о нас думают. Может, потому что язык много кто плохо знает», «Они думают, что мы все дикие, преступники. И еще что мы ищем русскую жену», «Они думают, что мы здесь делаем все, что хотим. Я знаю, что среди нас есть плохие люди, но не все такие. Я не курю, не пью. Своей культуры придерживаюсь, я вам не мешаю», «Говорят, что мы работу отбираем. Но вы видели, чтобы русские на стройках трудились? Мы работаем там, где русских почти нет. Как мы отбираем работу?»

Проблемы мигрантов

Основные проблемы, которые указали иностранные граждане в процессе своего проживания в России – поиск рабочего места, оформление разрешения на работу и обман со стороны работодателей: «... у меня нет разрешения на работу ... Документов правда у многих нет», «С документами было неудобно – знакомые помогали», «Было время, когда не мог работу найти, приходилось ходить и спрашивать везде: “У вас есть работа?”».

Также, информанты делились опытом с трудностями в культурном и религиозном плане: «А культура, проблема с этим – это, понимаете, одежда женщин», «Я мусульманин, наши праздники здесь никто не отмечает, ну, прям так, чтобы все отмечали», «У вас другой Бог».

Местное население также высказало мнение о том, что трудовые мигранты могут сталкиваться с трудностями на новом месте жительства. По их убеждению, главными проблемами приезжих являются незнание языка и предвзятое отношение со стороны местного населения: «... предвзятое отношение из-за их культуры», «Русские недооценивают как раз их труд, вклад. Они очень стараются работать, им труднее это дается, чем русским», «Расизм в их сторону. Никто их не любит, они все это знают. Они, соответственно, в ответ тоже никого особо не любят. Это проблема, которую никак не решишь».

Вклад мигрантов в экономику и общество

Часть информантов из местного населения отмечают значимый вклад в экономику со стороны трудовых мигрантов, особенно это касается отрасли строительства и других сфер, в которых требуется тяжелый физический труд: «... трудовые мигранты для отрасли строительства очень важны, без них невозможно строить объекты быстро ... Значительный вклад в экономику. Как человек, занимающийся стройкой уже на протяжении 15 лет, большинство строителей, грузчиков и тому подобное – все-таки приезжие», «Вклад в экономику есть и достаточно большой. Потому что они работают по большей части в тех сферах, где мы не хотим работать: уборщики, грузчики и так далее. Их эта работа устраивает, и они хотят за две копейки работать». Однако негативно настроенные информанты считают, что численность населения РФ позволяет обходиться без миграции и существующего экономического вклада со стороны приезжих, хотя и признают его значимость для экономики страны.

Представители местного населения не считают, что мигранты приносят что-то позитивное в культуру и развитие общества: «... вклад в общество, культуру ... его нет. Вернее есть – исламизация, но я против такого культурного вклада», «Вклад в общество и в культуру? Нет, в нашей стране нет. Ну только может еда – плов, чебуреки и так далее».

Государственная политика

По поводу миграционной политики, которой должно придерживаться государство, мнения также разнятся. Все информанты, которые представляют группу местного населения, говорят об обязательности соблюдения миграционных законов, некоторые убеждены в необходимости ужесточения политики по данному направлению, однако никто не заявил о желании запретить въезд иностранным гражданам: «Политика государства должна быть уважительная и строгая, все только согласно закону ...», «Строгую политику миграционную! Экзамен по русскому языку ужесточить, модернизировать ... Запрещать въезд им не надо, у нас спад экономики будет», «... мигранты нужны России, они необходимы, но обязательна проверка на лояльность, уважение к культуре, и недопущение криминальных элементов и радикально настроенных».

Трудовые мигранты высказывались положительно по поводу проводимой государственной политики: «Все нормально, нас никто не трогает», «А что менять? Работаем и работаем».

Вывод

В результате изучения социокультурного взаимодействия трудовых мигрантов и местного населения можно сделать вывод о его значительном влиянии на общественную жизнь. Социологические исследования показывают, что наряду со значительной долей россиян, которые настроены к мигрантам доброжелательно, существует и доля людей, мнения которых по вопросам миграции устойчиво негативны. Обе стороны не готовы к «сотрудничеству»: среди мигрантов выходцы из Средней Азии обычно изолируются от местного населения, создают свои сообщества и не стремятся к принятию новых норм, в то время как россияне также дистанцируются от данной группы. Так образовывается «замкнутый круг» из конфликтов и противостояний. Необходимо признать, что миграция населения – это сложное явление, которое нуждается во внимании со стороны общества и государства. Важно продолжать исследования в области социокультурного взаимодействия иностранных граждан и местного населения, уделять внимание аспектам адаптации мигрантов, вопросам их включенности в принимающее сообщество и формированию общественного мнения в отношении данной группы.

Список литературы / References

Илимбетова, А. А. (2021). Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 2. С. 144-154.

Plimbetova, A. A. (2021). Adaptation and Integration of Migrants: Conditions, Goals, Approaches. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 2. Pp. 144-154. (In Russ.)

Корсаков, К. В., Цветкова, А. Д. (2023). Предупреждение конфликтов между россиянами и внешними трудовыми мигрантами. *Российское право: образование, практика, наука*. № 2. С. 86-95.

Korsakov, K. V., Cvetkova, A. D. (2023). Prevention of Conflicts Between Russians and Foreign Labor Migrants. *Russian Law: Education, Practice, Science*. No. 2. Pp. 86-95. (In Russ.)

Леденева, В. Ю. (2022). Отражение проблем межэтнических отношений в российских сми. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. №1 (39). С. 128-136.

Ledeneva, V. Y. (2022). Reflection of Problems of Inter-Ethnic Relations in the Russian Media. *Eurasian Integration: Economy, Law, Politics*. No. 1 (39). Pp. 128-136. (In Russ.)

Мешков, Д. Н., Смирнова, Е. О. (2023). К вопросу о современном состоянии трудовой миграции в России. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. № 2 (68). С. 127-131.

Mashkov, D. N., Smirnova, E. O. (2023). To the Question of the Modern State of Labor Migration in Russia. *Innovation Economy: Prospects for Development and Improvement*. No. 2 (68). Pp. 127-131. (In Russ.)

Пешкова, В. М. (2017). Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: нарративы и практики. *Этнографическое обозрение*. № 3. С. 48-62.

Peshkova, V. M. (2017). Life Plans of Migrant Workers from Central Asia in Russia: Narratives and Practices. *Ethnographic perspective*. No. 3. Pp. 48-62. (In Russ.)

Пешкова, В. М. (2023). Отношение к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии (на примере Москвы). *Мониторинг*. № 6 (178). С. 171-195.

Peshkova, V. M. (2023). Attitude to Marriages with Migrants as an Indicator of Social Interaction and the Level of Xenophobia (on the example of Moscow). *Monitoring*. No. 6 (178). Pp. 171-195. (In Russ.)

Сердюков, К. Н., Винокурова, А. В. (2024а). Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. №3 (70). С. 11-22.

Serdyukov, K. N., Vinokurova, A. V. (2024a). Life Strategies of Labor Migrants from Near Abroad: Far Eastern case. *Oikumene. Regional studies*. No. 3 (70). Pp. 11-22. (In Russ.)

Сердюков, К. Н., Винокурова, А. В. (2024б). Миграционная политика и проблемы иностранной трудовой миграции в Российской Федерации (по материалам экспертного опроса). *Теория и практика общественного развития*. № 3. С. 67-73.

Seryukov, K. N., Vinokurova, A. V. (2024b). Migration Policy and Problems of Foreign Labor Migration in the Russian Federation (Based on the Results of the Expert Survey). *Theory and Practice of Social Development*. No. 3. Pp. 67-73. (In Russ.)

Степанов, А. М., Лисицын, П. П. (2022). Социальный портрет современного мигранта. *Телескоп*. № 1. С. 104-110.

Stepanov, A. M., Lisitsin, P. P. (2022). Social Portrait of the Modern Migrant. *Telescope*. No. 1. Pp. 104-110. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Хасанова Полина Алишеровна – студентка направления Социология, Школа искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, ул. Володарского, д. 27, e-mail: khasanova.pa@dvfu.ru

Орлова Надежда Александровна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, ул. Саратовская, д. 10, e-mail: orlova.na@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1892-0097>

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026

После доработки: 22.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Khasanova Polina – Sociologist's Student, School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Volodarskogo 27, e-mail: khasanova.pa@dvfu.ru

Orlova Nadezhda – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, e-mail: orlova.na@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1892-0097>

The paper was submitted: 12.01.2026

Received after reworking: 22.02.2026

Accepted for publication: 06.03.2026

УДК 1: 316.32. 2

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ

С. И. Черных

Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий (г. Новосибирск)
serg2560380@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с изменениями международного образовательного пространства, происходящими в период деглобализации, многополярности и суверенизации. Постулируются основные диспозиционные характеристики, влияющие на развитие современных образовательных систем и определяющие его как реальный геополитический фактор. Особое внимание уделяется становлению российской системы образования как суверенной. Современное ее состояние и статус проводимых реформ концептуализируется как третья попытка России занять достойное место в рамках геополитического образовательного пространства. В заключение делаются выводы о том, что, во-первых, деглобализация, регионализация и суверенизация определяют возрастающую зависимость образования от экономики. И, во-вторых, образование перестает быть автономным сектором и превращается в определяющее условие синхронизации технологического прогресса и человеческого капитала.

Ключевые слова: мировое образовательное пространство, российское образование, деглобализация, человеческий капитал, образовательный суверенитет, реформы, стратегия развития образования.

Для цитирования: Черных, С. И. (2026). Образование как фактор геополитики. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 147-159. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.147-159

EDUCATION AS A FACTOR OF GEOPOLITICS

S. I. Chernych

Siberian University of Engineering and Biotechnology (Novosibirsk)
serg2560380@yandex.ru

Abstract. The article examines some aspects related to the changes in the international educational space taking place during the period of deglobalization, plurality and sovereignization. The main dispositional characteristics that influence the development of modern educational systems and define it as a real geopolitical factor are postulated. Special attention is paid to the formation of the Russian education system as a sovereign one. Its current state and the status of ongoing reforms are conceptualized as Russia's third attempt to take its rightful place within the framework of the geopolitical educational space. In conclusion, it is concluded that, firstly, deglobalization, regionalization and sovereignization determine the increasing dependence of education on the economy. And secondly, education is no longer an autonomous sector and is becoming a crucial condition for synchronizing technological progress and human capital.

Keywords: global educational space, Russian education, deglobalization, human capital, educational sovereignty, reforms, education development strategy.

For citation: Chernych, S. I. (2026). Education as a Factor of Geopolitics. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 147-159. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.147-159

Введение

Современная геополитическая ситуация характеризуется тем, что неопределенность, которая ей присуща, распространяется на все формы человеческой жизнедеятельности. Это детерминирует динамическую реформацию этих форм. Цель этих реформ – приобретение обществом хотя бы относительно устойчивого состояния. На сегодняшний день этот тренд нельзя охарактеризовать как успешный. Данный тезис подтвержден на всемирном экономическом форуме, состоявшемся 19–23 января 2026 г. В докладе “The Global Risks Report 2026. 21 st Edition. Insight Report” было заявлено (на основании опроса более чем 1,3 тыс. экспертов по рискам и мировых лидеров), что мир в своем развитии на ближайшие десять лет будет характеризоваться многополярностью, неопределенностью, «конфронтацией вместо сотрудничества и доверия». Авторы доклада предупреждают, что геэкономическая неопределенность может дестабилизировать не только глобальные экономические структуры, но и некоторые социумные сущности в целом. Особенно сильно варьируются экологические, технологические и мировоззренческие риски, которые связаны с развитием дезинформации, кибербезопасностью и влиянием искусственного интеллекта (ИИ – *Авт.*) на социальную стабильность. Перспективы на ближайшие годы (до 2028 г.) расцениваются как «турбулентные» (около 50% экспертов), другого мнения придерживается только 1% экспертов, но в десятилетней оптике число сторонников «штормовой» геополитики и геэкономии возрастает до 57%. Даже с учетом того, что доклады ВЭФ – это только ориентир, а вовсе не руководство к действию, из заключения доклада становится ясным, что геополитика буквально «заставляет» стратегии устойчивого развития «адаптироваться к новой географии», т. е., признавая «универсальные стандарты», уделять больше внимания проблематике регионализации своих интересов и суверенизации собственных национальных смыслов и ценностей¹.

Актуальность исследования. Операционный контекст подобных векторов имманентно содержит в качестве категорического одно условие. Образовательная система страны должна быть «заточена» таким образом, чтобы эти интересы, смыслы и ценности детерминировались (в процессе своего формирования) в первую очередь национальными потребностями. Именно такая причинно-следственная зависимость позволит «снять» те риски, которые являются самыми важными (поскольку они касаются каждого из нас). Поэтому законы, в том числе и в России, обращают особое внимание на развитие своего образовательного пространства, «превращая» его в достаточный фактор обеспечения своего устойчивого развития, с одной стороны. С другой – национальная образовательная политика развитых стран формируется таким образом, что образование выступает как «мягкая сила» в расширении геополитического влияния. Точно так же как «ковид и геополитический шок 2022 г. убили новую мировую экономику» (основанную на однополярности, глобализации

¹ Elsner, M., Atkinson, G., Zahidis, S. (2026) *The global Risks Report 2026 21st Edition Insight Report (January 2026) WEF_Global_Risks_Report_2026.pdf*. [Online]. Available at: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/> (Accessed: 25 January 2026).

и либерализме – *Авт.*) и создали другую – «совсем новую экономику», девизом которой можно считать: «Вперед в прошлое!», так и развитие мирового образовательного пространства (в дальнейшем МОП – *Авт.*) возможно подвергнуть ревизии с позиции деглобализации, регионализации и суверенизации, как определяющих эту «совсем новую экономику» факторов [Целищев, 2025, с.12]. Именно такая частичная ревизия (рассмотрения) и будет целью настоящей работы.

Методология исследования. Анализ научной и научно-публицистической литературы до и постпандемийного периода реформации мирового образовательного пространства, катализированного геополитическими сдвигами после 2022 г., позволил сформулировать некоторые исходные и важные для дальнейших рассуждений методологические тезисы [Целищев, 2025; Любарский, 2020; Хан, 2025]. Весьма полезными оказались материалы, представленные в солидных аналитических отчетах, посвященных проблематике геополитических проблем и образования (в том числе и российского), а также их взаимозависимости [Княгинина и др., 2025; Сбоев и др., 2025]. Многочисленные публицистические статьи, комментирующие эти и другие отчеты в Интернете, также оказались актуальными в дискурсе темы². Вышеизложенную аналитику подтвердили и не очень многочисленные пока публикации в научных журналах, описывающие процессы изменений в региональных образовательных системах, происходящих в поддержку суверенизации и под влиянием пертурбаций геополитики [Ван Сюань, Ван Бин, 2025].

В итоге был сформулирован исходный для работы набор методологических принципов, изложенный ниже:

- современные изменения, происходящие в МОП, детерминированы двумя основными факторами: геополитической волатильностью и быстрым внедрением технологий;
- мир становится сложнее и технологичнее, требования к образованию растут, а образовательные технологии становятся непрерывными и динамичными;
- деглобализация – регионализация – суверенизация определяют возрастающую зависимость образования от экономики;
- одновременно эта зависимость «суживает» образование до обучения, во-первых, и, во-вторых, делает обучение определяющим условием синхронизации процессов развития технологического прогресса и человеческого капитала;
- образование перестает быть автономным сектором и становится ключевым элементом социальной, экономической и геополитической устойчивости региона в условиях геополитических шоков, что делает региональные образовательные пространства (в дальнейшем РОП) наряду с социальным капиталом, наукой и экономикой основой конкурентного потенциала отдельно взятого государства.

² Говорун, А. (2025). *Вся мировая экономика в 2025 году в одной наглядной визуализации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://naked-science.ru/community/1142987> (дата обращения: 05.01.2026); Скопич, Ю. (2025). *Каким будет образование будущего в России и мире. Рассуждаем сами и спрашиваем экспертов*. [Электронный ресурс]. URL: <https://t-j.ru/guide/future-education> (дата обращения: 14.01.2026); Федосеев, А. (2026). *Четыре будущих для новой экономики: Геоэкономика и технологии в 2030 году*. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall106919829_28578. (дата обращения: 14.01.2026).

Обсуждение и результаты

Модель новой экономики и образования. На рубеже XX и XXI вв. ряд западных философов (Ф. Парфит, У. Макаскилл, К. Пайпер, Л. Кемп, Т. Орд, Н. Бэкстед, К. Шульман и др.) сформулировали тезис о поворотном моменте в истории человечества. Они утвердили достаточно жесткую формулировку о том, что пертурбации, подобные коронавирусной инфекции или политическим конфликтам, – это фон для понимания главных, определяющих трендов. Эти тренды, характерные для рубежа XX–XXI вв., как они считали, могут определить судьбу человечества на следующие тысячи лет. Постулировались катастрофизм и лонгтермизм, а также эффективный альтруизм, которые надолго стали мировоззренческими, идеологическими и философскими трендами. Тоби Орд аккумулировал эти тренды в двух понятиях, которые впоследствии широко интерпретировали (в зависимости от статуса исследования) многие ученые и геополитики. Это понятия «экзистенциальный риск» и «экзистенциальная катастрофа». «Экзистенциальная катастрофа, – определяет он, – это разрушение долгосрочного потенциала человечества <...> Экзистенциальный риск – это риск, грозящий уничтожением долгосрочного потенциала человечества» [Орд, 2023, с. 47].

Основываясь на методологических инвариантах лонгтермизма и эффективного альтруизма, в декабре 2025 г. ВЭФ представил доклад «Четыре будущих для новой экономики. Геоэкономика и технологии в 2030 году». В докладе, исходя из основного тезиса о том, что «в новой экономике стратегические решения, сопряжены с повышенной сложностью, риски становятся все более зависимыми, а возможности могут возникать неожиданным образом», представлены четыре возможных варианта будущего:

Первый: Цифровой порядок. Условия: стабильная политика + быстрое внедрение технологий.

Второй: Осторожная стабильность. Условия: геополитическая нормализация + медленное / концентрированное внедрение технологий.

Третий: Выживание на основе технологий. Условия: геополитическая волатильность + быстрое внедрение технологий.

Четвертый: Геотехнологические сферы. Условие: геополитическая волатильность + разочарование в технологиях³.

«Совсем новая экономика», анализ которой предпринял И. Целищев, выстраивает свою модель в объеме третьего и четвертого вариантов, согласно которым инвестиции в технологии (читай в «образование-науку-бизнес») становятся либо катализатором, либо тормозом геополитики и экономики.

Модель «совсем новой экономики». Принципы инвестиций в образование. Модель «совсем новой экономики», которая выстраивается в условиях геополитической волатильности и быстрого внедрения технологий в развитых странах и группе НЭД (новых экономических держав – термин И. Целищева) основана на ряде принципов. Основными из них являются:

³ Федосеев, А. (2026). *Четыре будущих для новой экономики: Геоэкономика и технологии в 2030 году*. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall106919829_28578. (дата обращения: 14.01.2026).

– новая модель строится вокруг региональных экономических блоков; основными преимуществами их динамики являются логистика, политическая стабильность и относительная технологическая независимость с перспективой суверенизации;

– кризисы последних лет показали, что без активной роли государства устойчивость экономических систем резко снижается; антикризисные пакеты, субсидии, контроль за стратегическими отраслями, борьба с коррупцией становятся функциональной нормой власти;

– сегодня к традиционным формам капитала (земля, труд, деньги) добавились технологии и данные ИИ, автоматизация и «биг дата», которые изменили рынок труда, повысили производительность, сформировали цифровой и технологический капитал, усилили социальное неравенство; по оценкам ОЭСР к 2030 г. могут существенно измениться (под влиянием автоматизации) до 30 % рабочих мест;

– диверсификация, цифровизация, развитие внутренних рынков и преобразование человеческого капитала – основные элементы новых экономических стратегий; таким образом, на геополитическом фоне выживают те, кто быстрее перестраивается, учится, принимает нестандартные решения;

– инвестиции в человеческий капитал и, в первую очередь, в его динамическое образование и постоянную перекавалификацию, становятся не просто мерой статического планирования, а стратегическим экономическим и геополитическим приоритетом [Целищев, 2025]. «Технологическое развитие ведет к отчуждению традиционных форм труда ... создает возможности для нового синтеза человеческих способностей, что находит выражение в формировании таких компонентов человеческого капитала, как биоадаптивный и нейрокогнитивный капитал ... Требуется разработки новых моделей образования и профессиональной подготовки ... В этих аспектах особую значимость приобретает развитие этического капитала» [Петухова, Черных, 2025].

Таблица 1

Рейтинг стран по соотношению размеров ВВП с расходами на образование (долл)⁴

Страна	Размер ВВП (трлн)	на образование %	на образование (млрд)
США	30,6	5,4	1,652
Китай	19,4	4,0	776
Германия	5,0	5,2	260
Япония	4,3	3,3	141,9
Индия	4,1	4,1	168,1
Англия	4,0	4,0	236,0
Франция	3,4	5,3	180,2
Италия	2,5	4,1	102,5
Россия	2,5	4,2	105,0

⁴ Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование. (Электронный ресурс). Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (дата обращения: 26.01.2026); Говорун, А. (2025). *Вся мировая экономика в 2025 году в одной наглядной визуализации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://naked-science.ru/community/1142987> (дата обращения: 05.01.2026).

В России планируемый (до 2029 г.) бюджет сохраняет 4 %. Целевой ориентир – 2028 г. Затраты ~ 1 трлн 880 млрд руб. = 24,5 млрд долл.

Впрочем, констатация того, что процентные отчисления от бюджета на развитие образования остаются более или менее постоянными, мало что говорит. Сам бюджет изменяется в зависимости от многих внешних и внутренних условий. На примере России это особенно заметно. Гораздо более важным индикатором для геополитики является эффективность того, что называют государственной политикой. В области образования этот индикатор индивидуален для каждого государства, историчен по своей сути, т. к. (по идее!) должен концентрировать в себе цели, ценности и смыслы, присущие именно этому государственному образованию. Попробуем проиллюстрировать это на примере СССР-России и ее попытках «вхождения» в МОП.

Вхождение в мировое образовательное пространство.

Этап 1: 1918–1960 гг.⁵ [Иващенко, Дерябникова, 2025]

Цель: ликвидация неграмотности.

Смысл: формирование типа личности, соответствующей социализму.

Ценность: создание РОП для формирования такого типа.

Таблица 2

Вхождение в мировое образовательное пространство. Этап 1

Даты	События и цифры
1 период 1897–1920 гг.	Только 30 % взрослого населения России было грамотным. Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР».
2 период 1920–1939 гг. 1937 г. (перепись)	ВЧК л/б – ликпункты-школы ликбеза добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН) – комсомол – культпоход – культшефство – культэстафета – план по ликбезу избы / читальни. <i>Итог:</i> Всеобщее начальное образование (обучение). 26 % населения старше 9 лет не умели читать и писать.
3 период 1939 г. (перепись) – 1960 г. 1959 г. (перепись)	11 % от жителей страны в возрасте 9–49 лет неграмотны, среди более старшего возраста 19 %. Обязательное начальное обучение – школа-семилетка, вечерние школы – всеобщее обязательное 8-летнее обучение (1958–1963 гг.) 13,3 млн неграмотных (старше 50 лет).
4 период 1960-е гг. 1970-е гг. 1980-е гг.	<i>Всеобщее среднее образование.</i> К концу 1970-х гг. 99 % молодежи были охвачены средним образованием. Сложилось советское РОП. Школа + СПО + ВО (ВТУЗ) + УНПО + УНПК + МНТК.

⁵ Вдовенко, А. (2025). 9 неоднозначных фактов о том, как в СССР боролись с неграмотностью. [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/9-neodnoznachnyh-faktov-o-tom-kak-v-sssr-borolis-s-negramotnostyu/?ysclid=mmn6pey0ju377366863> (дата обращения 24.01.2026).

1980-е и первая половина 1990-х гг. XX в. окончательно сформировали и укрепили традиционное советское региональное образовательное пространство. Государство выступало основным регулятором его развития и инициатором проводимых реформ. Отличительной характеристикой государственной политики в области образования было единство целей, смыслов и ценностей. Это актуализировало статусность основных субъектов и институций образовательной системы.

Однако в геополитической оптике достижения в развитии российского РОП были замечены только с конца 1960-х гг. (освоение космоса, гонка вооружений). Еще одной качественной характеристикой развития российского РОП была развитая сеть организационных форм взаимодействия «наука-образование-производство». Создав мощное РОП, СССР был готов к взаимодействию с МОП. Первоначально в рамках социалистического лагеря, затем и более расширенной географии. Это был выигранный геополитический этап для российского РОП.

Вхождение в мировое образовательное пространство. Этап 2 (2003–2022 гг.)

Радикальная попытка такого взаимодействия была связана с реконструкцией советского РОП и интеграцией в Болонский процесс. Избегая лишних комментариев по поводу «пребывания» России на этом этапе, определим его цели, смыслы и ценности.

Цель: интеграция в европейское и мировое образовательное пространство.

Смысл: формирование нового типа личности – свободного либерала.

Ценность: актуализация российского РОП как интегрированного элемента системы МОП.

Концептуализаций и рефлексий по поводу формальных и неформальных сторон «бытийственности» российского образовательного пространства на этом этапе предостаточно. В этом ряду достойное место занимает серия коллективных монографий, посвященных проблематике российского РОП в геополитическом дискурсе, под общей редакцией О. А. Донских [Современное российское образование ..., 2022; Колесо времени ..., 2024; Цифровизация в социокультурном измерении, 2025]. В них проводится последовательный анализ развития, состояния и следствий деконструкции советского РОП, конструирования нового регионального пространства на основе цифровизации и т. д. Со своей стороны хочу привести лишь некоторые характеристики российского РОП на «входе» и «выходе» из второго (Болонского) этапа интеграции в геополитическое образовательное пространство.

Таблица 3

Вхождение в мировое образовательное пространство. Этап 2 (2003–2022)⁶

Вступление в Болонский процесс 2003 г.		Выход из Болонского процесса 2022 г.		2002–2003 гг.	2022 г.
количество вузов	количество студентов	количество вузов	количество студентов	количество иностранных студентов	
1039	≈ 5,95 млн	812	4,1 млн	351,5 (без оплаты)	362,0 тыс.

«Вход» и «выход» из Болонского процесса в контексте геополитического положения России с 2022 г. продемонстрировал (для российского РОП) не только неудачу второй попытки интеграции в МОП, но и катализировал необходимость ее рациональной суверенизации. В указанных выше монографиях рефреном многих разделов звучало убеждение в необходимости переориентации всего мировоззренческого фона общественного и индивидуального сознания. Утверждался новый геополитический тезис, в основе которого лежит регионализация развития и формирования образовательного пространства. Вместе с тем, в условиях формирования «платформенного капитализма» (термин И. Целищева) научная картина мира, складывающаяся преимущественно под влиянием «мира медиа», уже успела квантифицировать сложные экономические и политические феномены в интересах наднациональных структур. В результате такой «квантификации» до индивидуального сознания «доводится» то, что не позволяет создать «целостность бытия» в условиях неопределенности. Образование, соответствующее квантифицированному сознанию и ценностям технологических суверенитетов, стало терять человекообразность, во-первых, и во-вторых, обретать профессионализм как свой основной смысл и предназначение. Достаточно быстро это было осознано как новый вызов, в основе которого лежало противоречие между технологическим процессом и смысловым наполнением формирования человеческого капитала [Хан, 2025; Петухова, Черных, 2025; Колесо времени ..., 2024]. Поскольку это относилось ко всем субъектам образования, как индивидам, так и институциям, в МОП начались тотальные реформы РОП, имеющие целью синхронизацию технологического процесса и человеческого капитала. Эти процессы осложняются тем, что национальная логика образовательных стратегий часто противоречит региональным и национальным стратегиям.

⁶ *Итоговый отчет Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2022 год.* (2023). [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/d11/xpy12a0zyrsl1yk7b39v1nvox19u1u53.pdf> (дата обращения: 15.01.2026).

Тем не менее, в докладе ОЭСР “Trends Shaping Education 2025” ВЭФ определены общие закономерности, характерные для геополитической детерминации реформ. К ним относятся:

- рост геополитической напряженности и конкуренция за образовательные ресурсы;
- расходы на безопасность растут быстрее, чем расходы на образование;
- конфликты и климатическая миграция усложняют задачу образовательной интеграции;
- развитие ИИ и «зеленых» отраслей меняет структуру рынков труда и обновления образовательного содержания.

Среди наиболее системных инициатив выделяются две:

- континентальная стратегия образования для Африки 2026–2063 гг.;
- китайская стратегия развития образования 2024–2035 гг.

Сопоставительный анализ позволяет выделить общее и особенное в тех стратегиях, которыми руководствуются регуляторы РОП.

Африка. Упор делается на приоритеты и управляемый контроль. К приоритетам отнесены: ресурсы и благоприятная среда; учителя и лидерство; дошкольное и среднее образование; в высшем образовании приоритет отдается спецпрограммам TVET (электронные технологии); особое внимание уделяется так называемым «программам второго шанса»; решению проблем гендерного равенства и инклюзии. Обращает на себя внимание то, что стратегия рассчитана на очень длительный срок. Соответственно: формируется сопровождение в виде обновленной системы мониторинга, сокращается набор индикаторов, стандартизируется сбор данных, усиливается значимость образовательных кластеров, отвечающих за реализацию стратегии.

Китай. Разработан масштабный государственный план, рассчитанный на 2024–2035 гг., целью которого является построение «образовательной державы», отвечающей интересам модернизации. Созданы генерализирующие стратегию документы. В 2019 г. принят план «Модернизация образования Китая к 2035 году». В мае 2025 г. «Белая книга по интеллектуальному образованию в Китае», согласно которой основой модернизации национального образовательного пространства (в дальнейшем НОП) Китая должны стать цифровизация и ИИ. Уже достигнуты первые результаты. На 50 % создана общенациональная единая интегрированная (через ведущие университеты и сеть центров обработки данных) образовательная платформа, на которой сосредоточены национальные и мировые образовательные ресурсы, а также произведена направленная динамическая проработка индивидуализированных траекторий обучения. На этой платформе располагаются ресурсы для учителей, предполагается расположить ресурсы для семей. Особое внимание уделяется подготовке нового поколения специалистов и внедрение ИИ в деятельность образовательных организаций. В феврале 2024 г. уже функционировали 184 пилотные школы с соответствующими ИИ-образованию регламентом. Воспитание приоритетного отношения к ИИ составляет отдельную национальную программу. На июнь 2025 г. число квалифицированных пользователей высоких технологий (генеративного ИИ) в Китае составило 575,5 млн, т. е. 36,5 % населения [Княгинина и др., 2025; Сбоев и др., 2025; Ван Сюань, Ван Бин, 2025].

США. Происходит радикальная перестройка управления образованием:

– расформируется (через сокращение функций и персонала) Министерство образования; основное планирование и стратегия переносится на администрации штатов и специальные комиссии;

– усиливается (через финансовые расследования и контроль) давление на автономию университетов;

– модернизируются (через специальные комиссии) требования к качеству учебных программ;

– законодательно ужесточаются требования для визового режима к иностранным студентам [Княгинина и др., 2025].

Альянс Брикс. Пример РОП, который демонстрирует попытки расширения и формализации взаимодействия НОП, в обмене практиками и «мягкой интеграции» систем образования в основном за счет обмена студентами:

– завершена формализация Альянса профессионального образования;

– расширяется представительство стран в Сетевом университете БРИКС;

– оформляются коллективные амбиции по развитию сотрудничества и исследований в сфере ИИ.

Объемное исследование в области политики по развитию ИИ и его использованию в области образования, проведенное Университетом бизнеса Мельбурна, показало, что сегодня ИИ становится не только технической, но и политической проблемой для всего МОП. Противостояние Запад-Восток в этом дискурсе все чаще рассматривается как дуополия США-Китай. Во всех сформированных и формирующихся НОП набирают силу внутренние дебаты о роли государства, ценностях и этике применения ИИ в образовании. При этом каждая страна развивает свое НОП с учетом особенностей культурного кода, институционального дизайна, менталитета и ресурсных ограничений. Европа (ЕС) делает акцент на приоритете безопасности, контроле рисков и защите прав человека. США акцентируют дерегуляцию, инновации и технологическое лидерство. Китай уже прокламировал масштабную государственную интеграцию ИИ для достижения национального доминирования [Gillespie et al., 2025].

Заключение

После извлечения «уроков второго этапа вхождения» в МОП Россия приступила к реформированию своего НОП. Основой реформ является разрабатываемая (с учетом геополитических ценностей и исторического опыта) Стратегия развития образования до 2036 г. с перспективой до 2040 г. Согласно графику первый вариант должен был быть представлен в январе 2025 г., окончательный – в марте 2025 г. Затем сроки (в результате обсуждений и геополитических факторов) сдвинулись. Новый вариант, представленный в июле 2025 г., дебатруется до сих пор. Однако некоторые элементы Стратегии уже «запущены», и НОП реорганизуется в дискурсе реформ:

- в 17 вузах (6 уже участвуют, 11 – будут с 01.09.2026) пилотируется обновленная модель высшего образования;
- явно расширяются механизмы контроля и единообразия;
- усиливается тенденция на управляемую регулятором стандартизацию содержания школьного образования;
- растет внимание государства к STEM-образованию и системе СПО как ключевым игрокам государственной образовательной политики на рынке труда;
- наряду с государственным активизируются частное и, особенно, корпоративное обучение;
- наблюдается осознанный и политически ангажированный процесс «слоуболизации» – перехода от либеральной модели «открытых дверей» к модели «управляемой интернационализации».

Будет ли заложен в Стратегию (как регулятивный) принцип коммерциализации учебных заведений, а также рациональное обоснование тезиса о «повышении производительности труда» в университетах, покажет дальнейшее развитие событий.

Но в любом случае очевидно, что от адекватного для России определения цели, смысла и ценности Стратегии будет зависеть ее авторитет на геополитическом образовательном пространстве, ее значимость как региональной державы и качество национального образовательного пространства.

Список литературы / References

Ван Сюань, Ван Бин. (2025). Управление высшим образованием в Китае в условиях цифровой трансформации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 25. № 1. С. 203-213. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-1-203-213.

Wang Xuan, Wang Bing. (2025). Higher Education Management in China in the Context of Digital Transformation. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 25. No. 1. Pp. 203-213. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-1-203-213. (In Russ.)

Ивашченко, В. А., Дерябникова, В. С. (2025). Ликвидация безграмотности в СССР. *Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность*. № 1. С. 88-95.

Ivashchenko, V. A., Deryabnikova, V. S. (2025). The Elimination of Illiteracy in the USSR. *The Main Trends in the State and Social Development of Russia: History and Modernity*. No. 1. Pp. 88-95. (In Russ.)

Княгинина, Н. В., Пучков, Е. В., Бальжинимаева, В. В. (2025). *Мировая образовательная политика 2025: тренды, реформы, решения (демо-версия доклада)*. М.: НИУ ВШЭ, Институт образования. 80 с.

Knyaginina, N. V., Puchkov, E. V., Balzhinimaeva, V. V. (2025). *World Education Policy 2025: Trends, Reforms, Solutions (Demo version of the Report)*. Moscow. 80 p. (In Russ.)

Колесо времени: новый осевой поворот. (2024). Под общ. ред. О. А. Донских. Новосибирск. 374 с.

Donskikh, O. A. (ed.). (2024). *The Wheel of Time: A New Axial Rotation*. Novosibirsk. 374 p. (In Russ.)

Любарский, Г. Ю. (2020). *Образование будущего. Университетский миф и структура мнений об образовании XXI века.* М.: Товарищество научных изданий КМК. 526 с.

Lyubarsky, G. Y. (2020). *Education of the Future. The University Myth and the Structure of Opinions About Education of the 21st century.* Moscow. 526 p. (In Russ.)

Орд, Т. (2023). *На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества.* Пер. с англ. Е. Фоменко. М.: Изд-во АСТ: CORPUS. 528 с.

Ord, T. (2023). *On the Edge of the Abyss. Existential Risk and the Future of Humanity.* Fomenko, E. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Петухова, М. С., Черных, С. И. (2025). Трансформация структуры человеческого капитала в условиях перехода к экономике технологий в агропромышленном комплексе: философский анализ. *Профессиональное образование в современном мире.* Т. 15. № 3. С. 401-600. DOI:10.20913/2618-7515-2025-3-4.

Petukhova, M. S., Chernykh, S. I. (2025). Transformation of the Human Capital Structure in the Context of the Transition to a Technology Economy in the Agro-industrial Complex: A Philosophical Analysis. *Professional Education in the Modern World.* Vol. 15. No. 3. Pp. 401-600. (In Russ.)

Сбоев, А. Н., Сбоева, Д. А., Сандомиров, А. А., Лукин, А. Л. (2025). *Китайский ИИ. Обзор применения технологий искусственного интеллекта в КНР: Аналитический доклад.* Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та. 57 с.

Failures, A. N., Failures, D. A., Sandomirov, A. A., Lukin, A. L. (2025). *Chinese AI. An Overview of the use of Artificial Intelligence Technologies in China. Analytical Report.* Vladivostok. 57 p. (In Russ.)

Современное российское образование: выводы и ответы. (2022). Под общ. ред. О. А. Донских. Новосибирск: НГУЭУ. 247 с.

Donskikh, O. A. (ed.). (2022). *Modern Russian Education: Conclusions and Answers.* Novosibirsk. 247 p. (In Russ.)

Хан, С. (2025). *Новые миры образования. Трансформация обучения в эпоху искусственного интеллекта.* Пер. с англ. М.: Альпина ПРО. 192 с.

Khan, S. (2025). *New Worlds of Education. The Transformation of Learning in the Age of Artificial Intelligence.* Moscow. 192 p. (In Russ.)

Целищев, И. С. (2025). *Совсем новая экономика: как умирает глобализация и что происходит ей на смену.* М.: Эксмо. 330 с.

Tselishchev, I. S. (2025). *A Completely New Economy: How Globalization is Dying and what is Happening to Replace it*. Moscow. 330 p. (In Russ.)

Цифровизация в социокультурном измерении. (2025). Под общ. ред. О. А. Донских. Новосибирск: НГУЭУ. 291 с.

Donskikh, O. A. (ed.). (2025). *Digitalization in the Socio-cultural Dimension*. Novosibirsk. 291 p. (In Russ.)

Gillespie, N., Lockey, S., Ward, T., Macdade, A. (2025). *Trust, Attitudes and Use of Artificial Intelligence. A global study 2025*. The University of Melbourne and KPMG. 115 p. DOI: 10.26188/28822919.

Сведения об авторе / Information about the author

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Сибирского государственного университета инженерии и биотехнологий, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, e-mail: serg2560380@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>.

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

После доработки: 02.03.2026

Принята к публикации: 12.03.2026

Chernykh Sergey – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy of the Siberian State University of Engineering and Biotechnology, Novosibirsk, Dobrolyubova St., 160, e-mail: serg2560380@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>.

The paper was submitted: 26.01.2026

Received after reworking: 02.03.2026

Accepted for publication: 12.03.2026

РЕЦЕНЗИИ

УДК 314 + 316

«ПОВОРОТ НА ВОСТОК»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И / ИЛИ ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ?

Е. М. Арутюнова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Московский институт психоанализа (г. Москва)
981504@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ монографии «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в условиях поворота на Восток» (отв. ред. Т. Б. Смирнова, А. Н. Блинова). Исследование посвящено комплексному анализу этнодемографических процессов в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Оно основано на данных статистики, массовых социологических опросов и качественных интервью. Проанализированы динамика численности и этнического состава населения, миграционные процессы, демографическое поведение разных народов и состояние межнациональных отношений, а также представлены детальные очерки по 11 субъектам РФ с исторической ретроспективой и анализом современной ситуации. Ключевые выводы фиксируют устойчивую депопуляцию восточных регионов, изменение этнической структуры за счет оттока русского населения и притока мигрантов из Центральной Азии, а также демографическую асимметрию как вызов для реализации «поворота на Восток».

Ключевые слова: регионы России, азиатская часть территории России, демография, миграции, межнациональные отношения.

Для цитирования: Арутюнова, Е. М. (2026). «Поворот на Восток»: геополитическая метафора и / или операциональный вектор государственной политики? *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 160-164. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.160-164

IS THE “PIVOT TO THE EAST”: A GEOPOLITICAL METAPHOR AND / OR AN OPERATIONAL VECTOR OF STATE POLICY?

E. M. Arutyunova

Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Moscow Institute of Psychoanalysis (Moscow)
981504@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the monograph “Asian Russia: Demography, Ethnic Composition of the Population, and Interethnic Relations in the Context of the Turn to the East” (edited by T. B. Smirnova and A. N. Blinova). The study focuses on a comprehensive analysis of ethno-demographic processes in the regions of the Urals, Siberia, and the Far East. It is based on statistical data, mass sociological surveys, and qualitative interviews. The authors analyze the population dynamics and ethnic composition, migration processes, the demographic behavior of various peoples, and the state of interethnic relations. Detailed essays on 11 constituent entities of the Russian Federation are also presented, providing historical context and an analysis of the current situation. The key findings indicate a steady depopulation of the eastern regions, a change in the ethnic structure due to the outflow of the Russian population and the influx of migrants from Central Asia, and demographic asymmetry as a challenge to the implementation of the “Turn to the East”.

Keywords: regions of Russia, Asian part of Russia, demography, migration, interethnic relations.

For citation: Arutyunova, E. M. (2026). Is the “Pivot to the East”: a Geopolitical Metaphor and / or an Operational Vector of State Policy? *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 160-164. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.160-164

Монография «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в условиях поворота на Восток» [Азиатская Россия ..., 2025] вышла в момент, когда понятие «поворот на Восток» перестало быть геополитической метафорой и превратилось в операциональный вектор государственной политики. Однако до сих пор дискуссии об этом процессе ведутся преимущественно в категориях макроэкономики и международных отношений, хотя вопрос о том, что происходит с человеческим капиталом на восточных территориях, – с демографической структурой, этническим составом, идентичностью и межгрупповыми отношениями, – не менее важен.

Актуальность работы связана и с ее хронологическими рамками (2020–2025 гг.), которые позволяют зафиксировать социальные эффекты не только долгосрочных постсоветских трендов, но и текущей геополитической турбулентности. Исследование отвечает на запрос не только академического сообщества, но и органов государственного управления, нуждающихся в верифицированных данных для корректировки национальной, миграционной и демографической политики в регионах, составляющих три четверти территории страны.

Монография стала результатом реализации проекта «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток» (руководитель доктор исторических наук Т. Б. Смирнова) в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (руководитель академик В. А. Тишков). В проекте приняли участие ученые из 12 регионов Азиатской России: А. Н. Старостин (Екатеринбург), А. А. Авдашкин (Челябинск), В. П. Клюева и Ш. Ф. Фарахутдинов (Тюмень), Т. Б. Смирнова, А. Н. Блинова и К. Ю. Смирных (Омск), Е. В. Шевцова (Новосибирск), С. П. Тюхтенева и Т. В. Метреева (Горно-Алтайск), А. В. Задорин (Красноярск), А. В. Комбаев и А. Б. Цыденов (Улан-Удэ), А. Г. Томаска и Д. М. Винокурова (Якутск), П. Г. Сидоров (Хабаровск), Г. Г. Ермак (Владивосток), О. П. Коломиец (Анадырь).

Монография построена на анализе масштабной эмпирической базы. Исследование охватывает 27 субъектов РФ, 12 из которых стали площадкой для полевых работ. Трехуровневая структура данных – федеральная и региональная статистика (включая материалы переписей 1897–2021 гг.), массовые социологические опросы и качественные интервью – обеспечивает высокую валидность выводов. Применение единого инструментария во всех регионах позволяет проводить корректные межрегиональные сопоставления. Структура монографии представляет собой классический для подобных исследований дизайн: введение рассказывает о задачах исследования, глава 1 посвящена общетеоретическому и проблемному анализу, глава 2 – региональной конкретике.

Итак, глава 1 монографии «Демографическая ситуация и динамика этнического состава населения» выполняет функцию концептуального введения и проблемного анализа, задавая аналитическую рамку для последующего регионального рассмотрения. Раздел 1.1 предлагает

не просто описание народов макрорегиона, а условное деление на несколько групп на основании их статуса, выделяя четыре категории населения: русские как статистическое большинство (87,2 %); коренные народы, которые принято называть «титულными» (буряты, якуты, тувинцы, алтайцы и др.); коренные малочисленные народы (39 из 47 российских КМНС); диаспоральные группы («старые» и «новые» диаспоры), причем авторы именуют диаспорой только институционально оформленные группы

Раздел 1.2 посвящен выявлению концептуальных подходов, применявшихся к изучению миграций в Азиатской России, среди которых можно назвать идею отдельной Евразийской миграционной системы (И. В. Ивахнюк); концепцию транснационализма и транснациональных социальных пространств; идею «полярного ислама» как специфического феномена северных территорий (М. Ларюэль, С. Хофман). Авторы убедительно показывают, как теоретическая оптика определяет границы видимости исследовательского объекта, и обосновывают познавательные преимущества транснационального подхода для изучения связей между регионами Урала, Сибири, Дальнего Востока и странами Центральной Азии.

Раздел 1.3 фиксирует динамику миграционных настроений в макрорегионе, базируясь на сопоставлении данных опросов 2020 и 2024 гг. Среди выводов – выявление сдвига в структуре миграционной обеспокоенности населения: от преимущественного внимания к внутренней миграции («утечка мозгов», отток местного населения в западную часть России) в 2020 г. к фокусировке на внешней миграции и связанной с ней межнациональной напряженности в 2024 г., а также снижение эмиграционных настроений жителей азиатской части России и рост субъективного ощущения «стало много мигрантов» у жителей.

Раздел 1.4, демографический, комбинирует данные статистического анализа (данные переписей о среднем количестве детей у разных народов, СКР) и качественного анализа (21 глубинное интервью с представителями разных этнических групп). Такой дизайн позволяет не только констатировать различия в рождаемости (в частности, у русских – 1,5; у алтайцев – 2,2; у таджиков – до 2,6), но и выявить факторы, стоящие за этими различиями: уровень урбанизации, сохранение традиционных семейных структур, религиозные установки. Интервью, в частности, показывают, что экономические мотивы (жилье, доход) играют более значимую роль в репродуктивных установках, чем этническая принадлежность как таковая.

Раздел 1.5 эмпирически фиксирует соотношение общероссийской, региональной и этнической идентичностей в 12 изучаемых регионах. По результатам опросов 58,42 % респондентов ставят общероссийскую идентичность на первое место и в целом, и в каждом регионе. Авторы фиксируют сформированность и высокую значимость российской идентичности для жителей. Региональная идентичность сильнее всего выражена у жителей СФО («сибиряки»), впрочем, авторы акцентируют, что исторически Сибирью считались все земли за Уралом. Этническая идентичность в подавляющем большинстве случаев носит позитивный характер и связывается с чувством гордости; для студентов она имеет гораздо меньшее значение, чем для взрослых респондентов.

Завершающий раздел главы 1 (Раздел 1.6) посвящен межнациональным отношениям в 10 регионах Азиатской России, которые авторы характеризуют как в целом позитивные. Интересен еще один из результатов: угроза традициям и образу жизни беспокоит

респондентов вдвое больше (24,3 %), чем угроза личной безопасности (12,4 %), соответственно, большинство респондентов не против приезда мигрантов, но при условии, что приезжающие будут соблюдать местные, российские, законы и нормы поведения.

Глава 2 «Этнодемографические процессы в регионах УФО, СФО и ДФО» представляет собой серию региональных кейс-стади, выполненных по единому стандарту. Ее достоинства определяются глубиной региональной конкретики и возможностью сопоставления. Все 11 региональных очерков построены по единой схеме и включают в себя исторический экскурс (формирование населения с XVII–XIX вв.), анализ динамики численности и этнического состава по данным переписей (от 1897–1926 до 2020–2021 гг.), анализ современной демографической ситуации (рождаемость, смертность, миграции). Это позволяет проводить корректные межрегиональные сопоставления, не теряя при этом уникальных черт каждого субъекта. Читатель может проследить, как общероссийские тренды (депопуляция, урбанизация, рост миграции из Средней Азии) преломляются в конкретных региональных условиях.

Заключение подводит итоги масштабного труда. Среди сделанных выводов – о смене вектора демографической динамики в постсоветский период от роста к депопуляции, об устойчивой тенденции выезда русского населения и, следовательно, об изменении этнического состава республик, а также о частичном замещении убыли населения притоком мигрантов. Авторы отмечают, что последние десятилетия после распада СССР сделали города центрами этнокультурной мозаичности, где возникают этнические анклав и районы преимущественного проживания мигрантов. Авторы ставят вопрос и о рисках, связанных с этническим многообразием, отмечая, что сложный состав населения становится средой, потенциально благоприятной для развития конфликтов. Авторы делают вывод и о контрасте российской и среднеазиатской моделей воспроизводства населения, сохраняющей высокую рождаемость, на которую оказывает влияние степень религиозности и образ жизни (городской или сельский). Констатируют авторы и проблему развития территорий и кадрового потенциала: интеллектуальные ресурсы для поворота на Восток в настоящее время отсутствуют, и подготовлены они будут не скоро. Авторы фиксируют отсутствие концептуальной определенности в вопросах развития Азиатской России. Заключение завершается серией открытых вопросов, адресованных как государству, так и экспертному сообществу, главный из которых: какое будущее должно быть у Азиатской России?

Среди некоторых ограничений работы отметим диспропорцию количественного и качественного анализа, отсутствие сравнительного синтеза по результатам второй главы (была бы интересна типология регионов), неопределенность понятия «этнический анклав», скорее диагностический, чем объяснительный характер работы. Впрочем, всегда остается место для будущего анализа. Монография «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в условиях поворота на Восток» – фундаментальное исследование, закрывающее важную лакуну в изучении восточных регионов РФ. Ее безусловная ценность – в эмпирической полноте, методологической преемственности и способности зафиксировать ключевые тренды (демографическая асимметрия, изменение структуры идентичности, рост значимости миграционного фактора) на репрезентативном материале.

Список литературы / References

Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в условиях поворота на Восток. (2025). Отв. ред. Т. Б. Смирнова, А. Н. Блинова. Омск: Издательский дом «Наука». 290 с.

Smirnova, T. B., Blinova, A. N. (eds). (2025). *Asian Russia: Demography, Ethnic Composition of the Population, and Interethnic Relations in the Context of the Turn to the East.* Omsk. 290 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Арутюнова Екатерина Михайловна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социальной и цифровой гуманитаристики Московского института психоанализа, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, e-mail: 981504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>.

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026

После доработки: 22.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Arutyunova Ekaterina – Candidate of Sociological Sciences, Chair of the Department of Social and Digital Humanities, Moscow Institute of Psychoanalysis, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, e-mail: 981504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>.

The paper was submitted: 12.01.2026

Received after reworking: 22.02.2026

Accepted for publication: 06.03.2026

УДК 316; 39

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СИБИРИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ДИНАМИКА¹

М. А. Жигунова

Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
marizh.omsk@mail.ru

Аннотация. В представленной статье автор фокусирует внимание на актуальности изучения истории и современного состояния восточных славян – основного населения нашей страны. Данная тема является одной из центральных как на международных конгрессах, организуемых в России, так и в проектах зарубежных исследователей. Отдельное внимание уделяется анализу коллективной монографии, посвященной этнокультурной идентичности русских, украинцев и белорусов – «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI вв.)». В ней выявляются три основных фактора формирования этнокультурной идентичности, анализируются отличительные признаки в сфере традиционной культуры и визуальных образов.

Ключевые слова: Сибирь и Дальний Восток, восточные славяне, традиционная культура, самоидентификация, множественная идентичность, история и современность.

Для цитирования: Жигунова, М. А. (2026). Этнокультурная идентичность восточнославянских народов в Сибири: история изучения и динамика. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 165-171. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.165-171

THE ETHNOCULTURAL IDENTITY OF THE EAST SLAVIC PEOPLES IN SIBERIA: HISTORY OF STUDY AND DYNAMICS²

M. A. Zhigunova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk)
marizh.omsk@mail.ru

Abstract. In this article, the author focuses on the relevance of studying the history and current status of the Eastern Slavs – the majority population of our country. This topic is a central one both at international congresses organized in Russia and in projects by foreign researchers. Particular attention is given to the analysis of a collective monograph devoted to the ethnocultural identity of Russians, Ukrainians, and Belarusians – “Siberia and Siberians: The Ethnocultural Identity of the Russian and Other East Slavic Peoples in Siberia (19th – Early 21st Centuries)”. It identifies three main factors in the formation of ethnocultural identity and analyzes distinctive features in traditional culture and visual imagery.

Keywords: Siberia and the Far East, Eastern Slavs, traditional culture, self-identification, multiple identity, history and modernity.

¹ Статья подготовлена в рамках Государственного задания Института археологии и этнографии СО РАН «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие» (№ FWZG-2025-0014).

² The article was prepared within the framework of the State assignment of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Population of the South of the West Siberian Plain: Sociocultural Dynamics and Cultural Heritage” (No. FWZG-2025-0014).

For citation: Zhigunova, M. A. (2026). The Ethnocultural Identity of the East Slavic Peoples in Siberia: History of Study and Dynamics. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 165-171. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.165-171

Восточнославянское население современной России является основным и доминирующим, в отдельных регионах составляет до 92 % населения. Оно представлено русскими, украинцами, белорусами, а также казаками и сибиряками, другими этническими группами. В начале XXI в. особую актуальность в исследованиях приобрели вопросы идентичности и региональной политики [Сверкунова, 2002; Сибирь ..., 2003; Феномен идентичности ..., 2011; Этносоциальные процессы ..., 2008; Этносоциология ..., 2022]. Специфике Сибири и ее населения посвящены работы историков, философов, социологов, филологов, музееведов и других специалистов. Наибольшее количество исследователей по этой тематике работает в академических и образовательных учреждениях Новосибирска, Омска, Барнаула, Владивостока. Активность их исследований особенно возросла в 2000-е гг., о чем свидетельствует целый ряд новых научных публикаций [Аргудяева, 2006; Бубликов, Ермак, 2022; Вахтин и др., 2004; Гражданская, региональная, этническая идентичность ..., 2025; Жигунова, 2015; Карабулатова, 2005; Костюк, Абрамова и др., 2008; Население Сибири ..., 2011; Сибирское казачество ..., 2011; Фурсова, Федоров и др., 2022; Федоров, 2020; Федоров, 2022; Фурсова, 2015; Фурсова 2022; Шерстова, 2020; Этническая панорама Сибири ..., 2022; Этнокультурная идентичность народов Сибири ..., 2019] и проведенных всероссийских и международных конференций. Среди них: Сибирские чтения «Культура народов Сибири и Севера», Научно-практический семинар «Народная культура в Сибири», Всероссийские научные конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития и «Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность», Сибирский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири». Их дополняют Международные научные форумы: «Этносоциальные процессы в Сибири» (Новосибирск), «Культура и менталитет сибиряков» (Санкт-Петербург), «Этнография Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул), «Этнокультурное взаимодействие в Сибири (XVII-XX вв.)» и др.

Широкое обсуждение результатов исследования Сибири демонстрирует международный интерес к Сибири. Так, например, в 2009 г. мне довелось консультировать член-корреспондента отдела по исследованию Монголии и Средней Азии Кембриджского университета Дейвида Льюиса, который изучал социальную антропологию Сибири. После нашего плодотворного общения он подарил мне свою монографию «После эпохи атеизма. Религии и народы России и Средней Азии», основанную на рассказах людей, в том числе и живущих в Сибири. На следующий год группа французских журналистов, приехавшая в Россию для съемок многосерийного документального фильма «Путевые заметки о Сибири» (ТВ-канал «Frans-5», режиссер Бенуа Сегюр), пригласила меня выступить в качестве научного консультанта. В 2012 г. в Президиуме СО РАН в Академгородке Новосибирска состоялось обсуждение международного проекта Фонда им. Фридриха Эберта (Германия) «Сибиряк: грани идентичности». Позднее пришло приглашение на участие в коллективной монографии «Humans in the Siberian Landscapes Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space», которая была опубликована в известном издательстве «Springer» [Bocharnikov, Steblyanskaya, 2022].

С конца XX в. во время проводимых мной исследований стали встречаться респонденты, определявшие свою национальность как «сибиряк» и «сибирячка». Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2010 г., среди вариантов национального

самоопределения впервые были официально зафиксированы «сибиряки». На эту ситуацию неоднозначно отреагировали политики и чиновники, ученые и общественность, вопрос широко обсуждался на различных научных и общественных форумах. Интересно, что в Российской Федерации нередко встречаются негативные стереотипы о сибиряках, а среди иностранцев существует устойчивый позитивный образ Сибири и сибиряков (по сравнению с Россией и русскими в целом). Это неоднократно подтверждали зарубежные участники секции по идентичности, которая регулярно организуется нами в рамках работы на Конгрессе этнографов и антропологов России с 2009–2025 гг.

Из недавних публикаций, посвященных данной тематике, можно отметить коллективную монографию «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI вв.)»³ [Фурсова, Федоров и др., 2022]. Она состоит из введения, 6 глав и заключения, написанных учеными Новосибирска, Тюмени и Москвы. Среди них: 2 доктора исторических наук – Р. Ю. Федоров и Е. Ф. Фурсова, 3 кандидата исторических наук – М. В. Васеха, О. В. Голубкова и Н. И. Шитова. Они анализируют результаты изучения этнокультурной идентичности восточных славян Сибири в конце XIX – начале XXI вв. и выявляют три основных фактора ее формирования: исторический, культурно-ландшафтный и культурно-бытовой. Также справедливо отмечают, что «отличительные этнокультурные признаки сосредоточены в сфере традиционной культуры и проявляются в конкретных формах (языке, обычаях, обрядах, религиозных воззрениях и практиках, жилище, одежде, питании, технологиях, стереотипах поведения, коммуникации и пр.) [Там же, с. 6].

Многогранность и актуальность представленного исследования в значительной степени контрастирует с фразой из «Введения», что исследование Сибири «пока не вызывает особого интереса» [Там же, 2022, с. 7]. Учитывая количество проведенных авторами исследований и представленный детализированный анализ, с данным утверждением сложно согласиться. В книге перечисляются основные социальные и этнокультурные группы исследуемого населения: старожилы и переселенцы, чалдоны, сибиряки, кержаки, самоходы, старообрядцы. И высказывается справедливое суждение о том, что попытки решения проблем этнокультурной идентичности только с опорой на переписи населения и данные анкетирования не могут привести к объективным результатам. Логичным подтверждением и продолжением исследования является глава 1, посвященная исторической памяти и локальной идентичности русских крестьян-старожилов. Также в ней представлены общие подходы и методы исследования, дискуссионные вопросы, история изучения различных групп сибирского населения.

В главе 2 рассматривается динамика этнокультурной идентичности и особенности расселения белорусов, в главе 3 – украинских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока. Делается справедливый вывод о том, что со середины XX в. многие украинцы и белорусы Сибири стали считать себя русскими. Глава 4 посвящена старообрядческим группам Горного Алтая, принадлежащим к различным согласиям. В главе 5 на основе этнографических, фольклорных и лингвистических материалов анализируются народные

³ С книгой можно ознакомиться на сайте Института археологии и этнографии СО РАН. URL: <https://archaeology.nsc.ru/izdatelstvo/monografii-i-sborniki/2022-2/sibir-sibiryaki/>

верования, выявляются сохраняющиеся архаические черты и представления о домовых, русалках, леших, колдунах, кикиморах и др. Глава 6 посвящена визуализации Сибири и сибирскости, территориальным брендам Новосибирска, Омска, Иркутска, Кемерово, Красноярска.

Несомненными достоинствами работы является комплексный подход и активное использование материалов многолетних экспедиционных исследований 1978–2018 гг. (включая метод непосредственного включенного наблюдения, визуального наблюдения и глубинного интервью), внушительный список «Источников и литературы» [Фурсова, Федоров и др., 2022, с. 237-261], включающий 418 наименований на русском, белорусском, украинском и английском языках. В «Приложении» представлен перечень 65 проведенных экспедиций, номеров полевых дневников и рукописей, а также список информаторов [Там же, с. 262-280], в котором перечислены люди 1894–1980 гг. рождения. Существенным дополнением к работе является иллюстративный ряд черно-белых и цветных фотографий, рисунков.

Известный поэт А. Т. Твардовский говорил: «Сибиряки – народ хотя и сборный, но отборный!». Можно с уверенностью сказать, что настоящие сибиряки (как по рождению, так и по духу, по убеждению) преданы своей малой Родине, хотят здесь жить и трудиться на ее благо. В завершение хочется выразить благодарность всем исследователям Сибири и сибиряков, пожелать дальнейших успехов в изучении этого специфического региона.

Список литературы / References

Аргудяева, Ю. В. (2006). *Восточные славяне на юге Дальнего Востока*. Владивосток. 239 с.

Argudyaeva, Yu. V. (2006). *Eastern Slavs in the South of the Far East*. Vladivostok. 239 p. (In Russ.)

Бубликов, В. В., Ермак, Г. Г. (2022). Самооценка этничности населением России с двойной русско-украинской идентичностью: «русские» и «украинские» качества. *Caucasian Science Bridge*. Vol. 5 № 3 (17). С. 98-114.

Bublikov, V. V., Ermak, G. G. (2022). Self-assessment of Ethnicity by the Population of Russia With dual Russian-Ukrainian Identity: “Russian” and “Ukrainian” Qualities. *Caucasian Science Bridge*. Vol. 5 No. 3 (17). Pp. 98-114. (In Russ.)

Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В., Швайтцер, П. (2004). *Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания*. М. 292 с.

Vakhtin, N. B., Golovko, E. V., Schweitzer, P. (2004). *Russian Old-Timers of Siberia: Social and Symbolic Aspects of Self-Awareness*. Moscow. 292 p. (In Russ.)

Гражданская, региональная, этническая идентичность в этнологических исследованиях: сб. статей. (2025). Отв. ред. Р. А. Старченко, П. А. Серин. М. 228 с.

Starchenko, R. A., Serin, P. A. (eds.). (2025). *Civil, Regional, and Ethnic Identity in Ethnological Research: A Collection of Articles*. Moscow. 228 p. (In Russ.)

Жигунова, М. А. (2015). Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. № 3 (9). С. 136-146.

Zhigunova, M. A. (2015). The East Slavic Population in Siberia: an Ethnocultural History and Identity. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. № 3 (9). Pp. 136-146. (In Russ.)

Карабулатова, И. С. (2005). *Введение в региональную этнолингвистику*. М.; Тюмень. 200 с.

Karabulatova, I. S. (2005). *Introduction to Regional Ethnolinguistics*. Moscow; Tyumen. 200 p. (In Russ.)

Костюк, В. Г., Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Ерохина, Е. А., Мархинин, В. В., Удалова, И. В., Ушаков, Д. В. (2008). *Россия как цивилизация: сибирский ракурс*. Отв. ред. В. Г. Костюк. Новосибирск. 262 с.

Kostyuk, V. G., Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Erokhina, E. A., Markhinin, V. V., Udalova, I. V., Ushakov, D. V. (2008). *Russia as a Civilization: A Siberian Perspective*. Kostyuk, V. G. (ed.). Novosibirsk. 262 p. (In Russ.)

Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. науч. тр. (2011). Под ред. М. А. Жигуновой, Е. М. Данченко. Омск. 348 с.

Zhigunova, M. A., Danchenko, E. M. (eds.). (2011). *The Population of Siberia: Interethnic Relations, Education and Cultural Identity*. Collection of Scientific Papers. Omsk. 348 p. (In Russ.)

Сверкунова, Н. В. (2002). *Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования*. СПб. 192 с.

Sverkunova, N. V. (2002). *Regional Siberian Identity: The Experience of Sociological Research*. St. Petersburg. 192 p. (In Russ.)

Сибирское казачество: история и современность: сб. науч. ст. (2011). Под ред. М. А. Жигуновой, Н. А. Томилова. Омск. 256 с.

Zhigunova, M. A., Tomilov, N. A. (eds.). (2011). *Siberian Cossacks: History and Modernity*. Collection of Scientific Articles. Omsk. 256 p. (In Russ.)

Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. (2003). Под ред. проф., акад. РАН А. О. Вороноева. СПб. 274 с.

Voronov, A. O. (ed.). (2003). *Siberia. Problems of Siberian Identity*. St. Petersburg. 274 p. (In Russ.)

Федоров, Р. Ю. (2020). Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность. *Этнографическое обозрение*. № 4. С. 102-115.

Fedorov, R. Yu. (2020). Chaldons and Samokhods: Myths of Identity and Ethnographic Reality. *Ethnographic Review*. No. 4. Pp. 102-115. (In Russ.)

Федоров, Р. Ю. (2022). Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Новосибирск. 252 с.

Fedorov, R. Yu. (2022). *Features of Traditional Culture and Dynamics of Ethnocultural Processes among Belarusian Peasant Settlers of Siberia and the Far East (second half of the 19th- early 21st century)*. Novosibirsk. 252 p. (In Russ.)

Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова. (2011). Сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. М. 670 с.

Guboglo, M. N., Dubova, N. A. (comp.). (2011). *The Phenomenon of Identity in Modern Humanitarian Knowledge: On the 70th anniversary of Academician V. A. Tishkov*. М. 670 p. (In Russ.)

Фурсова, Е. Ф. (2015). Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Сибири: мультидисциплинарный подход. *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 22. № 2. С. 100-104.

Fursova, E. F. (2015). Problems of Typology of Ethnographic, Confessional, and Local Groups of Slavic Migrants of Siberia: a Multidisciplinary Approach. *Humanities in Siberia*. Vol. 22. No. 2. Pp. 100-104. (In Russ.)

Фурсова, Е. Ф. (2022). Чаехлебы: как сибиряки за столом европейцев опередили. Новосибирск. 103 с.

Fursova, E. F. (2022). *Chaykhlyobs: How Siberians Outdid Europeans at the Table*. Novosibirsk. 103 p. (In Russ.)

Фурсова, Е. Ф., Федоров, Р. Ю., Шитова, Н. И., Голубкова, О. В., Васеха, М. В. (2022). *Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI вв.)*. Отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск. 284 с.

Fursova, E. F., Fedorov, R. Yu., Shietova, N. I., Golubkova, O. V., Vasekha, M. V. (2022). *Siberia and the Siberians: Ethnocultural Identity of the Russian and Other East Slavic Peoples in Siberia (XIX – early XXI century)*. Fursova, E. F. (ed.). Novosibirsk. 284 p. (In Russ.)

Шерстова, Л. И. (2020). Евразийская ментальность: сибирский аспект. *Вестник Томского государственного университета. История*. № 68. С. 133-138.

Sherstova, L. I. (2020). Eurasian Mentality: The Siberian Aspect. *Bulletin of Tomsk State University. History*. No. 68. P. 133-138. (In Russ.)

Этническая панорама Сибири: альбом-путеводитель по экспозиции и этнографической коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея. (2022). Сост., авт. вступ. ст. П. П. Вибе, М. А. Жигунова. Изд. 2-е. Омск; СПб. 144 с.

Vibe, P. P., Zhigunova, M. A. (comp., auth. of the intr.). (2022). *Ethnic Panorama of Siberia. A Guide Album to the Exposition and Ethnographic Collection of the Omsk State Museum of Local Lore*. 2nd ed. Omsk; St. Petersburg. 144 p. (In Russ.)

Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. (2019). Отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск. 592 с.

Fursova, E. F. (ed.). (2019). *Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk. 592 p. (In Russ.)

Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. (2008). Вып. 9. Под ред. Ю. В. Попкова и А. П. Коновалова. Семипалатинск. 767 с.

Popkov, Yu. V. and Konovalov, A. P. (eds.). (2008). *Ethnosocial Processes in Inner Eurasia*. Iss. 9. Semipalatinsk. 767 p. (In Russ.)

Этносоциология: поиски и свершения. (2022). Отв. ред., сост. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. 482 с.

Ostapenko, L. V., Subbotina, I. A. (eds., comp.). (2022). *Ethnosociology: Searches and Achievements*. Moscow. 482 p. (In Russ.)

Bocharnikov, V. N., Steblyanskay, A. N. (eds.). (2022). *Humans in the Siberian Landscapes Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space*. Springer. 724 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Жигунова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17, e-mail: marizh.omsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

После доработки: 27.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Zhigunova Marina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Ak. Lavrentiev Avenue, 17, e-mail: marizh.omsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>.

The paper was submitted: 12.02.2026

Received after reworking: 27.02.2026

Accepted for publication: 06.03.2026

УДК 008+32

РОССИЯ В СРЕДОКРЕСТИИ ПРОСТРАНСТВ И ВРЕМЕН (О НОВОЙ РАБОТЕ СИБИРСКИХ ФИЛОСОФОВ)

В. И. Разумов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск)
Razumovvi@omsu.ru

Аннотация. Дается краткая рецензия на новую монографию сибирских философов «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)», посвященную системному осмыслению особенностей России и ее места в евразийском и мировом социокультурном пространстве. Подчеркивается эвристический потенциал используемого цивилизационного подхода в его синтетической интерпретации, и отмечается развитие авторами книги идей философии всеединства.

Ключевые слова: Россия, Евразия, цивилизация, мегацивилизация, цивилизационный подход, философия всеединства.

Для цитирования: Разумов, В. И. (2026). Россия в средокрестии пространств и времен (о новой работе сибирских философов). *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 172-175. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.172-175

RUSSIA IN THE CROSSROADS OF SPACE AND TIME (ON A NEW WORK BY SIBERIAN PHILOSOPHERS)

V. I. Razumov

F. M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk)
Razumovvi@omsu.ru

Abstract. The author presents a review of a new monograph by Siberian philosophers “Russia at the Crossroads of Spaces and Times (An Experiment with a Synthetic Civilizational Approach)”. It is devoted to a systemic understanding of Russia’s characteristics and its place in the Eurasian and global sociocultural space. The author emphasizes the heuristic potential of the civilizational approach used in its synthetic interpretation and notes the authors’ development of ideas from the philosophy of all-unity.

Keywords: Russia, Eurasia, civilization, mega-civilization, civilizational approach, philosophy of all-unity.

For citation: Razumov, V. I. (2026). Russia in the Crossroads of Space and Time (on a New Work by Siberian Philosophers). *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 172-175. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.172-175

В начале своего обзора по представлению читателям книги, подготовленной авторским коллективом, возглавляемым А. В. Ивановым [Иванов, Попков и др., 2025], считаю необходимым обратить внимание на принципиальные моменты.

Во-первых, это очередной и весьма значимый результат многолетних углубленных исследований коллектива единомышленников-философов, стремящихся системно осмыслить себя, свою страну, наконец, человечество, в масштабах, как минимум, освоенной

и понятой части Вселенной. Поэтому важно сослаться на преемственность рецензируемой монографии двум ранее опубликованным книгам [Иванов, Фотиева и др., 2012; Иванов, 2017].

Во-вторых, несмотря на все ускоряющийся, как кажется, процесс мультипликации знаний с древности и по наше время, сохраняется деление всего знания на два типа – это «знания предмета» и «знания о предмете». Различаются они направлениями внимания субъекта. «Знание предмета» ориентирует внимание на то, как воздействовать, управлять, изменять; «знание о предмете» разворачивает разнообразные описания, риторические и коммуникативные практики. При таком отношении обсуждаемая книга – это, прежде всего, «знание предмета». Уместно заметить, что в монографии отдана дань должного и «знанию о предмете», что, в частности, проявляется в историографическом сопровождении работы.

В-третьих, книга А. В. Иванова и соавторов есть призыв к сотворчеству в стремлении сделать себя и мир лучше.

В оценке книги я сосредоточу внимание на ее обсуждении, состоявшемся на круглом столе, видеоматериалы которого представлены в сети Интернет¹.

Хочется отметить не вызывающую сомнения жанровую специфичность книги – она есть достойное продолжение традиций философии Всеединства. Это ярко проявлено уже в том, что авторский коллектив не вносит свою лепту в давний спор славянофилов и западников, а берет за основу организации материалов книги и разрабатывает в ней «синтетический цивилизационный подход».

Книга призывает к коммуникации, но я воздержусь от того, чтобы писать параллельно с ее содержанием рецензию. Монография так хорошо структурно проработана, что одним из достоинств оказывается ее саморепрезентативность.

Сосредоточу внимание на вопросах, выходящих за пределы содержания работы, и касающихся построения в России государства и общества нового типа.

Если говорить о соответствии книги мировым исследовательским практикам, то она вписывается в направление, развиваемое, в первую очередь, англо-американскими авторами (И. Валлерстайн, Р. Коллинз, Т. Скочпол и др.). В России эту традицию представляет, например, Н. С. Розов. Рецензируемая книга может быть включена в разряд работ, формирующих концепцию крупномасштабного сложного общества. К таким образованиям относят обычно учение об общественно-экономических формациях, концепции регионально-стадиального развития, цивилизации, миросистемы.

А. В. Иванов и соавторы вносят в этот подход свой вклад. Они используют понятие «мегацивилизация», примером которой выступает Россия. Есть основание полагать, и к этому склоняет контекст монографии, мегацивилизация есть форма единения людей в единое человечество как субъектов ноосферного и космического уровней развития.

В развитии высказанных соображений необходимо указать на чрезвычайно важную творческую находку авторов – это метафора «средокрестия». Важно, что она не только богата в смыслообразующем и контекстоформирующем планах. С конца 80-х гг. XX в. и по настоящее время идут дебаты о национальной идее России. У меня отсутствует

¹ Видео презентации монографии «Россия в средокрестии пространств и времен». [Электронный ресурс]. *Институт комплексных евразийских исследований*. URL: <https://altaiinstitute.ru/kruglyj-stol-rossiya-v-sredokrestii-prostranstv-i-vremen-2/> (дата обращения: 18.01.2026).

возражение относительного того, чтобы национальной идеей для России стало следующее выражение: быть для мировых цивилизаций и культур средокрестием, как смыслообразующим центром и областью понимания единения и совместного развития интересов человека, общества, природы.

Другим новым научным результатом, на который стоит обратить особое внимание, является концептуализация понятия «цивилизационный коридор». Не менее значимым выступает конкретная характеристика серии широтных и меридиональных цивилизационных коридоров Евразии, в которые Россия была исторически включена. Они играли и продолжают играть важную роль в интеграции как самой нашей страны, так и всего евразийского социокультурного пространства.

Материал книги распределен по трем разделам и восьми главам. Разделы 1–2 (главы 1–4) посвящены преимущественно созданию теоретической базы работы. Раздел 3 (главы 5–8) более практически ориентирован.

Во время презентации высказывались мысли о том, например, что современная молодежь в силу своей примитивности не воспримет идей книги. На это рецензент находит возражение, что от истоков истории старшее поколение всегда корило молодежь, и мировая история продолжает развиваться по ветви прогресса.

В качестве недостатка и пожелания уместно указать на малое внимание авторов теме социально-исторических законов. Вероятно, в этой теме не стоит представлять их формулировки наподобие тех, что приняты в логике и математике, и в естествознании. Другое дело, уместно расширить понимание законов так, чтобы образовался универсум законов с двумя полюсами. В одном находятся объектно-ориентированные законы (логика, математика), а в другом законы субъектно-ориентированные (юриспруденция, гуманитарные дисциплины). Так можно найти место любому закону Мироздания, включая историю, социальные процессы.

Список литературы / References

Иванов, А. В. (2017). *Новый опыт «метафизики всеединства»*. Барнаул: Пять плюс. 364 с.

Ivanov, A. V. (2017). *A New Experience of the "Metaphysics of Unity"*. Barnaul. 364 p. (In Russ.)

Иванов, А. В., Попков, Ю. В., Фотиева, И. В., Артамонова, Т. А., Шишин, М. Ю. (2025). *Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)*. Под ред. А. В. Иванова, И. В. Фотиевой. Барнаул: Новый формат. 303 с.

Ivanov, A. V., Popkov, Yu. V., Fotieva, I. V., Artamonova, T. A., Shishin, M. Yu. (2025). *Russia in the Middle of Spaces and Times (the Experience of a Synthetic Civilizational Approach)*. Ivanov, A. V., Fotieva, I. V. (eds.). Barnaul. 303 p. (In Russ.)

Иванов, А. В., Фотиева, И. В., Шишин, М. Ю. (2012). *Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой этики»*. Барнаул: Изд-во Фонда: «Алтай – 21 век». 512 с.

Ivanov, A. V., Fotieva, I. V., Shishin, M. Yu. (2012). *The Ascendant Man: A Philosophical and Scientific Synthesis of "Living Ethics"*. Barnaul. 512 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Разумов Владимир Ильич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, философии и культурологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, пр. Мира, 55, e-mail: Razumovvi@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6904-9764>.

Статья поступила в редакцию: 05.02.2026

После доработки: 22.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Razumov Vladimir – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Mira Avenue, 55, e-mail: Razumovvi@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6904-9764>.

The paper was submitted: 05.02.2026

Received after reworking: 22.02.2026

Accepted for publication: 06.03.2026